

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

**ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ, ОБРАЗОВАНИЯ**

Материалы научно-практической конференции
«Чтения Ушинского»

Ярославль
2023

УДК 930
ББК 63.(2) Я434+63.3(0) Я434
В 748

Печатается по решению редак-
ционно-издательского совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

А. М. Ермаков;

доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

А. В. Азов

В 748 **Вопросы отечественной и зарубежной истории, поли-
тологии, социологии, философии, образования :** мате-
риалы научно-практической конференции «Чтения Ушин-
ского» [20 апреля 2023 г.] / под науч. ред. О. С. Нагор-
ной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – 326 с.

ISBN 978-5-00089-637-2

Сборник научных статей, подготовленный по материалам меж-
дународной научной конференции «Чтения Ушинского» (20 апреля
2023 г.), посвящен актуальным проблемам изучения российской и
всемирной истории, политологии, социологии, философии и дидак-
тики.

Материалы адресованы широкому кругу читателей, интересую-
щихся современными дискуссиями в сфере гуманитарных и обще-
ственных наук.

УДК 930
ББК 63.(2) Я434+63.3(0) Я434

ISBN 978-5-00089-637-2

© ФГБОУ ВО «Ярославский госу-
дарственный педагогический уни-
верситет им. К. Д. Ушинского»,
2023

© Авторы материалов, 2023

Содержание

РАЗДЕЛ 1. «УЧЕНЫЕ, ПЕДАГОГИ И НАСТАВНИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ»

- Ходнев А. С. К. Д. Ушинский в Ярославле: город в эпоху перехода к «современности» и творческая личность* _____ 7
- Архипова Л. М. Педагогическое значение научного творчества В. О. Ключевского* _____ 15
- Лихоманова А. А. Роль Московского университета в формировании культуры студентов: взгляд интеллектуалов конца 1820 – начала 1850-х гг.* _____ 23
- Зимина А. А. Духовно-образовательная роль наставничества в культуре старообрядцев-беспоповцев* _____ 30
- Цой И. А. Роль В. И. Водовозова в реформировании образовательного процесса в Смольном институте (по мемуарам Е. Н. Водовозовой)* _____ 35
- Молодцова М. А. Учитель музыки О. М. Блатова (1865–1947): «Пока не запоёт весь Мологский уезд»* _____ 42
- Пань С., Ло Айлинь В память педагога и историка Чжан Кайюань* _____ 49

РАЗДЕЛ 2. «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»

- Аграфонов П. Г. Святилища Геракла на территории Херсонесского государства (IV в. до н. э. – III в. н. э.)* _____ 57
- Пань Сюаньье Создание Балтийского и Бэйянского флотов как часть реформ Петра I и Цинского правительства (Китай)* _____ 64
- Грушина Т. А. Черты политической культуры эпохи Просвещения в переписке Фридриха II и Екатерины II* _____ 72
- Новичкова Д. А. Мемуары П. С. Пущина как исторический источник о событиях Отечественной войны 1812 г.* _____ 80

Сараева Е. Л. Идеи П. Я. Чаадаева о политике европеизации России _____	87
Емельянова М. С. Забытый мир городской усадьбы Ярославля 1860-х годов _____	94
Розина О. В. Российская либеральная пресса 1880-х гг. об убийстве Александра II _____	102
Музыченко О. А. Газета «Черниговские губернские ведомости» как источник по истории повседневной жизни Стародубья во второй половине XIX в. _____	110
Карандашев Г. В. Дискуссия по вопросу о «жертвах общественного темперамента» в российском обществе в конце XIX – начале XX вв. _____	116
Заварин А. Д. Страх как фактор формирования гибридной идентичности: на примере эстонцев Юхотского края в 1930–1990-е гг. _____	122
Пчелкина А. К. Репрезентация образа Спартака в балете А. И. Хачатуряна (на примере постановки Ю. Н. Григоровича) _____	128
Кищенков М. С. Национальная политика и национальные движения в СССР в 1953–1991 гг.: в оценке отечественной историографии _____	136
Шамонин И. В. Обслуживание легковых автомобилей в Ярославле в конце 1980-х-начале 1990-х гг.: повседневные практики _____	143
Рябов В. Ю. Христианский эсхатологический алармизм как историко-культурный феномен: теоретические аспекты проблемы _____	150
Шестопалова Д. Б. Трагические страницы истории Русской Православной Церкви 1918-1930 гг. в культурной памяти: методологические аспекты _____	157

Смирнова Л. В. Культ павших в войнах XX в. в СССР и России.
Историографические подходы к изучению
военной коммеморации _____ 164

РАЗДЕЛ 3. «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

Егоров П. Е. «Американское рабство как оно есть: показания тысячи свидетелей» Теодора Велда и сестер Гримке в контексте идей американского аболиционизма _____ 172

Нуруллина А. В. Отражение войны Англии с Наполеоновской Францией (1803–1815) в творчестве Уильяма Тёрнера _____ 179

Мичу Ю. М. Использование антисемитских идей Мартина Лютера в нацистской пропаганде _____ 188

Чиждова Е. Р. Десятилетие женщин ООН 1975–1985 гг.: дискурсы, акторы, практики _____ 196

Огороднова А. А. Идея альтернативности исторического развития в американской художественной литературе второй половины XX в. _____ 204

Талашов М. В. «Жизнь за металл»: к вопросу о социокультурных истоках тяжелой музыки на Западе в кон. 1960-х – 70-х гг. _____ 210

Парфененко А. Ю. Индивидуальные нарративы еврейских узниц нацистских лагерей: взаимоотношения в лагерном сообществе _ 217

Абакумов А. А. История древнего мира в серии видеоигр Total War _____ 225

Мурашова Д. А. Цифровой архив воспоминаний работников Фабрики «Красный перекоп»: сохранение нематериального наследия советской эпохи г. Ярославля _____ 233

РАЗДЕЛ 4. «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ»

Александрова М. В., Бабурина Н. Ф. Повседневная жизнь различных слоев населения России в XIX в.: дидактический аспект (на примере истории Ярославского края) _____ 242

Козюра Е. Г., Макарецова С. Ф. Методические рекомендации по использованию биографических материалов о Ф. М. Красавине в тематике внеурочных занятий «Разговоры о важном» _____ 250

Жук А. Э. Особенности реализации школьного дистанционного образования за рубежом: проблематика и вариативность их решения _____ 257

Воробьева Д. Н. Как обсуждать противоречивое и сложное наследие с разной аудиторией: образовательный аспект культурной медиации _____ 264

РАЗДЕЛ 6. «СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

Таланов С. Л., Кушнарев Ф. Ю. Роль педагога и наставника в формировании образовательной и профессиональной стратегии студенческой молодежи _____ 273

Епархина О. В. Digital-образование в РФ: возможности и вызовы для педагога _____ 282

Михайлов С. А. Особенности лоббирования интересов АПК в ходе предвыборной кампании 1993 года (по материалам областей Верхневолжья) _____ 289

РАЗДЕЛ 7. «ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Поликарпов С. С. Проект марксистской физиологии Арона Залкинда _____ 298

Артамонов А. О. Виртуальный опыт в процессе формирования самоидентичности _____ 305

Петряков Л. Д. Взаимосвязь философских и информационных онтологий как проблема философии _____ 311

Сведения об авторах _____ 319

РАЗДЕЛ 1. «УЧЕНЫЕ, ПЕДАГОГИ И НАСТАВНИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ»

УДК 93/94 930.85 008

А. С. Ходнев

К. Д. Ушинский в Ярославле: город в эпоху перехода к «современности» и творческая личность

В статье анализируется ярославский период деятельности К. Д. Ушинского. Приезд Ушинского в Ярославль пришелся на переход к «современности» России с середины XIX до начала XX в. К. Д. Ушинский смог преодолеть родимые метки николаевской эпохи: жесткую цензуру и всевозможные ограничения. Ярославский опыт укрепил чувство гражданственности. Идеи К. Д. Ушинского оказались востребованными в России, когда начались реформы и настоящий переход к «современности».

Ключевые слова: «Современность»; модернность; николаевская эпоха; К. Д. Ушинский; Ярославль.

A. S. Khodnev

K. D. Ushinsky in Yaroslavl: A City in the Era of Transition to «Modernity» and a Creative Personality

The article analyzes the Yaroslavl period of Konstantin D. Ushinsky's activity. Ushinsky's arrival to Yaroslavl coincided with the transition to the «modernity» of Russia from the middle of the 19th to the beginning of the 20th century. Konstantin D. Ushinsky was able to overcome the birthmarks of the Nikolaev era: strict censorship and all kinds of restrictions. The Yaroslavl experience strengthened the sense of citizenship. The ideas of Konstantin D. Ushinsky were in demand in Russia when the reforms and the real transition to «modernity» began.

Key words: «modernity»; modern era; Nikolaev era; K. D. Ushinsky; Yaroslavl.

Дискуссии о возможности применении понятия модернность / современность в отношении Российской империи в последний период ее существования идут уже три десятилетия. Много путаницы возникает из-за того, что в русском языке трудно подобрать эквивалент английскому термину *modernity* [Хомяков, 2009]. В заголовке данного текста в кавычках стоит слово «современность» потому, что в русском языке *современность* в обычном значении – это то, что существует сейчас, а не особый период истории – *modernity*, который в исторической хронологии занимает длительную эпоху с Просвещения и промышленной революции до начала XX в. и именуется еще как «Новое время». В нашем понимании переходный период России с середины XIX до начала XX в. – это переход к «современности». Свидетелем и участником этого процесса был основатель российской научной педагогики К. Д. Ушинский.

К. Д. Ушинский приехал в Ярославль в 1846 г., в 23-летнем возрасте, после окончания юридического факультета Московского университета. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона сообщает, что его пригласили для преподавания в ярославский Демидовский лицей [Ушинский, 1902, с. 131]. Ушинский приступил к работе в лицее со 2 августа 1846 г. и выполнял обязанности профессора камеральных наук [Ушинский, 1948], сочетая работу со студентами в аудитории с большим кругом другой активности: писал записки по улучшению учебного плана и преподавания дисциплин, выписывал для библиотеки новые книги и журналы, активно совершенствовал темы конкурсных сочинений студентов. Молодой преподаватель, напитанный новыми столичными знаниями и духом Московского университета, быстро вошел в коллектив лицея и вызвал большой интерес у студентов.

Своих передовых для того времени взглядов Ушинский не скрывал. В одной из первых лекций Константин Дмитриевич так определил значение предмета преподавания: «предметом этой области человеческого знания, к которой принадлежат и камеральные науки, является человеческое общество в его отношениях к людям и к материальной природе» [Ушинский, 1948, с. 52]. Это пояснение выходит далеко за прикладные рамки камеральных наук, популярной в XIX в. области знания для управления иму-

ществом государства. В другой лекции К. Д. Ушинский предлагал студентам перспективу постижения этой прикладной области обязательно с учетом истории: «Человек развивается только в истории, только в истории сознает свое развитие – и нет истории без общества» [Ушинский, 1948, с. 64]. Широкий подход к камералистике как к дисциплине молодой профессор защищал в 1847 г. в речи на тожественном заседании Демидовского лицея. Это подтверждает, что Ушинский был не только хорошо образованным юристом с обширными интересами, но человеком эпохи перехода к «современности».

Ярославль в эту эпоху во многом соответствовал требованиям перехода к современности/модерности, и в то же время для этого российского города были характерны недостатки и трудности, стоявшие перед всей страной на этом пути. Ярославль был намного меньше Москвы, знакомой Ушинскому по учебе в университете, но город входил в двадцать самых больших центров, и опережал по количеству населения (33 тыс.) Нижний Новгород, но уступал Туле и Калуге. На городскую среду и застройку во многом влияла река Волга. М. В. Нащокина подчеркивала, что, как и в большинстве волжских городов, основным градоформирующим фактором в Ярославле в XIX в. было развитие речного порта, подъездных путей, складских территорий, мостов, портовых инженерных сооружений и промышленности [Нащокина, 2018].

Маркиз де Кюстин, травелог которого о России в 1839 г. не без оснований называют русофобским, с почтением описал Ярославль: «Город, куда я прибыл, служит важною перевалочною станцией во внутренней торговле России. Через него Петербург сообщается также и с Персией, Каспийским морем и всею Азией. Здесь протекает Волга – великий и оживленный природный путь, и Ярославль служит национальною столицей водных сообщений, умело налаженных и образующих предмет гордости русских и один из главных источников их благосостояния. К Волге примыкает обширная сеть каналов, составляющих богатство России» [Кюстин, 1996, с. 198].

В известном в XIX в. путеводителе для путешественников по Волге подчеркивались достопримечательности Ярославля: мощные спуски к Волге, как и главные улицы и площади. Волжская

набережная была «устроена» при губернаторе А. М. Безобразове в 1820–1827, и обложена «крупным диким камнем», по верхней окраине которого проведена небольшая аллея, а остальная часть откоса покрыта дерном. Вверху устроен широкий бульвар с террасами, «обсаженный с уличной стороны деревьями, с береговой чугунною решеткой» [Боголюбов, 1862, с. 87].

Все это несомненно произвело впечатление на приехавшего в Ярославль Ушинского. В 1860 г. он написал очерк «Путешествие по Волге», в котором сообщил свои впечатления: «Наконец мы у Ярославля. Какой это хорошенький, чистенький городок, когда смотришь на него с Волги! [...] На крутом мысу, который образуется при впадении реки Которосли в Волгу, белеет в зелени деревьев здание Демидовского лицея» [Ярославль, 1990, с. 247].

О личности человека XIX в. многое сообщают дневниковые записи. К. Хэммерле отмечала, что дневники в переходную эпоху модерности вели люди склонные к самоисследованию [Reading, 2009, с. 142]. Для дневникового жанра характерна непосредственность, поскольку в дневник пишут почти посреди впечатлений и переживаний и, следовательно, не допускается какого-либо подведения итогов задним числом. Все это соответствовало духу времени. Швейцарский писатель Готфрид Келлер выразил в 1838 г. формирующуюся традицию переходной модерности в шуточной форме: «мужчина без дневника (будь то на бумаге или в голове)» подобен «женщине без зеркала» [Reading, 2009, с. 143]. Дневники Ушинского ярославского периода – это важный источник рефлексий человека середины XIX в., и одновременно это самопроекция творческой личности как повседневной действительности, так и впечатлений и переживаний от книг и пейзажей, формулирование религиозных мыслей, раздумий о преподавании.

В качестве причин увольнения Ушинского из Демидовского лицея называют разные обстоятельства. Например то, что в 1847 г. Ушинский подал в совет лицея заявление с просьбой выписать новые книги для библиотеки. Попечитель граф С. Г. Строганов значительную часть этих книг запретил выписывать, а на директора лицея возложил обязанность строго следить за содержанием читаемых курсов [Фролова]. Подозрения в нелояльности и свободолюбии Ушинского усилились еще больше после того, как он

начал редактировать в 1848 г. неофициальную часть «Ярославских губернских ведомостей». Общение профессоров с прессой в то время, как, впрочем, и в последующую эпоху, рассматривалось как нелояльное поведение в отношении властей. Недовольство начальства вызвала опубликованная в 1849 г. речь Ушинского «О камеральном образовании» [Гаврилова, 2018]. В сентябре 1849 г. Ушинский вынужден был подать заявление об увольнении из Демидовского лицея по состоянию здоровья. В декабре 1849 г. ярославский губернатор генерал А. П. Бутурлин написал записку товарищу министра народного просвещения о положении и настроениях в Демидовском лицее. В конфиденциальном документе губернатор утверждал, что «наблюдение и заботливость за студентами Демидовского лицея со стороны начальных лиц [...] достаточны и полезны». Однако, по мнению Бутурлина, в лицее появились возмутители спокойствия и творцы «большого своеволия»: профессора Ушинский и Львовский, «которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам лицея» [Ушинский, 1952, с. 373]. Губернатор потребовал от министерства принять меры против «духа своеволия». Так закончился ярославский период жизни Ушинского.

Для понимания контекста начала творческого и преподавательского пути Ушинского в Ярославле важно посмотреть на эпоху, которая в российской истории именуется как «николаевская». Император Николай I правил с 1825 по 1855 г. Историки дают весьма противоречивые характеристики этому тридцатилетнему периоду. Во внутренней политике действия николаевского правительства приводили к росту государственного аппарата, налогообложения, а также расцвета взяточничества и бюрократизма. Приоритетными считались консервативные взгляды, опиравшиеся на теорию «официальной народности», и поддерживались идеи о совершенстве формы самодержавного правления, доказывался вред парламентаризма и конституционализма. Тем не менее, в николаевской России существовали два течения, постоянно вступавшие в полемику друг с другом.

Славянофилы (И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин) подчеркивали самобытность развития России, идеализировали традиционную крестьянскую общину, переоце-

нивали роль Земских Соборов на Руси как органов сотрудничества народа и царской власти и критиковали проведенные Петром I преобразования.

Западники (В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, А. И. Герцен) представляли либеральное направление, стремившееся использовать европейский опыт. Среди них выделялся наставник Ушинского по Московскому университету – профессор Т. Н. Грановский, которого он высоко ценил, и который был старше Константина Дмитриевича всего на 10 лет. Грановский защитил в 1845 г. магистерскую диссертацию. Ушинский успел прослушать в 1843–1844 первый курс публичных лекций Грановского по истории Средних веков. Грановский изучал историю на основе философии Гегеля и пришел к выводу, что исторический процесс развивается через преодоление противоречий в обществе. Грановский полагал, что главное достижение – это единство человеческой цивилизации, и доказывал, что Россия стала цивилизованным государством благодаря реформам Петра. В чрезвычайно популярных лекциях, о которых сохранились восторженные отзывы, Грановский на примере западного средневековья доказывал необходимость расширения свободы граждан. Тем не менее, западники 1840-х гг., бросая вызов николаевскому царствованию с его мелочной регламентацией, в то же время видели в самодержавии потенциального союзника, способного возглавить движение за реформы [Высочков, 2003].

Имеются свидетельства о том, что на выбор занятия педагогической наукой Ушинского, а также на рекомендацию поехать преподавать в Ярославль, повлиял профессор права Московского университета П. Г. Редькин, занимавшийся еще и педагогикой. Редькин дружил с видными западниками: Белинским, Герценом и Грановским. В одном из писем Ушинский упоминает близкие отношения с Редькиным и Грановским: «Грановский был в деревне у Редкина и всех там очаровал своим изобретательным умом. Да, теперь я буду в прекрасных <условиях> и если и здесь обманусь не в них, в себе, то тогда останусь самым собой только самым собой» [Ушинский, 1952, с. 141]. Эти размышления К. Д. Ушинского указывают на стремление молодого человека,

при всем уважительном отношении к учителям, сохранять свою интеллектуальную независимость.

Л. В. Выскочков предложил оценивать эпоху Николая I не как застой и «царство спящего Кашея», а как время подготовки великих реформ 1860-х гг. [Выскочков, 2005, с. 79]. По мнению историка, «он был консерватором, но „консерватором с прогрессом“, способным к определенным умеренным реформам сверху» [Выскочков, 2003, с. 615]. Следовательно, в николаевскую эпоху Россия находилась либо в состоянии подготовки перехода к модерности/ современности, либо в самом начале этого процесса. Покорку творческий потенциал К. Д. Ушинского полностью раскрылся в эпоху реформ в 1860-х гг., ярославский период его жизни второй половины 1840-х гг. полностью совпадает с определением «время подготовки реформ».

Ушинский тонко понимал идейные и политические веяния эпохи. Его взгляды формировались под влиянием всех дискуссий того времени. Он настаивал на сохранении фундамента традиционной русской культуры для развития дидактики и народности общественного воспитания. Вместе с тем он использовал воззрения Грановского, его методы сравнения и сопоставления фактов из истории разных стран. Ушинский опирался и на зарубежный опыт. На примере США он доказал, что наибольших успехов в образовании добивались демократические страны. Впрочем, представления о народности педагогики и демократической организации образования Ушинский сформировал еще в университетский и ярославский период жизни. Он записал в дневнике 25 апреля 1845 г.: «Всякое учреждение, соответствующее духу народа, находит в нем отголосок, и всякое чуждое учреждение слабо» [Ушинский, 1952, с. 41].

Ярославский период активности стал коротким и довольно болезненным в личном плане для К. Д. Ушинского. Однако, как сильная творческая личность, он смог преодолеть эти родимые метки николаевской эпохи с ее жесткой цензурой и всевозможными ограничениями. Ярославский опыт укрепил чувство гражданственности, помог Ушинскому подготовить переход к современности в важной области массового народного просвещения.

Библиографический список

1. Боголюбов Н. П. Волга от Твери до Астрахани. Санкт-Петербург : Издание общества «Самолет», 1862. 415 с.
2. Высочков Л. В. Николай I. Москва : Мол. гвардия, 2003. 693 с.
3. Высочков Л. В. Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996–2005 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 79–99.
4. Гаврилова Т. В. А. Н. Иванов как исследователь ярославского периода жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 418–418.
5. Кюстин А. Россия в 1839 году. В 2 т. / пер. с фр.: под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. 2. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 480 с.
6. Нащокина М. В. Развитие Ярославля во II половине XIX – начале XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 4. С. 43–50.
7. Хомяков М. Б. Модерность – путь к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2. С. 58–83.
8. Ушинский Константин Дмитриевич // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 35. Санкт-Петербург : Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1902. 482 с.
9. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 1. Ранние работы и статьи, 1846–1856 гг. Москва–Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1948. 739 с.
10. Ушинский К. Д. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 11. Материалы биографические и библиографические. Москва–Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1952. 728 с.
11. Фролова О. Удалить Ушинского из лица... // Газета «Первое сентября» № 4/2014. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=201400410&ysclid=ld76lddv8z942418264> (дата обращения: 4.03.2023)

12. Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / под ред. А. М. Пономарева. Ярославль : Верхне-Волжское кн. Издательство, 1990. 432 с.

13. Reading Primary Sources: Reading Primary Sources: The Interpretation of Texts from Nineteenth and Twentieth Century History / Edited by Miriam Dobson and Benjamin Ziemann. London : Routledge, 2009. 270 p.

УДК 930.1

Л. М. Архипова

Педагогическое значение научного творчества

В. О. Ключевского

Автор статьи ставит проблему актуальности педагогического опыта В. О. Ключевского в междисциплинарном русле гносеологических проблем исторической науки и образовательных практик в сфере преподавания истории России в высшей школе. В центре внимания научно-образовательные идеи известного историка, позволившие ему остаться в стороне от характерного для его времени «социального заказа»: как от уничижительной критики исторического прошлого страны, так и от его безудержной идеализации.

Ключевые слова: научная объективность; «дух времени»; абсолютные истины; педагогический опыт; В. О. Ключевский.

L. M. Arkhipova

Pedagogical significance of scientific creativity

of V. O. Klyuchevsky

The author of the article raises the problem of the relevance of the pedagogical experience of V. O. Klyuchevsky in the interdisciplinary vein of epistemological problems of historical science and educational practices in the field of teaching national history in higher education. The attention is focused on the scientific and educational ideas of the famous historian, which allowed him to stay away from the

«social order» characteristic of his time, both for the crushing criticism of the historical past of the country and for its unrestrained idealization.

Key words: scientific objectivity; «zeitgeist»; absolute truths; pedagogical experience; V. O. Klyuchevsky.

Василий Осипович Ключевский прожил жизнь, был современником «великих реформ», консервативного курса императора Александра III, первой русской революции, конституционной реформы государственного строя 1906 г. Он жил в эпоху постоянных перемен в динамично изменявшемся мире. Ключевский был ученым, стремившимся к истине, гражданином, любившим свое отечество и авторитетным преподавателем, от которого студенческая аудитория ожидала ответов на животрепещущие политические и экзистенциальные вопросы бытия. Какими были эти ответы, как ему удавалось не впасть в тенденциозность, найти оптимальное сочетание научной истины и духовно-нравственных ценностей в процессе своей публичной деятельности, является ли этот педагогический опыт второй половины XIX – начала XX вв. по-прежнему актуальным в веке XXI, – вот предмет размышлений, представленных в данной статье.

Не вызывают сомнений утверждения его современников о том, что Ключевский обладал даром гениальности, не поддающимся рациональному объяснению, но это не стало препятствием для попыток проанализировать его «механику преподавания». Наиболее это удалось представителям его научной школы. Они отметили особенности лекционных курсов Ключевского, среди которых первостепенное значение имела связь преподавания с научными изысканиями. При этом историк не включал в лекции громоздкий научный аппарат, напрямую прокладывая путь к обобщениям и выводам, то есть сообщая аудитории метод познания [Богословский, 2013; Кизеветтер, 2013; Любавский, 1913].

В этой оценке можно убедиться, обратившись к текстам лекций Ключевского, прочитанным на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. «Вступительные беседы» историк назвал исповедями «о понятиях, которые он кладет в основу препода-

вания» перед слушателями [Ключевский, 1997, с. 34]. Он не пообещал аудитории ни полноты фактов, ни их художественной изобразительности, предложив вниманию лишь те вопросы, с которыми он привык обращаться к русской истории и решение которых он привык искать в первоисточниках, то есть, предложив слушателям плоды своего научного творчества.

Другой чертой подхода к преподаванию истории в высшей школе он считал связь учебного курса с современностью. Любая наука достойна изучения только в том случае, если она дает ответы на вопросы «той жизни, которой мы окружены и проникнуты... на выбор предмета и приемов изучения ... влияют настроение и потребности нашего времени» [Ключевский, 1997, с. 42–43]. Парадокс: как совместить научную объективность с «духом времени»?

Идеи гражданского служения никогда не уходили из общественного сознания пореформенной молодежи, хотя тип «идеалиста 1840-х» сменился типом «мыслящего реалиста 1860-х», а за ним и революционного народника 1870–80-х. Поиск социологических основ исторического процесса стал необходимым условием построения моделей будущего. Университетская молодежь зачитывалась сочинениями теоретиков народничества, равно как и трудами О. Конта и Г. Спенсера, стараясь осмыслить закономерности исторического развития. Над интеллигентским сознанием господствовал «социальный заказ».

Совершенно в духе времени В. О. Ключевский поставил в центр внимания слушателей общество, народ, национальное культурное самосознание, при этом от политической тенденциозности в преподавании его удерживали, по нашему мнению, не менее четырех обстоятельств. 1. Убежденность в том, что объективность исторического знания достигается открытием неизбежного вследствие фундаментальных или «физических» причин, которые заключались в сущности изучаемого явления. 2. Гражданская позиция, не связанная с участием в партийно-политическом строительстве, в котором отметились многие его коллеги. 3. Ответственное понимание воспитательных задач высшего исторического образования в формировании гражданского патриотизма. 4. «Техника преподавания» – проведение

исключительно проблемных лекций. Рассмотрим каждое из этих положений.

Если социологический характер концепции русской истории Ключевского давно раскрыт, то религиозно-философское ее содержание до сих пор не акцентировалось. Тонко и не нарочито Ключевский указал на абсолютные истины как основу исторической интерпретации фактов [Ключевский, 1997, с. 559]. Сопровождая фактологический материал подобными установками, он наполнял событийную историю глубоким духовным смыслом. Эта особенность его публичной деятельности была признана многими современниками. «Он не был патентованным философом истории, но едва ли кто выскажет сомнение в том, что оставленное им литературное наследство есть философия русской жизни» [Ковалевский, 2013, с. 176]. В речах, очерках о Пушкине, Лермонтове, Болтине, Фонвизине, Новикове, Соловьеве, многих других, Ключевский открыл неподдающуюся поверхностному взгляду связь между миром истории, русским бытом и культурным самосознанием народа. Скреплялось это единство «формулой русского религиозного настроения: да будет воля Твоя», а стержнем служила нравственность как осознание долга [Ключевский, 1991, с. 444].

Мысль об исторической преемственности эпох была одной из важнейших идей его курса. Духовная связь поколений утверждалась как очевидное: «...мы идем своей старой исторической дорогой, несем с собой средства, выработанные вековым народным трудом, недостатки, воспитанные в нас былыми народными несчастьями, задачи, поставленные нам условиями нашего прошлого» [Ключевский, 1991, с. 556].

Многие его размышления о смысле исторического бытия и роли в нем науки обладали нравственной силой проповеди. Так, указав на движущие социальные силы хозяйственно-культурной колонизации русского Севера, он отметил ускользающий обычно от внимания религиозно-духовный ее мотив, добавив: «Может быть, мы серьезнее смотрели бы на себя и свое будущее, если бы лучше знали и ценили эти нравственные силы, потрудившиеся для нас в прошедшем» [Ключевский, 2006, с. 29].

Даже экономизм Ключевского был связан с первостепенным значением духовного фактора: «...и экономические успехи малоценны, когда нет главных условий благоустроенного общежития, каковы ...просвещенное религиозно-нравственное чувство...» [Ключевский, 1991, с. 138].

Суррогатами национального самосознания он называл национальное самомнение, как и его противоположность – национальное самоуничужение и приводил в пример заслуги И. Н. Болтина, который «не идеализировал ни древней, ни новой России, не говорил, что у нас все было хорошо, не отрицал недостатков русской жизни; он только не любил много говорить о них, с библейской совестью страшился вскрыть срам матери своей» [Ключевский, 1991, с. 468].

Одну из причин затруднений в историческом развитии России Ключевский видел в сфере социально-психического – в исторически сложившейся догматичности нашего мышления и соединенных с ней крайностях поведения, политического выбора, оценок, что «лечится» образованием. Роль интеллигенции в решении этой задачи трудно переоценить, она должна глубоко овладеть знаниями западноевропейской культуры и настолько же внимательно проникнуть в существо русской истории. Даже известным и особенно почитаемым молодежью литературно-философским авторитетам историк отказывал в своем признании, если те уклонялись от истины. Так в его личных записках читаем о Горьком – не писатель, а пропагандист, о Толстом – «Нам нужен Христос, но мы обойдемся и без иерархии, и без Толстого: Христос не устанавливал ни той, ни другого» [Ключевский, 2006, с. 89].

Основательность и широта мышления самого Ключевского не вмещаются в идеологические клише, сколько бы их ни навязывали. Вопрос об отсутствии идеологем в его научном и педагогическом творчестве впервые раскрыл М. М. Ковалевский, заключив: «он сам по себе» [Ковалевский, 2013, с. 172]. От славянофильской эйфории Ключевский мог отрезвить даже одним замечанием. Отдав предпочтение домостроевскому воспитанию по сравнению с европейским подражательством XVIII в., он тут же подвел обе системы под одну критическую черту: одна

сформировала человека с «автоматической совестью», другая манекенов «с автоматическими чувствами» [Ключевский, 2006, с. 55]. Суть западничества как тяжелой болезни общественного и индивидуального сознания многих поколений Ключевский раскрыл точно: «Это русский человек, который вырос в убеждении, что он родился не европейцем, но обязан стать им. Вот уже двести лет этот тип господствует над остальными. ... Разнообразие видов одного типа происходит от различных способов решения культурного вопроса..., как сделаться европейцем» [Ключевский, 1991, с. 399].

Из европеизированных русских политиков наибольшей симпатией историка пользовался А. Л. Ордин-Нащокин, потому что он был одним из немногих западников, «искавших соглашения общеевропейской культуры с национальной самобытностью» [Ключевский, 1991, с. 126]. Единым основанием западничества и славянофильства как национальных категорий общественного самосознания В. О. Ключевский считал то, что мысли менялись, а догматический способ мышления оставался неизменным: «Под византийским влиянием мы были холопы чужой веры, под западноевропейским стали холопами чужой мысли». «Мысль без морали – недомыслие, мораль без мысли – фанатизм» [Ключевский, 2006, с. 86].

Высокий профессионализм историка сформировал его отношение к любым идеологемам как к проявлению дурного вкуса, политические увлечения в сознании христианина выглядели заблуждениями. Так под его легкой иронией распадалась вековая догма «Москва – третий Рим». О византийском наследстве наглядно возвещал «в обе стороны, и на Восток, и на Запад, появившийся тогда на стенах московского Кремля двуглавый византийский орел, которого турки в 1453 г. сбили с ворот Царьграда, но которого бережно подняла осторожная рука, протянутая с берегов Москва-реки и с археологической любознательностью искавшая в босфорском мусоре пригодных для себя идей и уроков» [Ключевский, 2006, с. 103].

Не выдерживает критики информация о членстве Ключевского в партии народной свободы, история его неучастия в оппози-

ционном движении давно представлена на суд современников [Ключевский, 2013; Любавский, 2013].

В лекционном курсе он неизменно создавал образовательную ситуацию: ставил проблему, разбивал ее на исследовательские задачи, которые в свою очередь получали развитие, влекли за собой постановку новых вопросов познания, служивших ориентирами в море информации, определявших каждый новый шаг в изучении темы. В сущности, аудитория вовлекалась в реализацию большого исследовательского проекта, становясь соучастником научного творчества [Ключевский, 1997].

В. О. Ключевский служил в нескольких учебных заведениях, и его общий педагогический стаж в соответствии с формулярным списком составил 108 лет подвижнического труда на ниве народного просвещения.

Библиографический список

1. Архипова Л. М. Проблемные лекции В. О. Ключевского как историко-культурный феномен // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль : РИО ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2016. С. 111–116.

2. Богословский М. М. В. О. Ключевский как ученый // Ключевский В. О. : pro et contra. Москва : Издательство РХГА, 2013. С. 344–362.

3. Государственная публичная историческая библиотека России : сайт. Москва. URL: https://www.shpl.ru/virtual_exhibitions/ (дата обращения 19.03. 2023).

4. Кизеветтер А. А. В. О. Ключевский как преподаватель // Ключевский В. О. : pro et contra. Москва : Издательство РХГА, 2013. С. 158-170.

5. Ключевский В. О. А. Л. Ордин-Нащокин // Исторические портреты. Москва : Правда, 1991. С. 121–138.

6. Ключевский В. О. Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием // В. О. Ключевский. О нравственности и русской культуре. Москва : Дрофа, 2006. URL: Статьи. Речи. Лекции / О нравственности и русской культуре (telenir.net) (дата обращения 19.03. 2023).

7. Ключевский В. О. Грусть (Памяти М. Ю. Лермонтова) // Исторические портреты. Москва : Правда, 1991. С. 427–444.
8. Ключевский В. О. Два воспитания // В.О. Ключевский. О нравственности и русской культуре. Москва : Дрофа, 2006. URL: Статьи. Речи. Лекции / О нравственности и русской культуре (telenir.net) (дата обращения: 19.03.2023).
9. Ключевский В. О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника Пушкину // Исторические портреты. Москва : Правда, 1991. С. 392–399.
10. Ключевский В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве. 1872–1875 гг. / под ред. Р. А. Киреевой и А. Ф. Киселева. Москва : Владос, 1997. 813 с.
11. Ключевский на выборах в I Государственную думу // Ключевский В. О. : pro et contra. Москва : Издательство РХГА, 2013. С. 137.
12. Ключевский В. О. Русская историография 1861–1893 // Исторические портреты. Москва : Правда, 1991. С. 551–558.
13. Ключевский В. О. Содействие Церкви успехам русского гражданского права и порядка // В. О. Ключевский. О нравственности и русской культуре. Москва : Дрофа, 2006. URL: I. Статьи. Речи. Лекции / О нравственности и русской культуре (telenir.net) (дата обращения: 19.03.2023).
14. Ковалевский М. М. Василий Осипович Ключевский // Ключевский В. О. : pro et contra. Москва : Издательство РХГА, 2013. С. 171–176.
15. Любавский М. К. Василий Осипович Ключевский // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1914. Кн. 1. Москва : Синодальная типография, 1913. С. 3–124.

А. А. Лихоманова

Роль Московского университета в формировании культуры студентов: взгляд интеллектуалов конца 1820 – начала 1850-х гг.

В статье рассматривается восприятие интеллектуалами влияние Московского университета на развитие культуры студентов в 1820–1850-х гг. Университеты стали основами формирования образовательной среды, популяризаторами науки и просвещения. Непосредственное влияние на становление личности студентов оказывали университетские профессора. Деятельность преподавателей способствовала формированию интеллектуального саморазвития студентов, выработке их системы ценностей и идейных позиций.

Ключевые слова: А. И. Герцен; Московский университет; профессора; русские интеллектуалы; студенчество.

A. A. Lihomanova

The role of Moscow University in the formation of student culture: the view of intellectuals of the late 1820 – early 1850 s.

The article examines the perception by intellectuals of the influence of the Moscow University on the development of student culture in the 1820s and 1850s. Universities have become the foundations for the formation of an educational environment, popularizers of science and education. University professors had a direct influence on the formation of students' personality. The activity of professors contributed to the formation of students' intellectual self-development, the development of their system of values and ideological positions.

Key words: A. I. Herzen; Moscow University; professors; russian intellectuals; students.

В 1830–1850-е гг. происходила «выработка цельного мировоззрения» интеллектуалов, названная историком Р. В. Ивановым-Разумником «„внутренней пружинной“ их творчества» [Цит. по: Сараева, 2014, с. 270]. Русские общественные деятели оценивали университетское образование как важнейшее обстоятельство развития широко мыслящей личности. В текстах интеллектуалов приоритет отдавался Московскому университету, который пользовался огромным авторитетом в молодежной среде. Представители круга Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского объясняли это более высоким уровнем преподавания в Московском университете. Среди интеллектуалов 1830–1850-х гг. было немало вольнослушателей и выпускников Московского университета: К. С. Аксаков, В. Г. Белинский, О. М. Бодянский, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, А. И. Кошелев, Н. П. Огарев, Ю. Ф. Самарин, Н. В. Станкевич, С. М. Строев, А. А. Фет, П. Я. Чаадаев и др.

Идейное наследие русских интеллектуалов времени «великого спора» о судьбе России остается в центре внимания гуманитариев, осмысляющих формирование нововременной русской культуры [Левандовский, 2019]. Проблема влияния старшего поколения на выработку интеллектуально-нравственной культуры молодых людей в эпоху Николая I получила изучение в ряде работ [Березкина, 2021; Жуковская, 2018; Феофанов, 2019], но, полагаем, что необходимо акцентировать внимание на осмыслении этого социокультурного процесса образованными людьми того времени.

Качественное образование обеспечивали профессора университета, неслучайно выпускники большое внимание уделяли характеристике их интеллектуально-нравственного уровня и методике преподавания. В 1830–1840-е гг. возглавлявшие кафедры университета русские ученые по своим знаниям значительно превосходили «допотопных» или «допожарных» преподавателей, преимущественно приезжавших на службу в Россию из Европы еще до 1812 г., утверждал Герцен, хорошо знавший персональный состав профессоров Московского университета. Отличие «допотопных» профессоров от молодых ученых Герцен [Герцен, 2017, с. 134] видел не только в разном уровне интеллектуальной подготовки, но и в независимости мысли, преданности

своему делу талантливых русских преподавателей, снискавших высоких авторитет у студентов.

Сфера культурной деятельности в России того времени была ограничена. Наибольший простор для интеллектуальной деятельности предоставляли университеты. Профессора, люди «добросовестной учености», поднимались на кафедру с заветной мечтой увлечь студентов в изучение науки. Называя талантливых лекторов, веривших в науку и людей, «миссионерами человеческой религии», Герцен охарактеризовал их задачи по формированию нового типа личности, которые поставили перед собой молодые преподаватели-гегельянцы. Они стремились ум и души юношей освободить от предрассудков, захваченных у домашнего очага, передать студентам свою веру в науку [Герцен, 2017, с. 119–120]. Профессор С. П. Шевырев писал о целях преподавательской деятельности, о необходимости формирования у студентов способности к самостоятельной научной деятельности: «Целью моего преподавания было действовать на вкус юных слушателей, устремлять их к историческому и положительному изучению образцовых произведений словесности в них самих, не довольствуясь чужими суждениями и не доверяя умозрительным теориям...» [Цит. по Лободанову, 2022, с. 12]. Обращаясь к молодым профессорам, Шевырев призывал их «к развитию самобытной русской науки и просвещения. Его автор был окрылен уваровской триадой „православие, самодержавие, народность“...» [Березкина, 2021, с. 122].

Лучшие профессора Московского университета формировали у студентов интерес к науке, искусству, формировали гуманистическую систему ценностей, развивали их аналитическое мышление. Герцен, задачу профессора видел в следующем: «...его дело – возбудить вопросы, научить спрашивать... Но большие лекции и профессоров развивала студентов аудитория юным столкновением, обменом мыслей, чтений...» [Герцен, 2019, с. 138].

Н. В. Станкевич был благодарен Н. И. Надеждину (1804–1856), преподававшему изящные искусства и словесность за развитие его представлений о русской словесности, в погружении его в изучение философии: «Лекции Надеждина – как ни были они, недостаточны – развили во мне – сколько могло во мне раз-

виться – чувство изящного, которое одно было моим наслаждением, одно моим достоинством и, может быть, моим спасением» [Станкевич, 1982, с. 149].

В своих воспоминаниях Гончаров описывает, какое влияние на него произвели профессора Московского университета. Выделяя М. Т. Каченовского, он обращал внимание на его стремление научить студентов самостоятельному анализу исторических текстов. Студенты высоко оценивали приобретенные ими навыки работы с источниками. Наибольшее влияние на Гончарова, как и на Станкевича, оказал профессор Н. И. Надеждин: *«Это был самый симпатичный и любезный человек в обращении, и как профессор он был нам дорог своим вдохновенным, горячим словом»* [Гончаров, 1954, с. 211]. Его отличала широта научных интересов: *«Он один заменял десять профессоров»* [Гончаров, 1954, с. 211]. В отличие от профессоров, которые монотонно читали лекции, Надеждин увлеченно и свободно раскрывал свои представления о литературе.

Публицист А. И. Кошелев отмечал недостатки в методике преподавания, акцентируя внимание на сугубо академическом воспроизведении профессорами материала без его живого анализа. Зачитывание текста, а не свободное объяснение темы не способствовало развитию научного, критического мышления студентов: *«Эти лекции оставили во мне мало живых воспоминаний: профессора читали, а мы их слушали только по обязанности. Возбудительного, животворного они нам ничего не общали»* [Записки..., 2002, с. 13]. Несмотря на критическую оценку процесса преподавания, Кошелев отметил: *«Ведь тогда профессора хотя читали и говорили, однако вместе с тем и предлагали слушателям вопросы, как то теперь делается в средних и низших учебных заведениях»* [Записки..., 2002, с. 13]. С точки зрения Кошелева, профессора стали применять новую методику обучения: задавали вопросы студентам, развивая их аналитические способности. Постепенно происходили изменения в методике и содержании преподавания. В 1830–1840-е гг. молодые профессора начинали занимать кафедры и вовлекать студентов в изучение современной литературы, формировали ценность научного знания.

Роль Московского университета в становлении личности высоко оценил бывший студент Петербургского университета П. В. Анненков: его выпускники – *«самые замечательные личности последующих годов»* [Анненков, 1983, с. 122]. Он особо выделил Н. В. Станкевича. Герцен восторженно относился к студентам университета своего времени: *«Молодежь была прекрасная в наш курс. Именно в это время пробуждались у нас большие и больше теоретические стремления»* [Герцен, 2017, с. 131]. *«В лоне университета шло становление нового типа личности „универсанта” – носителя ментальных качеств, профессиональных и поведенческих стандартов, отличающих „благородного” и „просвещенного” человека»* [Жуковская, 2018, с. 7].

Молодые профессора Московского университета, занявшие кафедры в конце 1830–40 гг., формировали интеллектуально-нравственную культуру студентов: побуждали их читать работы современных авторов, включая европейских, учили осмысливать научные проблемы, давали творческие задания для самостоятельной работы; увлеченно читали лекции, гуманно относились к студентам; объясняли им необходимость самообразования.

Университеты сыграли существенную роль в формировании социальных норм юношей: они ценили личностные качества друг друга, а не сословное происхождение. Формировалось товарищество студентов, у которых были общие культурные интересы. Герцен отмечал: *«Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучен от „воды и огня”, замучен товарищами»* [Герцен, 2017, с. 121]. *«...Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, – по замечанию Герцена, – быстро сплавалась в компактную массу товарищества. Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах»* [Герцен, 2017, с. 121].

Для многих выпускников получение университетского образования становилось *«...фактором социализации и послужило источником успешной карьеры»* [Феофанов, 2019, с. 67]. Прагматичная цель обучения – получение профессии – заинтересовывала юношей в изучении предложенного материала. Они стремились получить работу по профессии, стать не только ма-

териально независимыми, но и иметь возможность реализовать себя в различных сферах деятельности.

Деятельность университетских профессоров-гуманитариев влияла на становление культуры личности студентов и слушателей, выработку их системы ценностей и идейных позиций. Студенты, воспринимая созданное образовательное пространство, как основу для саморазвития, устраивали дискуссии на различные литературно-философские темы. «Кружок Станкевича способствовал углублению интереса студентов и преподавателей к немецкой философии» [Актуальные философские ... , 2021, с. 92].

В процессе обучения преподаватель становится не только источником знания, а образцом, неким идеалом поведения, побуждающим к размышлению, научному спору. Одной из фундаментальных задач университета Герцен видел в формировании убеждения в необходимости дальнейшего самообразования, он мотивировал к научной деятельности: *«Университет, впрочем, не должен оканчивать научное воспитание; его дело – поставить человека дать ему возможность (перевод с французского), продолжать на своих ногах; его дело – возбудить вопросы, научить спрашивать»* [Герцен, 2017, с. 138]. Герцен привел ряд фамилий достойных выпускников Московского университета того времени: М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, Н. И. Пирогов.

Московский университет сыграл ведущую роль в формировании новой интеллектуальной элиты страны, формировал у студентов интерес к науке, искусству, представление о товариществе, о дружбе, смысле жизни. Как видно, идейно-ценностные позиции современников определили различные оценки образовательной среды в России. Прежде всего, она зависела от представлений интеллектуалов о культуре личности, целях деятельности государства, типе взаимоотношений между властью и человеком. Профессора-«уваровцы» считали своей задачей формировать у слушателей представление о роли самодержавия и православия в истории России. Интеллектуалы-гуманисты полагали, что университеты должны давать научное образование, развивать у юношей самостоятельное научное мышление.

Библиографический список

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. Москва : Художественная литература, 1983. 694 с.
2. Березкина С. В. Неопубликованное послание С. П. Шевырева к молодым профессорам Московского университета // Русская литература. 2021. Вып. 1. С. 117–124.
3. Герцен А. И. Былое и думы: в 3 книгах. Книга 1. Москва; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 767 с.
4. Гончаров И. А. В университете // Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. Очерки, повести, воспоминания. Москва : Гос. изд-во худож. лит. 1954. С. 193–223.
5. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. *Anima universitatis*: студенчество петербургского университета в первой половине XIX века. Москва : Новый Хронограф, 2018. 576 с.
6. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Москва : Наука, 2002. 475 с.
7. Левандовский А. А. Герцен слушает Грановского // Герцен – Музей – Герцен. Взгляд из XXI века. К 40-летию Дома-музей А.И. Герцена : международная конференция. Москва : Литературный музей, 2019. С. 53–58.
8. Лихоманова А. А. Особенности коммуникативной культуры петербуржцев и москвичей первой половины XIX в. в представлении русских интеллектуалов // Актуальные философские проблемы социально-гуманитарного знания: моногр. Рыбинск : РГА-ТУ имени П.А. Соловьева, 2021. С. 82–91.
9. Лободанов А. П. Степан Петрович Шевырёв – выдающийся профессор Московского университета // Теория и история искусства. 2022. Вып. 3–4. С. 11–20.
10. Сараева Е. Л. Русская интеллигенция в рефлексии Иванова-Разумника : монография. Ярославль : ЯГПУ, 2014. 463 с.
11. Станкевич Н. В. Избранное. Москва : Советская Россия, 1982. 256 с.
12. Феофанов А. М. Роль гимназий Академии наук и Московского университета в воспроизводстве элиты российской империи XVIII века на примере учеников 1755–1765 гг. // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 63–67.

А. А. Зими́на

Духовно-образовательная роль наставничества в культуре старообрядцев-беспоповцев

В среде старообрядцев-беспоповцев особую роль занимает институт наставничества, который на протяжении своего существования с конца XVII в. по настоящий момент выполняет религиозные и духовно-нравственные функции. Наставник для старообрядцев – духовный ориентир, «пастырь» общины. Историческая ретроспектива позволяет проанализировать причины постепенного закрепления подобных представлений и практик.

Ключевые слова: старообрядчество; беспоповцы; наставники; духовно-нравственное образование; старообрядцы и интернет.

A. A. Zimina

The spiritual and educational role of mentoring in culture old believers-bespopovtsev

Among the old believers-bespopovtsy, a special role is played by the institute of mentoring, which throughout its existence from the end of the XVII century to the present moment performs religious and spiritual and moral functions. The mentor for the old believers is a spiritual guide, the «shepherd» of the community. A historical retrospective allows us to analyse the reasons for the gradual entrenchment of such perceptions and practices.

Key words: old believers; bespopovtsy; mentors; spiritual and moral education; old believers and the internet.

Старообрядчество (древлеправославие) представляет собой совокупность течений (толков), наиболее крупными из них которых являются поповцы и беспоповцы, среди которых, в свою очередь, выделяются два согласия – поморское и федосеевское.

Однако кроме них существует множество иных течений беспоповцев, отличающихся различным отношением к богословским, вероучительным и обрядово-культурным вопросам. Точное число приверженцев беспоповцев установить сложно, так как часть общин различных согласий действует не только автономно, но и чаще всего без регистрации. Географические рамки распространения старообрядчества также достаточно широки. Если сразу же после раскола их общины стали создаваться, прежде всего, в отделенных губерниях страны, то со временем миграция старообрядцев привела к повсеместному их расселению, чему способствовало, прежде всего, изменение в церковной политике империи после 1905 г. Однако следует отметить до сих пор сохранившуюся компактность проживания общин в отдельной местности. По свидетельству заместителя Российского Совета Древлеправославной Поморской Церкви А. А. Безгодова, «в начале XX века, как современниками, так и исследователями, численность старообрядцев оценивалась в 10–20 миллионов человек... В 1980-х годах указывались цифры в 1,5–2 миллиона «приверженцев» старообрядцев всех согласий. Даже современные оценки численности старообрядцев очень часто основываются на этих данных» [Безгодов Старообрядчество...].

Институт наставничества является одним из ключевых инструментов для осуществления воспитательной и духовно-нравственной функций, прежде всего, для старообрядческой культуры беспоповцев. После проведения патриархом Никоном церковных реформ, которые привели к расколу единой православной Церкви, епископы, по мнению ряда старообрядцев, отпали от истинно правильной веры из-за реформ в сфере богослужения и богопочитания. Трагические события раскола лишили части старообрядцев духовной иерархии. Нужно отметить, что для старообрядцев-беспоповцев отход от церковной иерархии был вынужденной мерой, продиктованной внутренними причинами реформ.

Духовное наставничество образовалось у беспоповцев в конце XVII столетия, практически сразу после церковного раскола. Священники, рукоположенные до раскола, постепенно уходили, и к концу XVII столетия их начали «заменять» наставники. Так,

в постановлениях Новгородского собора за 1694 г. содержатся сведения, указывающие на функции наставников [Приговор]. Они совершали церковные таинства: крещение, исповедь, наложение епитимии.

С. Г. Вургафт и И. А. Ушаков полагают, что наставник – это «духовный руководитель общины у беспоповцев, настоятель церкви или моленной, возглавляющей богослужение, исполняющий требы» [Старообрядчество..., 1996, с. 51]. В некоторых беспоповских согласиях наставники могут проводить таинства и службы (например, у федосеевцев, поморцев, филипповцев), в иных – это недопустимо (например, у нетовцев, самокрестов и некрестяков). На наставника возлагается также обязанность по управлению деятельностью прихода, организации обучения, как детей, так и взрослых, а также надзор за соблюдением общиной в целом и каждым ее членом нравственных законов. К наставнику предъявляются особые требования: он должен быть «обязательно образованным и являть собой образец нравственности», а его деятельность «не подвергалась критике» [Кузнецова, 2016].

Исследователь старообрядчества К. Я Кожурин в книге «Повседневная жизнь старообрядцев» приводит слова одного из известных поморских начетчиков конца XIX – начала XX вв. И. И. Зыкова: «И если мы не сообщаемся ныне с епископами господствующей церкви и от них удаляемся, это не потому, что они епископы, и что якобы не нужны их тайны, а только и непременно потому, что они при Патриархе Никоне отступили от благочестия, содержимого и святохранимого Христовой Церковью в России...» [Кожурин. Повседневная...]. По мнению И. И. Зыкова, отправной точкой отказа от епископата стало проведение церковных реформ середины XVII в. В этих условиях сформировался институт наставничества, сохранившийся в среде беспоповцев и по настоящий день.

Наставник играет в среде беспоповцев роль духовного ориентира. На Втором Всероссийском соборе 1912 г. подчеркивался высокий статус наставника, сохраняющийся поныне: «Избрание народное и благословение отца духовного на служение Церкви возводит наставника на почётное и первенствующее место в приходе» [Уложение].

В настоящее время роль наставника в религиозной жизни общины сохраняется, но помимо прочего, современные реалии требуют от института наставничества и другой, не менее важной функции – духовно-нравственного просвещения. Просвещение и образование зачастую становились важными целями духовных авторитетов, какими были и остаются беспоповские наставники.

В среде беспоповцев сохраняются те же формы воспитания подрастающего поколения, которые характерны для старообрядцев-поповцев и Русской Православной Церкви – это воскресные школы, совместные мероприятия, сплывающие общину, конференции и другие совместные для членов общины мероприятия. Однако как содержание, так и методы, зачастую, сильно отличаются, прежде всего, особым вниманием к сохранению старообрядческой традиции. В воскресных школах, помимо получения общих знаний о старообрядческой культуре, ставятся как «нравственно-религиозные задачи – образование и воспитание старообрядцев в христианском духе, так и практические – подготовка к церковному служению чтецов и певчих» [Кузнецова, 2015]. В силу утраты многих сакральных для старообрядцев мест, организация паломнических поездок, как часть системы религиозного образования, также имеет свою специфику, подробно изученную Кузнецовой [Кузнецова. Православные...].

Помимо «классических» методов воспитания и духовно-нравственного просвещения в век цифровых технологий многие старообрядческие приходы ведут страницы в социальных сетях, и беспоповцы не исключение. Мы можем увидеть на страницах социальных сетей статьи, посвященные истории Древнеправославной церкви, богословию, различным церковным праздникам. Жизнь общины также отражена на страницах тематических групп: выкладываются анонсы богослужений и мероприятий. Ведущую роль в интернет-пространстве тематических сообществ обычно играют наставники или наиболее активные члены общины. Примером активного интернет-сообщества беспоповцев может служить группа «Новгородское Староверие» Новгородской поморской общины в социальной сети «ВКонтакте».

Институт наставничества в беспоповских общинах играл и играет значительную роль на всем протяжении своего существо-

вания. Наставник выполняет как чисто религиозные функции, связанные с исполнением ряда церковных таинств, так и другие общественно значимые в среде старообрядцев миссии – духовно-просветительские и образовательные.

Библиографический список

1. Безгодов А. А. Старообрядчество в современной России // ruvera.ru: сайт. URL: https://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii?ysclid=lfoi1b165594031013 (дата обращения: 10.03.2023)

2. Кузнецова Н. Ю. Непрерывное религиозное образование в традиционном обществе: опыт староверов России // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный журнал. 2015. Вып. 4 (12). URL: <https://11121.petrus.ru/journal/article.php?id=2948&ysclid=lfoikg9own6807171786> (дата обращения 10.03.2023)

3. Кузнецова Н. Ю. Православные центры Карелии – места старообрядческой памяти. // Портал Богослов. Ru URL: <https://bogoslov.ru/article/4647105> (дата обращения 11.03.2023)

4. Кузнецова Н. Ю. Старообрядческая традиция наставничества как пример непрерывной образовательной традиции / Н. Ю. Кузнецова, И. Н. Ружинская // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный журнал. 2016. Вып. 4 (16). URL: <https://11121.petrus.ru/journal/article.php?id=3304&ysclid=lfoiygw2zb550506479> (дата обращения 12.03.2020)

5. Приговор или уложение Новгородского собора 1694 г. // staropomor.ru: сайт. URL: [http://staropomor.ru/Osnovy\(3\)/novgorod1694.html](http://staropomor.ru/Osnovy(3)/novgorod1694.html) (дата обращения: 12. 02. 2023).

6. Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: опыт энциклопедического словаря / Составители С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков Москва : Изд-во журнала «Церковь», 1996. 316 с.

7. Уложение Второго Всероссийского Собора христианского поморского церковного общества в царствующем граде Москве в лето от сотворения мира 7421, месяца сентября в дни с 8 по 17 // Книжница Самарского староверия. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/load/117-1-0-395> (дата обращения: 12. 02. 2023).

И. А. Цой

Роль В. И. Водовозова в реформировании образовательного процесса в Смольном институте (по мемуарам Е. Н. Водовозовой)

В статье анализируются представления Е. Н. Водовозовой, ученицы Смольного института конца 1850 – начала 1860-х гг., о новациях в преподавательской деятельности В. И. Водовозова. Его идеи об организации и методическом обеспечении учебного и воспитательного процессов, готовность прийти на помощь в любой сложной ситуации получили заслуженное признание у воспитанниц Смольного института. В статье определяются поиск и внедрение В. И. Водовозовым новых эффективных приёмов и методов умственного развития «смолянок» через преобразования и инновации в организации учебного процесса. По мнению Е. Н. Водовозовой, именно В. И. Водовозов более других преподавателей оставил свой след в их взглядах на основы нравственности и гуманного развития личности.

Ключевые слова: В. И. Водовозов; Смольный институт благородных девиц; Е. Н. Водовозова; эпоха «Великих реформ»; история педагогики.

I. A. Tsoy

The role of V. I. Vodovozov in reforming the educational process at the Smolny Institute (according to the memoirs of E. N. Vodovozova)

The article analyzes the ideas of E. N. Vodovozova, a student of Smolny Institute in late 1850-early 1860s, about the innovations in the teaching activity of V. I. Vodovozov. His ideas on organization and methodological support of educational processes and readiness to help in every difficult situation were well-deserved by the female students of the Smolny Institute. The article focuses on V. I. Vodo-

vozov's search and implementation of new effective methods and techniques of mental development of «Smolyan girls» through transformations and innovations in the organization of educational processes. According to E. N. Vodovozova, it is V. I. Vodovozov who, more than other teachers, has left a trace in their views on the foundations of morality and humanistic development of personality.

Key words: V. I. Vodovozov; Smolny Institute for Noble Maidens; E. N. Vodovozova; era of «Great Reforms»; history of education.

В конце 1850-х гг. в Смольном институте благородных девиц происходило существенное изменение в организации учебного процесса и воспитания, обновление преподавательского состава, ориентация на развитие интеллектуальных способностей и умственных интересов воспитанниц. Важной причиной, способствовавшей началу этих изменений, стало назначение видного педагога К. Д. Ушинского на должность инспектора классов. В течение короткого периода Ушинскому удалось существенно изменить устоявшиеся в течение длительного периода методы и приёмы в освоении учебной программы, основанные на запоминании воспитанницами учебного материала и бездумном его воспроизведении.

Несмотря на то, что институты благородных девиц традиционно весьма недоверчиво и даже негативно относились к любой попытке демократизации основ учебного и воспитательного процессов, команде одарённых педагогов, приглашённых К. Д. Ушинским для преподавательской работы в Смольный институт, удалось в короткий срок переориентировать учебную деятельность воспитанниц на активные формы работы на уроках, способствовавшие развитию у них мыслительной деятельности. Одна из выпускниц Смольного института благородных девиц, детская писательница, педагог Е. Н. Водовозова (Цевловская) вспоминала: «После непробудной спячки у нас вдруг зашевелился мозг» [Водовозова, 2007б, с. 439]. В числе первых из приглашённых К. Д. Ушинским в Смольный институт учителей был лично с ним знакомый, известный педагог, публицист и видный общественный деятель Василий Иванович Водовозов.

По мнению Водовозовой, «Ушинский смотрел на выбор новых учителей, как на задачу чрезвычайно ответственную... они должны были представлять одну семью, объединенную одними и теми же прогрессивными интересами» [Водовозова, 2007б, с. 459]. Один из приглашённых Ушинским молодой учитель Д. Д. Семёнов отмечал: «Как истинный педагог Ушинский отлично сознавал, что без надлежащих сотрудников-учителей весь его проект останется мёртвой буквой, что поручить проведение реформы старым учителям, сжившимся с известною рутинной, было невозможно» [Семёнов, 1895, с. 10].

Воспоминания о педагогической деятельности В. И. Водовозова были написаны Елизаветой Николаевной Водовозовой много позже её обучения в Смольном институте: в начале XX в. Немалый срок, отделивший происходившие события и воспоминания о них, безусловно, повлиял на анализ представленной информации. Стоит отметить и вполне допустимую субъективность её оценок в отношении В. И. Водовозова в связи с заключением ими брака вскоре после окончания ею Смольного института.

Хорошо знавшие В. И. Водовозова педагоги отмечали его стремление к объективному отражению действительности в сознании учеников, умение акцентировать внимание на актуальных общественных проблемах, «развития в учениках критических способностей» [Семевский, 1888, с. 86]. При этом он оставался на современной литературе и заставлял учеников знакомиться со всей «грязью болезненной социальной обстановки» [Семевский, 1888, с. 86]. Водовозов всегда демонстрировал способность внимательно слушать собеседника, подробно и обстоятельно разъяснял свои взгляды на предмет обучения, выявлял связи материала урока с происходящими в обществе событиями.

Водовозова отмечала первоначальное недоверие со стороны институток к новым преподавателям, приглашённым в Смольный институт Ушинским: «Всякий новый преподаватель, введённый Ушинским, представлялся нам большим „насмешником“» [Водовозова, 2007а, с. 426]; «Но вскоре мы приходили совсем к другому выводу, особенно относительно Василия Ива-

новича» [Водовозова, 2007а, с. 427]. Уже на первых занятиях Водовозов смог в простой и доходчивой для понимания форме изложить воспитанницам новый учебный материал: «Всё, что он говорил, мы совершенно ясно понимали, всё это противоречило всему тому, что мы до сих пор слышали, всё это в высшей степени заинтересовало нас и впервые заставило всерьёз работать наши головы» [Водовозова, 2007а, с. 426]. Водовозов настойчиво и последовательно добивался изменений в системе преподавания родного языка в Смольном институте. Он с удивлением обнаружил полное незнание воспитанницами имён весьма известных на ту пору поэтов и писателей, таких как Некрасов и Тургенев: «Только от него узнали мы, какие существуют у нас лучшие журналы, впервые услышали имена Добролюбова, Некрасова, Островского, Тургенева» [Водовозова, 2007а, с. 428].

Большой заслугой Водовозова Елизавета Николаевна считала его стремление к последовательному объяснению учебного материала, когда каждый урок имел логическую и смысловую связь с предшествующим: «Представив нам краткое изложение идей, господствовавших в литературе с 1820 до 1850-х годов, у нас само собой выяснилось содержание и смысл того и другого стихотворения» [Водовозова, 2007а, с. 426].

До прихода Водовозова в Смольный институт должность преподавателя русской словесности исполнял Н. Д. Старов. Сравнивая методику преподавания прежнего учителя русской словесности и Водовозова, Елизавета Николаевна отмечала причину своего прежнего нежелания к чтению художественной литературы: «Я скоро поняла, что прежде меня не прельщало чтение классиков, потому что оно было отрывочно, а объяснения Старова лишь сбивали с толку» [Водовозова, 2007б, с. 449]. Ушинский также был невысокого мнения о профессиональных качествах Старова: «Весьма незлобивый, недурной человек, но, к сожалению, этого ещё очень мало для преподавателя» [Водовозова, 2007б, с. 433]. Необходимо подчеркнуть, что доброта, как одно из основных качеств, востребованных воспитанницами, учитывалось Ушинским при подборе преподавателей. Характеризуя Водовозова воспитанницам накануне его прихода в Смольный институт, он указывал: «У меня в виду имеется для

вас превосходный преподаватель. И если в учителе вы ищете доброты, так ваш будущий учитель ... очень добрый человек» [Водовозова, 2007б, с. 434].

Одним из первых новшеств Водовозова в ходе проведения уроков явилось требование к воспитанницам вести конспектирование учебного материала: «Водовозов предложил нам всегда во время урока записывать за ним, но при изложении относиться самостоятельно к его объяснению» [Водовозова, 2007а, с. 426]. Именно развитие стремления к самостоятельному осмыслению полученных знаний, глубокому развитию умственных способностей Водовозов поставил во главу угла образовательного процесса: «С каждой лекцией он незаметно для нас самих затягивал нас в серьёзную умственную работу, которая до сих пор совсем была немыслима для институток» [Водовозова, 2007а, с. 427]. С точки зрения Водовозовой, «необходимость не только прочесть, но и изложить произведение письменно, развивало способности, быстро расширяло кругозор» [Водовозова, 2007а, с. 427]. Сам Водовозов отмечал порочную практику преподавания в Смольном институте, заключающуюся в заучивании воспитанницами наизусть материала без малейшей попытки его осмысления: «В классном учении следовали неизменной формальности: переписи урок, да протрещи его на память – вот всё, что требовали преподаватели» [Водовозов, 1863, с. 13]. Требуя от учениц трудолюбия и систематической деятельности, Водовозов демонстрировал воспитанницам пример собственного трудолюбия и высокой ответственности в преподавательской работе: «Регулярно проверяя 8–9 листовые работы, он тщательно выправлял наши работы и ему ещё часто приходилось делать на полях множество пояснений» [Водовозова, 2007а, с. 428].

Во время занятий и даже на переменах Василий Иванович всегда был открыт для общения, охотно слушал своих учениц и отвечал на любые их вопросы. Он демонстрировали свою открытость к общению, желание делиться своими взглядами на проблемы общественной жизни. Особую радость воспитанницам института доставляла возможность регулярного неформального общения со своим педагогом русской словесности во время совместных прогулок в саду: «Василий Иванович был доступен для

нас не только между уроками, но нередко приходил в наш сад и мы гуляли вместе с ним» [Водовозова, 2007а, с. 428]. Водовозова особо выделяла важность и практическую пользу эти совместных прогулок и сопутствовавших им бесед с воспитанницами: «Эти беседы не носили и тени лекции. Нисколько не стеснявшись, высказывали своё мнение и осыпали его вопросами» [Водовозова, 2007а, с. 428]. Как истинный педагог и наставник, Водовозов не оставлял без внимания ни одного вопроса или просьбы учениц, по мере сил и возможностей стремясь максимально полно использовать все возможности их духовного обогащения: «Если он замечал, что нас особо интересует какая-либо тема, он называл нам и другие популярные сочинения, и нередко доставлял их сам» [Водовозова, 2007а, с. 429].

Не считаясь с личным временем, зачастую используя выходные дни, Водовозов использовал любую возможность для привития своим ученицам стремления к полезной деятельности, считая недопустимым отвлечённые занятия и пустое времяпровождение. И это находило отклик в сердцах институток: «Теперь все хотели работать, все мечтали о серьёзных занятиях» [Водовозова, 2007а, с. 430]; «Проникнутый самую тёплой любовью к молодёжи, он развил в нас живой интерес к знанию, любовь к труду» [Водовозова, 2007а, с. 433].

В противоположность защитникам классицизма, рассматривавшим древние языки как главное средство гуманитарного образования и умственного развития, Водовозов отстаивал необходимость изучения математики, естествознания, географии, истории, иностранных языков, рисования. Без серьёзного изучения этих предметов, считал он, нельзя назвать человека образованным. Елизавета Николаевна и ее сокурсницы позитивно восприняли такие черты личности Василия Ивановича, как независимость, принципиальность, отзывчивость, доброта, стремление помочь в любой ситуации: «Он был не только педагогом, но и ... истинным другом своих учениц» [Водовозова, 2007а, с. 433]; «Ближе других ставшим к нам» [Водовозова, 2007а, с. 430].

Как видно, преобразования образовательного процесса в Смольном институте, осуществлённые в 1859–1862 гг. были связаны, прежде всего, с приходом просвещённых деятелей, реаль-

но заинтересованных в реорганизации системы обучения. В оценке Е. Н. Водовозовой, именно В. И. Водовозов получил самые превосходные оценки своего преподавательского таланта: «Из всех учителей, бывших в институте за всё время воспитания в нем, Василий Иванович Водовозов более других оставил о себе память, как достойнейший преподаватель в лучшем смысле этого слова» [Водовозова, 2007а, с. 433]. Высокое доверие «смолян» к новому учителю она объясняла его высокой ответственностью, подлинным интересом к их желаниям и предпочтениям, стремлении развить их интеллектуальные способности, готовностью к межличностному общению на различные темы умственного и нравственного развития личности.

Библиографический список

1. Водовозова Е. Н. Василий Иванович Водовозов // Водовозова Е. Н. На заре жизни. Москва : Художественная литература, 1987. С. 425–432.
2. Водовозова Е. Н. На заре жизни; Мемуарные очерки и портреты. Москва : Художественная литература, 1987. Т. 1. 511 с.
3. Водовозов В. И. Секретные воспоминания пансионерки // Отечественные записки. 1863. № 9. С. 110–130.
4. Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов : биограф. очерк. Санкт-Петербург : Тип. Ф. С. Сущинского, 1888. 169 с.
5. Семёнов Д. Д. Из пережитого // Русская школа. 1895. № 2. С. 9–24.
6. Цой И. А. «Новые люди» в 1860-е гг.: содержание термина в текстах современников // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы международной конф. «Чтения Ушинского»: сб. статей научн.-практ. конф. (Ярославль, 5-6 марта 2020 г.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 65–69.
7. Цой И. А. Преобразование коммуникативной среды в Смольном институте под влиянием К. Д. Ушинского: взгляд Е. Н. Водовозовой // Трефоловские чтения: сб. статей всеросс. научн.-практ. конф. (Ярославль, 15-16 ноября 2018 г.). Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 65–71.

М. А. Молодцова

***Учитель музыки О. М. Блатова (1865–1947):
«Пока не запоёт весь Мологский уезд»***

В статье раскрывается роль учительства в социокультурной жизни провинции на примере деятельности учителя музыки из Мологи – О. М. Блатовой (урожденной Мусиной-Пушкиной). В качестве источников используются личный дневник Блатовой, воспоминания акробиолога-селекционера П. А. Зимяхина, письма О. М. Блатовой к Н. А. Морозову. Культурно-антропологический подход позволяет конкретизировать представления об эпохе российских трансформаций начала XX в.

Ключевые слова: Блатова; Молога; учитель; музыка; провинция; революция.

М. А. Molodtsova

***Music teacher O. M. Blatova (1865–1947):
«Until the whole Mologsky uyezd sings»***

The article reveals the role of teaching in the socio-cultural life of the province on the example of the activity of a music teacher from Mologa – O. M. Blatova (nee Musina-Pushkina). The sources used are: personal diary of O.M. Bulatova, memoirs of agrobiologist-breeder P. A. Zimyakhin, letters of O. M. Blatova to N. A. Morozov. The cultural anthropological approach allows us to specify ideas about the era of Russian transformation of the early twentieth century.

Key words: Blatova; Mologa; teacher; music; province; revolution.

В начале XX в. учительская интеллигенция в Мологской провинции сыграла огромную роль: через свою профессиональную деятельность, духовное творчество, она стремилась гуманизировать провинцию, наделить ее новыми культурными качествами и

свойствами. Одной из сущностных особенностей восприятия провинциальной интеллигенции России являлись представления о высоком уровне ее нравственной культуры. Учитель в глазах людей был наставником, к нему шли за советом, за помощью.

Ярким примером учительской интеллигенции в Ярославском крае выступает учитель музыки из города Мологи – О. М. Блатова (Мусина-Пушкина). Она проделала огромную работу, чтобы передать свои знания, культуру и возглавить музыкальную жизнь Мологского края в сложных исторических условиях начала XX в.

Многое о своей жизни Ольга Михайловна рассказывала своему ученику – П. А. Зимяхину (1911–2004), агробиологу-селекционеру, уже взрослым изучавшему в Мологе нотную грамоту. Родилась она в 1865 г. Ее родители: дворянин Михаил Илларионович Мусин-Пушкин (1836–1915) и французская актриса Зели Розалия Петьо (1837–1873). Мусин-Пушкин окончил консерваторию по классу скрипки и занимался музыкой. Детские годы Ольга Михайловна провела во Франции [Молога: до, во время и после затопления ... , 2019].

Крестным отцом О. М. Блатовой был Виктор Гюго. Этот факт произвел большое впечатление на Зимяхина, он вспоминал: «Виктор Гюго?! Великий французский писатель, автор „Собора Парижской Богоматери“, „Тружеников моря“? Я смотрю, слушаю и не могу поверить. Для меня Виктор Гюго – это далёкое прошлое. И вот рядом со мной сидит его крестница» [Молога: до, во время и после затопления ... , 2019, с. 221].

После возвращения из Франции семья Ольги Михайловны жила в селе Никольском Мологского уезда (ныне зона затопления Рыбинского водохранилища). Блатова вспоминала, как в Никольское к ее отцу приезжал художник В. А. Серов: «Он много работал в своей комнате над иллюстрациями к басням Крылова. Я иногда заходила к нему, смотрела его рисунки» [Молога: до, во время и после затопления ... , 2019, с. 223].

На основе этих данных, можно говорить о том, что атмосфера, которая царил в семье Мусиных-Пушкиных, во многом повлияла на выбор главного дела жизни Ольги Михайловны – музыки. После Никольского она уехала в Москву, поступила в кон-

серваторию и обучалась там по классу скрипки в 1879–1889 гг. После окончания консерватории она приехала в Мологу и решила: «служить музыке, пока не запоёт весь Мологский уезд» [Молога: до, во время и после затопления ... , 2019, с. 224].

В 1890 г. Ольга Михайловна вышла замуж за Д. И. Блатова, земского врача. В романе А. Н. Глебовой-Михайловской «Сёстры Горбовы» так описывалась семья Блатовых: «Когда Горбовские лошадки быстро въехали на двор Блатовского дома, с крылечка в цветничок выпорхнула с криком Ольга Михайловна Блатова, маленькая, очень юркая, веселая дама, а за ней высыпали Блатята. Их было пять: двум старшим мальчикам было лет по 13–14. В дверях, все их занимая своей широкоплечей, огромной фигурой, стоял толстух Блатов» [Глебова-Михайловская, 2012, с. 69].

В 1890-е гг. Блатова организовала в Мологе любительский хор и «поставила (это в Мологе-то!) из „Аскольдовой Могилы” 6 картин». Также она работала в Мологской женской гимназии преподавателем музыки до декабря 1907 г. Из гимназии ее уволили по требованию администрации за противоправительственную деятельность. Ее обвинили в том, что она на своих уроках читала лекции социализма. В декабре 1907 г. в газете «Северная мысль» вышла заметка, по которой можно проследить, как уважительно относились жители Мологи к О. М. Блатовой: «Город был поражен увольнением всеми уважаемой и опытной преподавательницы музыки в нашей женской гимназии... Доподлинно известно каждому у нас, имеющему на плечах голову, а не чурбан, что О. М. до сих пор не выступала публично с обличениями гнойных вонючих язв бюрократического усмотрения» [Северная речь, 1907]. Тем самым активные жители города Мологи устроили протест против несправедливого увольнения Блатовой.

В годы Первой мировой войны Блатова возглавляла Мологский Дамский комитет, созданный для помощи защитникам Отечества. На основе маленькой записной книжки О. М. Блатовой под названием «Моя корреспонденция» можно установить, что за 1915–1917 гг. на имя председателя Мологского Дамского комитета люди обращались за многочисленной помощью, с жертвованиями, с официальными приглашениями на мероприя-

тия. Как к наставнику, нравственному образцу люди обращались за советом, выражали благодарность [ЯМЗ-28037/66].

Семья Блатовых была в дружеских отношениях с революционером Н. А. Морозовым, который часто бывал в Мологе. К примеру, в 1915 г. Морозов вместе со своей женой – Ксенией Алексеевной должен был принять участие в благотворительном концерте, который должен был состояться в Манеже г. Мологи. По письмам Блатовой к Морозову можно понять, как важен для нее был этот концерт, как для главы Мологского Дамского комитета, принявшего на себя заботу о раненых и больных защитниках Отечества и их семьях. Она писала Морозовым: «Сплотимся вновь и пусть наши чувства, вылившись в звуки, зажгут сердца людей новой бодростью, новой энергией и верой в свои силы и милость Божию! Цель, конечно, „нужды войны”» [Письмо О. М. Блатовой к Н. А. Морозову, 1915].

В советское время она была заведующей музотдела Мологского райисполкома (с 20 октября 1920 г.), преподавала музыку и пение в учебных заведениях Мологи. Ольга Михайловна с 26 февраля 1921 по январь 1922 гг. вела дневник, где она делилась своими мыслями, описывала музыкальную жизнь Мологского края в это время. На основе дневника можно увидеть ее огромную роль в развитии музыкальной жизни Мологского края в 1920-е гг.

О. М. Блатова организовывала многочисленные концерты, кроме того, и сама была активным участником этих концертов. Так, 26 февраля 1921 г. в Манеже состоялся вечер Труда, который организовала секция «ИЗО», где она играла соло на скрипке под аккомпанемент Б. М. Азанчеева, «Арию» Баха и сказала о последнем несколько слов.

Концерты организовывались не только в городе Мологе, но и по уезду. 16 мая 1921 г. 9 человек выехали в «неделю Красного пахаря» в концертную поездку. Ольга Михайловна так описывала в своем дневнике эту серию мероприятий: «В понедельник в Иловне дали концерт в одиннадцать часов вечера (раньше не собралась публика)... Во вторник к вечеру выехали в Борисоглеб... В среду днем дали концерт для учеников техникума и для Покровско-Раменской экскурсии учеников школ 1-й ступе-

ни...Того же дня вечером дали 3-й концерт для сельчан и служащих... В четверг 19 мая в три часа поехали на лошадях Борисоглебского техникума в Брейтово, где вечером дали концерт, причем концерт начался очень поздно, чуть ли не в двенадцать часов вечера, так как публика собралась только к этому времени. Все четыре концерта прошли с большим успехом» [ЯМЗ-28037/67, л. 7].

Если посмотреть на музыкальную программу устроенных концертов, которую О. М. Блатова фиксировала, делая записи о проведенных мероприятиях, то, несмотря на то, что поездка состоялась в 1921 г. и была приурочена к «неделе Красного пахаря», в программе не прослеживалось революционных мотивов. К примеру, в Брейтове она выглядела следующим образом: «Рупрехт, Свадебный Мендельсон и „Пробуждение льва”, дуэт „Сомнение” Глинки, соло виолончели и скрипки (мазурка и колыбельная), пение» [ЯМЗ-28037/67, л. 8]. Но 12–13 марта 1921 г. состоялся спектакль «Великий коммунар» в честь празднования годовщины Великой Февральской революции 1917 г. Оркестр во главе с Блатовой играл за сценой нужные в пьесе вещи. В данных случаях можно говорить о преемственности вкусов провинциальной интеллигенции в 1920-е гг., сочетании нововведений с сохранением прошлых традиций.

Знаменательным событием в жизни города Мологи стало открытие 23 января 1921 г. музыкальной школы, заведующей которой становится О. М. Блатова. На июнь 1921 г. в школе училось уже 55 человек [ЯМЗ-27037/67]. Это говорит о том, что обучение музыке в Мологе оставалось востребованным, несмотря на тяжёлое время 1920-х гг.

Часто в своем дневнике она упоминала о плохом оснащении учреждений музыкальными инструментами, а также о недостатке нужных специалистов в Мологе и крае. К примеру, концерт из произведений П. И. Чайковского приходилось несколько раз откладывать из-за отсутствия пианиста и нужных нот. Посылали письмо с просьбой о помощи заведующему отделом искусств и музыкальной школой города Рыбинска З. Н. Семенову. Ноты нашли, а пианист из уезда так и не приехал.

Концерт состоялся два раза подряд: 29 и 30 марта 1921 г. «Хор был без дирижера, что конечно в высшей степени не правильно и отзывалось на исполнении. Хор тянулся за аккомпанементом. Два хора, аккомпанементы их были поручены неопытному аккомпаниатору, который справился со своей задачей слабо» [ЯМЗ-28037/67, л. 5]. Можно сделать вывод, что в 1920-е гг. вследствие хозяйственной разрухи учебные заведения Мологского уезда переживали сложную ситуацию: наблюдался недостаток квалифицированных специалистов, нехватка музыкальных инструментов, плохое снабжение учебными пособиями, что отражалось на качестве обучения.

О. М. Блатова, поехав на совещание с представителями МУЗО, ИЗО и ТЕО, «выпросила у заведующего губернским подотделом искусств Рыбинской губернии для музыкальной школы: четыре рояля, пять скрипок и контрабас» [ЯМЗ-27037/67, л. 6]. Чтобы 29 мая 1921 г. состоялся вечер «ИЗО», О. М. Блатова ездила в Рыбинск для переписки нот камерной музыки. «Для верности дела, я наконец сама поехала за ними в среду с вечера в надежде вернуться к двенадцати часам нового времени в Мологу на другой день. Пароход „Златовратский“ за 5–6 верст до Рыбинска пробил себе дно о камень, и мы попали в Рыбинск перегруженные на другой пароход только к двум часам ночи. На другой день пароход в час дня из Рыбинска не пошел, а на четыре часа по случаю массового скопления народа меня не посадили. Попала я в Мологу только в пятницу утром» [ЯМЗ-28037/67, л. 9].

Эти примеры иллюстрирует то, как сильно она заботилась о развитии и воспитании детей, обучающихся в музыкальной школе, и при удобных обстоятельствах находила пути улучшения оснащения музыкальной школы г. Мологи. Блатова считала, что: «Неимение пианиста-специалиста отражается пагубно на музыкальной школе, там некому вести уроки слушания музыки. Приходится взять на себя и преподавание на скрипке, слушание музыки и ритмику по системе Далькроза» [ЯМЗ-27037/67, л. 13].

В начале 1930-х гг. П. А. Зимяхину Блатова давала уроки по нотной грамоте на дому. Он вспоминал: «Иногда мы играли целые вечера. Я полюбил прелесть русской душевной лирики.

Незабываемые вечера!» [Молога: до, во время и после затопления ... , 2019, с. 226].

С конца 1930-х гг. в связи с затоплением г. Мологи Рыбинским водохранилищем, О. М. Блатова переехала к сестре Д. М. Блатовой в Вологду, преподавала в Вологодском музыкальном училище. В 1946 г. они переехали в Ленинград в Дом ветеранов сцены на Петровском острове. Умерла О. М. Блатова в 1947 г.

Таким образом, в сложных и противоречивых условиях начала XX в. в Мологской провинции инициаторами большинства культурных акций выступали представители местной интеллигенции, видевшей свою основную задачу в том, чтобы содействовать развитию образования и повышению культуры, как городского населения, так и жителей уезда. Музыкальная жизнь Мологского края начала XX в. определялась во многом творческой, плодотворной деятельностью О. М. Блатовой. Она с энтузиазмом проводила концерты в Мологе и в уезде, работала в музыкальной школе, выступала с лекциями и докладами, участвовала в благотворительности и обеспечивала музыкантов необходимыми инструментами. Всю жизнь она следовала принципу: «служить музыке, пока не запоёт весь Мологский уезд» [Молога: до, во время и после затопления ... , 2019, с. 224].

Библиографический список

1. Алексеев Н. М. Блатовы (генеалогия рода). Рыбинск : Рыбинский музей-заповедник, 2005. 48 с.
2. Архив Академии Наук СССР. Фонд 543. Опись 4. Д. 161. Письма О. М. Блатовой к Н. А. Морозову. 1915.
3. Бадан Н. А. Ольга Михайловна Блатова о музыкальной жизни города Мологи начала 1920-х гг. // Вторые Алмазовские чтения: Материалы региональной научной конференции. Ярославль, 2002. С. 267–271.
4. Глебова-Михайловская А. Н. Сёстры Горбовы. Санкт-Петербург : СПбПУ, 2012. 290 с.
5. Дневник О. М. Блатовой за январь 1895–февраль 1910 г. // ЯМЗ-28037/ 65.

6. Дневник О. М. Блатовой по секции «МУЗО» // ЯМЗ-28037/67.

7. Клопов А. С. Город Молога и его жители на страницах романа А.Н. Глебовой-Михайловской «Сёстры Горбовы» // Ярославский текст в пространстве диалога культур. Ярославль, 2014. С. 164–170.

8. Корреспонденция О. М. Блатовой за август 1915– май 1917 г. // ЯМЗ-28037/66.

9. Молога: до, во время и после затопления. 1860–1950-е / П. И. Зайцев, А. А. Фенютин, С. И. Куликов и др.; под общ. ред. В. В. Горошниковой, А. С. Клопова. Рыбинск : Медиарост, 2019. 492 с.

10. Северная речь: ярославская, ежедневная, общественно-политическая газета. 1907, 8 янв.1907.

11. Моя Молога: сообщество. Рыбинск. URL: <https://vk.com/mumologa> (дата обращения: 07.03.2023)

12. Рыбинский музей-заповедник: сайт. Рыбинск. URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/PERSON/2535> (дата обращения: 07.03.2023)

УДК 951.091/.092

Пань С., Ло Айлинь

В память педагога и историка Чжан Кайюань

Статья посвящена памяти Чжан Кайюаня (1926–2021), выдающегося китайского историка и педагога. В ней рассматриваются педагогические и исторические идеи и взгляды Чжан Кайюаня с точки зрения разработки новых подходов в изучении истории в высших учебных заведениях Китая. Цель исследования заключается в выявлении особенностей педагогических и исторических воззрений ученого. Проведенный анализ позволит нам глубже понять идеи Чжан Кайюаня о необходимости модернизации системы высшего образования. На основании исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, в центре внимания Чжан Кайюаня является личность; идея антропоцентризма является главенствующей в творческом наследии учено-

го. Во-вторых, Чжан Кайюань является сторонником идеи «свободного образовательного пространства». В-третьих, по глубокому убеждению педагога и историка, миссия ученого, интеллектуала – осознавать огромную социальную ответственность перед обществом за знания, информацию, которую они передают подрастающему поколению.

Ключевые слова: память Чжан Кайюаня; историк; педагог; особенности идей; антропоцентризм; социальная ответственность.

Pan Xuanye, Luo Ailin

In memory of educator and historian Zhang Kaiyuan

This article is dedicated to the memory of Zhang Kaiyuan (1926–2021), the outstanding Chinese historian and pedagogue. The article examines the pedagogical ideas in general, on the one hand, and the ideas on historiography, including approaches to the study of history and attitudes to the development of historical sciences, on the other hand. The aim of the study is to identify the characteristics of pedagogical and historical thoughts of Zhang Kaiyuan.

This analysis has enabled us to gain a deeper understanding of Zhang Kaiyuan's ideas about higher education and historical science and to draw the following conclusions. First, the idea of anthropocentrism, i.e. in both higher education and the study of history, Zhang Kaiyuan's focus is on people. Secondly, open-mindedness. Zhang Kaiyuan not only supports the viewpoint of internationalisation of higher education, but also takes a world-historical approach to the study of China's recent history. Thirdly, the social responsibility that both educators and historians need to undertake.

Key words: memory of Zhang Kaiyuan; historian; educator; features of ideas; anthropocentrism; openness; social responsibility.

Введение

Чжан Кайюань известен как историк и педагог не только в Китае, но и во всём мире. Он работал ректором Центрально-Китайского государственного педагогического университета, г. Ухань, в 1984–1990 гг. и до последних дней преподавал историю в стенах университета. Он является создателем общества по истории Синьхайской революции, института новейшей истории Китая

и центра по исследованию истории китайских церковных университетов. Он также работал приглашенным профессором Йельского, Принстонского, Калифорнийского университетов и др.

Научные интересы профессора очень объемны: он внес большой вклад в изучение истории Синьхайской революции, в исследование различных социальных групп китайского общества, при этом особое внимание он уделял изучению китайской буржуазии. Весомую роль сыграли труды Чжан Кайюаня по истории китайской торговой палаты, церковных университетов и Нанкинской резни, устроенной японцами в 1937 г. Он руководил научной деятельностью студентов, подготовив немало ученых, работающих в известных университетах. Некоторые из его учеников работают в Академии наук КНР и служат в важных правительственных органах.

Идеи Чжан Кайюаня о реформировании высшего образования

С момента восстановления системы государственного единого вступительного экзамена в университеты (Гаукау) и проведения политики реформы и открытости китайского общества (1978 г.), востребованность в высококвалифицированных специалистах резко возрасла. В результате реализации реформы в сфере образования начался процесс объединения колледжей и институтов в единый университет. Чжан Кайюань считал, что ориентация вузов на рынок наносит вред системе образования [Чжоу Хуньюй, Чжэн Юань, 2021, с. 12].

Для решения возникших проблем в процессе высшего образования Чжан Кайюань предложил собственные идеи, способные, по его мнению, модернизировать образовательную среду. Во-первых, по его мнению, необходимо изменить сам подход к оценке роли университетов в жизни общества или, как писал ученый, «вернуться к основе университета и вернуться к сути образования» [Чжан Кайюань, 2010, с. 21]. Самое главное в процессе образования – совершенствование личности, ее духовных начал. Чжан Кайюань был сторонником идей Тау Синчжи (1891–1946) – китайского народного педагога и мыслителя. По мнению Тау Синчжи, «тысяча учений учат людей искать истину, тысяча учений учат быть истинными» и воспитывать «дух люб-

ви к всему миру» [Чжан Кайюань, 2013, с. 13]. К сожалению, значительная часть университетов заботится о «насыщенности» учебных заведений большим количеством студентов, что, по их мнению, повышает рейтинг, престиж университетов. В результате преподаватель университета поставлен в очень сложные условия: с одной стороны, увеличивается учебная нагрузка, с другой стороны, никто не снял с преподавателей обязанность публиковать научные статьи. С точки зрения Чжан Кайюань, студенты не машины, подготовка студентов требует большой индивидуальной, творческой работы. Необходимо помнить замечательные слова Конфуция, что «вести учение нужно соответственно индивидуальным способностям личности».

Чжан Кайюань уделял особое внимание социализации личности, подготовке ее к практической жизни. Выступая на конференции, посвященной 100-летию юбилею Софийского университета в 1988, Чжан Кайюань особо подчеркнул мысль о необходимости готовить молодых людей к практической жизни [Чжан Кайюань, 1988, с. 1]. Чжан Кайюань – сторонник системы социальной адаптации студентов: в университетах необходимо больше внимания уделять выработке практических умений и навыков студентов. По его инициативе была создана модель «один университет – один уезд (или город)» [Чжан Кайюань, 1988, с. 2]. Цель – укрепить связь науки с производством, что способно оживить экономику и культуру на местах.

Чжан Кайюань выступал с позиции интернационализации высшего образования. При этом он рассматривал этот процесс с двух сторон. С одной стороны, университеты должны стремиться к получению грантов, различного рода финансовой помощи со стороны иностранных частных организаций, с другой, университеты должны активно участвовать в различных международных конкурсах, мероприятиях, совершенствовать обмен студентами и преподавателями с другими зарубежными учебными заведениями, публиковать совместные научные статьи, предлагать совместные проекты с иностранными коллегами.

Подходы Чжан Кайюаня к изучению истории модернизации Китая

Будущий историк в 1956 г. приступил к изучению истории Синьхайской революции. Под влиянием идей французского социолога Дюркгейма и немецкого историка Макса Вебера Чжан Кайюань уделял внимание исследованию социальной среды, социальных движений, социальных групп и их социального поведения. Он применял социологический подход в изучении проблем модернизации Китая.

С начала 1960-х годов Чжан Кайюань предлагает собственные методики в исследовании исторических процессов в Китае: «Во-первых – уделять больше внимания анализу взаимодействия между индивидом, группой и социальной средой, во-вторых – сосредоточить исследование на группе как посреднике между индивидом и классом [Чжан Кайюань, 1996, с. 7]». Во время визита в США и Японию в 1979 г. Чжан Кайюань, отвечая на вопрос иностранных коллег о применении социологического метода при изучении новейшей истории Китая, отметил, что даже среди западных историков нет единого мнения в оценке применения этих методик на практике. При этом, по мнению Чжан Кайюаня, целый ряд ученых-гуманитариев стал больше внимания уделять именно социальным аспектам исторических процессов, изучать взаимодействие различных социальных групп, анализировать социальное происхождение этих общностей, их приобретения и потери.

Важным элементом в исследовании истории Синьхайской революции является применение сравнительного подхода, в котором удачно сочетаются диахронический и синхронический методы исследования. Так, в частности, по утверждению Чжан Кайюаня, историю Китая необходимо изучать в контексте мировой истории, так как «Синьхайская революция не происходила изолированно в рамках одной страны; она имела не только моральную поддержку большевиков под руководством Ленина, но и взаимное влияние угнетенных народов Азии, взаимное поощрение и поддержку друг друга, и даже создание международных антиимпериалистических групп, таких как Азиатское общество мира» [Тян Тун, 2017, с. 97]».

Такой синхронический сравнительный подход позволяет изучать историю Китая как важную часть всемирно-исторического процесса. Применяя западную теорию модернизации, Чжан Кайюань сравнивает те изменения, которые происходили в Китае с 1840 по 1949 г., с изменениями в западном обществе. По мнению Чжан Кайюаня, изучая опыт модернизации на Западе, можно избежать определенных рисков, которые таит модернизация, для будущего Китая в исторической перспективе.

Взгляды Чжан Кайюаня на преподавание и исследование

Что касается исследования и преподавания, то Чжан Кайюань полагал, что цель исследования – «поиск истинных знаний для просвещения будущих поколений». Эту мысль он постоянно проводил в работе со студентами.

Будучи преподавателем истории в университете, Чжан Кайюань стремился ввести в преподавание новую дисциплину – Новейшую историю Китая, так как до образования КНР в 1949 г. такой дисциплины не было в высших учебных заведениях; не было единого учебника по новейшей истории, а были лишь отдельные статьи в газетах о событиях новейшего периода истории Китая [Чжан Кайюань, 2013, с. 33]. Под руководством Чжан Кайюаня при Центрально-Китайском государственном педагогическом университете был создан институт новейшей истории Китая, который является авторитетным исследовательским центром новейшей истории Китая, в частности исследования истории Синьхайской революции, буржуазии раннего периода Китая, истории китайской торговой палаты, истории китайских церковных университетов, история модернизации Китая и т.д. Студенты и аспиранты института новейшей истории Китая активно занимаются изучением различных периодов новейшей истории и достигли на этом направлении немалых результатов. Чжан Кайюань, анализируя свою научную деятельность, называл ее «академической трапезой»: «Я всю жизнь как занятый старый петух, который везде ищет зерно и насекомых, когда что-то найдет, то приглашает молодых цыплят вместе полакомиться этой трапезой» [Ма Минь, 2022, с. 41]. Благодаря Чжан Кайюаню дисциплина новейшая история Китая представляет собой ключевую специальность в данном университете.

В процессе изучения истории Чжан Кайюань не раз подчеркивал, что он поддерживает точку зрения великого историка древнего Китая Си Мацзяня, который считал, что задача историка состоит в исследовании отношений человека и природы, в изучении процессов изменений, происходивших на протяжении длительного периода времени в китайском обществе, в выработке своих собственных взглядов на исторические процессы. В прошлом веке китайские церковные университеты считались инструментом проникновения иностранных держав на территорию Китая. Не отрицая данный факт, Чжан Кайюань отмечал, что они также являются важными элементами новейшей истории культурного обмена между Китаем и другими странами. «Непрерывное столкновение и соединение китайской и западной культуры в церковных университетах в Китае относится к культурному обмену относительно глубокого уровня. Мы уверены, что развитие истории церковных университетов будет содействовать исследованию культурного обмена Китая и западных стран в новейшее время» [Ма Минь, 2022, с. 42].

Таким образом, как педагог и историк Чжан Кайюань удачно использовал научные знания по истории Китая в педагогической практике. Очень большое внимание он уделял проблеме социальной ответственности ученых, педагогов в воспитании будущих поколений. По его мнению, ученый не только пишет историю, но и творит ее. Чжан Кайюань полагал, что только совместными усилиями ученых-гуманитариев можно исправить те недостатки, которыми характеризуется современная цивилизация.

Библиографический список

1. Ма Минь. О качествах историографической мысли Чжан Кайюаня // Исследования по исторической теории. 2022. № 4. С. 40–53. (马敏, 《论章开沅史学思想的特质》, 史学理论研究, 2022年第4期第40-53页。)
2. Тянь Тун. Чжан Кайюань и изучение ранней китайской модернизации // Гуандунские социальные науки. 2017. № 3. С. 95–106. (田彤, 《章开沅与中国早期现代化研究》, 广东社会科学, 2017年第3期, 第95-106页。)

3. Чжан Кайюань. Фокусируясь на воспитании нового человека двадцать первого века // Вестник Хуачжунского педагогического университета. 1988. № 6. С. 1–3. (章开沅, 《着眼于培养二十一世纪的新人》, 华中师范大学学报, 1988年第6期第1-3页)

4. Чжан Кайюань. Продолжение серии об исторических событиях до и после Синьхайского период». Ухань: Изд-во Хуачжунского педагогического университета, 1996. 432 с. (章开沅, 《辛亥前后史事论丛续编》, 华中师范大学出版, 1996年, 共432页)

5. Чжан Кайюань. Мой взгляд на скачкообразное развитие колледжей и университетов // Журнал учёбы. 2010. № 1. С. 20–21. (章开沅, 《高校跨越发展之我见》, 学习月刊, 2010年第1期第20-21页)

6. Чжан Кайюань, Чжан На. Путешествие по истории – интервью с господином Чжан Кайюанем // Вопросы преподавания истории. 2013. №3. С. 31-38. (章开沅, 詹娜, 《领航史学远航—访章开沅先生》, 历史教学问题, 2013年第3期第31-38页)

7. Чжан Кайюань. Господин Чжан Кайюань о исследованиях Тау Синчжи в новом веке // Образование и жизнь. 2013. С. 13–15. (章开沅, 《章开沅先生谈新世纪陶行知研究》, 生活教育, 2013年第13-15页)

8. Чжоу Хуньюй, Чжэн Юань. Возвращение к главной миссии университета и к природе образования // Современное университетское образование. № 2. 2021. С. 10–15. (周洪宇, 郑媛, 《回归大学主体, 回归教育本性》, 现代大学教育, 2021年第2期第10-15页)

РАЗДЕЛ 2. «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»

УДК 94(470)

П. Г. Аграфонов

Святилища Геракла на территории Херсонесского государства (IV в. до н. э. – III в. н. э.)

Статья исследует развитие культовой практики одного из главных героев античности – Геракла – на территории Херсонесского государства. На протяжении огромного периода – с IV в. до н. э. по III в. н. э. культ Геракла трансформировался, переживал взлеты и падения. Этот процесс показан на примере всех известных на сегодняшний день святилищ героя.

Ключевые слова: Геракл; Херсонес; святилища; IV в. до н. э. – III в. н. э.; культовая практика.

P. G. Agrafov

The sanctuaries of Hercules on the territory of the Chersonese State (IV century BC – III century AD)

The article explores the development of the cult practice of one of the main antique heroes – Hercules – at the territory of the Chersonesos state. Over a huge period of time- from the IV century BC e. to the III century AD cult of Hercules has transformed und gone through its ups and downs. This process can be seen in all the hero's shrines known today.

Key words: Hercules; Chersonesos; sanctuaries; IV century BC – III century AD; cult practice.

Археологическое исследование Херсонеса насчитывает уже более полутора столетий. За это время накоплен исключительный по богатству вещевой, эпиграфический, нумизматический материал, и при всем его разнообразии в собранных коллекциях

прослеживается особый интерес к образу Геракла. Херсонесское пластическое искусство, монетное дело, посвятельные надписи, ювелирные изделия и другие категории находок обнаруживают устойчивый интерес к образу греческого героя. Письменные свидетельства существования культа Геракла в Херсонесе отсутствуют, в связи с этим роль археологического материала обретает первостепенное значение.

Бытование культа Геракла в Херсонесе зафиксировано материалами различных категорий. Всего встречено 246 находок, связанных – с разной степенью уверенности – с поклонением Гераклу. Значительную часть имеющихся памятников составляет изобразительный материал. На скульптуру приходится 35 единиц от общего числа находок (15,7 %); на терракоты – 16 единиц (7,2 %), а вместе с другими изделиями из глины – светильниками, формами для изготовления терракот и рельефами на посуде (всего 14 находок – 6,4 %) – 13,6 %, то есть примерно столько же. Обнаружено также 8 ювелирных изделий с изображениями символов Геракла, что составляет 3,6 % от общего числа находок.

Количественно преобладают эпиграфические источники. 120 граффити (53,8 %) – это более половины общего числа находок. Посвящений найдено три (1,3 %), столько же известно выпусков клейм. 24 монетных выпуска составляют 10,7 %, если рассматривать каждый выпуск за одну единицу (хотя, разумеется, такое деление условно) [Аграфонов, 1998, с. 21; Аграфонов, 1999, с. 11].

Хронологически находки распределяются следующим образом. IV веком до н. э. датируется максимальное число находок – 69 (30,9 %), причем в этот период представлено большинство категорий – скульптура, терракоты, граффити, монеты, ювелирные изделия. При этом граффити IV в. до н. э. составляют большую часть от общего количества находок внутри этой категории. Точно так же и максимальное количество монетных выпусков (14 из 24) тоже относится к этому периоду.

Значительное количество памятников приходится на рубеж IV–III веков или имеет широкую датировку IV–III вв. до н. э. – 31 единица (13,9 %). Категории источников в это время те же,

что и в предыдущей группе, за исключением ювелирных изделий. В III в. до н. э. объем находок несколько снижается, но все же общее их число остается значительным – 42 единицы (18,8 %). Материалы еще разнообразны, все категории предшествующего периода присутствуют, что характеризует культ как явление довольно прочное и разностороннее. В то же время количественный спад находок налицо [Аграфонов, 1999, с. 12].

На рубеже III–II в. до н. э. число находок уменьшается. Количество скульптуры и терракот в это время примерно одинаково. Хотя появляются новые категории находок – такие как рельефные налепы и клейма (единичные экземпляры), но резко, более чем втрое по сравнению с предыдущим периодом, уменьшается число граффити. Кроме того, в этом хронологическом отрезке отсутствуют монетные выпуски с символами Геракла. II в. до н. э. дает в пять раз меньше находок по сравнению с предшествующим столетием. Единичными находками исчерпывается свод граффити, терракот и ювелирных изделий тоже очень мало. Отмечены также два последних монетных выпуска после долгого перерыва.

На рубеж II–I вв. до н. э. приходятся только единичные находки глиняных изделий – терракоты и клейма. I в. до н.э. датируется только одна находка – глиняная маска, да и та атрибутируется как маска Геракла предположительно. Датировка ее тоже является в определенной степени условной. На рубеже эр находок нет, а первые века н. э. обнаруживают заметное оживление интереса к образу Геракла. I–III вв. н. э. датируются 24 находки (10,8% от общего числа). Среди них несколько находок скульптур, терракот немного – всего 2 находки, а именно глиняные светильники. Ювелирных изделий встречено 5 – максимальное количество находок. Монеты, граффити, клейма отсутствуют.

Таким образом, в развитии культа Геракла в Херсонесе прослеживаются два пика – IV–III вв. до н. э. и I–III вв. н. э. Между этими двумя временными отрезками наблюдается большой перерыв – в течение II–I вв. до н. э. имеются только единичные находки, а на рубеже эр – ни одной [Аграфонов, 1999, с. 12].

Различные категории находок, связанные с культом Геракла, встречены на всей подвластной Херсонесу территории. Большая их часть концентрируется в самом полисе и его ближайшей округе – Гераклейских усадьбах и Страбоновом Херсонесе. Значительное количество находок обнаружено в районе Керкинитиды. Единичные находки встречены также на поселениях Северо-Западного Крыма – в районе озера Донузлав и Калос Лимен. С уменьшением размеров подвластной Херсонесу территории сокращается и география находок, связанных с культом. Находки римского времени происходят только из Херсонеса и его ближайшей округи.

Особой категорией памятников, связанных с культом Геракла, являются святилища. Некоторые из них имели, по-видимому, общественный характер. Примером памятников такого типа является, вероятно, святилище Геракла, которое располагалось неподалеку от современных Сак. Автор публикации дает широкую датировку этого памятника – II в. до н. э. – III в. н. э. Отсутствие строительных остатков заставляет сделать предположение, что это именно общественное святилище [Ланцов, 1988, с. 250]. Другим доказательством существования такой категории памятников является открытая в одном из кварталов города мастерская IV–III вв. до н. э. по изготовлению крупных терракот, предназначенных для общественных святилищ [Костромичева, Шевченко, 1996, с. 64]. Сходные выводы сделаны на основании анализа материалов, полученных при раскопках теменоса Ольвии [Леви, 1964, с. 166–172].

Наличие частных, домашних мест поклонения герою засвидетельствовано несколькими комплексами находок. Домашние святилища, посвященные Гераклу (иногда в сочетании с другими богами) появляются в Херсонесе, вероятно, с самого начала истории этого государства.

К IV в. до н. э. относится самое раннее известное нам святилище, открытое на поселении Панское I. В одном из помещений А. Н. Щеглов выделяет святилище земледельческих божеств – Деметры и Сабазия, а в соседней комнате – святилище Геракла. Там, в частности был обнаружен рельеф Геракла, рядом с которым находился большой глиняный сосуд с написанной на его

стенке лигатурой НР, а также каменный алтарь. По мнению А. Н. Щеглова, рельеф, изготовленный местным мастером и изображающий фронтально стоящего юного героя, был прикреплен к стене напротив алтаря [Щеглов, 1976, с. 137]. Не исключено, что аналогичное святилище, относящееся к IV – первой трети III вв. до н. э., располагалось в соседнем здании. На это, по мнению В. Ф. Столбы, указывает посвящение герою на стенке обнаруженного там канфара: «(Такой-то) Гераклу Спасителю (посвятил)» [Столба, 1989, с. 55–57].

На городище «Чайка» найдены два святилища. Одно датируется IV–III вв. до н. э. Здесь в стене одного из помещений греческого эмпория была устроена ниша, обмазанная глиной, внутри которой обнаружена терракотовая статуэтка, изображающая сидящего на скале Геракла [Попова, Коваленко, 1997, с. 79]. Другое святилище датируется первой третью III в. до н. э. и содержит целый комплекс материалов культового назначения – рельеф с изображением стоящего Геракла, маленький каменный алтарь с уступчатым основанием и акротериями на фронтонных скатах, а также фрагменты терракотовой статуэтки, предположительно Деметры [Попова, Коваленко, 1997, с. 12]. Эти данные позволяют утверждать о существовании в помещении домашнего святилища для отправления культа не только Геракла, но и по меньшей мере еще одного божества.

На одной из усадеб Гераклеяского полуострова также обнаружен комплекс материалов, возможно, позволяющий говорить о существовании здесь домашнего святилища, посвященного нескольким божествам. Помещение датируется началом III в. до н. э. Вместе с терракотовой статуэткой Геракла в нем найден жертвенник с рельефными изображениями Ники, Аполлона и Артемиды, Диониса, Силена и менады [Щеглов, Николаенко, Викторова, Козловская, 1979, с. 377].

К III–II вв. до н. э. относится святилище, обнаруженное в усадьбе, расположенной на западном берегу Маячного полуострова. В западной части одного из помещений усадьбы, вероятно, располагался домашний алтарь, где почитались главные божества Херсонеса: Дева, Геракл и Дионис. Рядом с обломками ал-

таря были встречены фрагменты терракотовых изображений этих божеств [Костромичева, Шевченко, 1996, с. 161].

Хотя целостные комплексы святилищ немногочисленны, к находкам, свидетельствующим об их распространенности, следует отнести также посвянительные рельефы и многие терракоты. Это предположение подтверждается примером святилищ с городищ Панское и «Чайка», составной частью которых были рельефы с изображением Геракла. Использование других рельефов было, возможно, аналогичным – их крепили к стене или устанавливали в специальной нише в помещении святилища.

Для использования в святилище предназначался, очевидно, и мраморный жертвенник с рельефным изображением Геракла и Гермеса, обнаруженный в районе Камышевой бухты [Античная скульптура..., 1976, № 66]. Форма и характер обработки этого алтаря позволяют судить о способе его использования при отпращивании культа. Задняя стенка плиты обтесана грубо, недостаточно чисто сглажены и боковые грани, из чего следует, что рельеф предназначался для установки в нише или для крепления к стене. На верхней грани сохранились также неясные следы – возможно, крепления статуи или светильников.

Сходным было, вероятно, и применение терракотовых статуэток, которые предназначались для помещения в святилищах. Об этом свидетельствует, как кажется, значительное количество терракот среднего и большого размера, а также существование мастерской для их изготовления. Характер использования терракот иллюстрируется примером святилища на городище «Чайка», где терракотовая статуэтка сидящего Геракла была обнаружена поставленной в нише эмпория.

При общем большом количестве находок, засвидетельствовавших существование культа Геракла в Херсонесском государстве, немногочисленных святилища, посвященные этому герою, имеют особое значение. Комплексный характер отдельных святилищ, включающих находящиеся в помещении рельефы, остатки алтарных сооружений, терракотовые статуэтки и следы креплений, позволяет реконструировать характер культовых церемоний.

Наличие двух групп этих памятников – домашних и общественных – говорит о глубоком проникновении культа как в

частную, семейную, так и в социально-культурную жизнь, а также о распространении в Херсонесе различных форм поклонения герою.

Библиографический список

1. Аграфонов П. Г. Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. 22 с.
2. Аграфонов П. Г. Мифология античного мира. (Культ Геракла в Северном Причерноморье). Ярославль : ЯГПУ, 1998. 67 с.
3. Античная скульптура Херсонеса. Киев : Мистецтво, 1976. 342 с.
4. Костромичева Т. И. Домашнее святилище на Страбоновом Херсонесе / Т. Костромичева, А. Шевченко // Херсонесский сборник. Севастополь : Ахтиар, 1996, вып. VII. С. 154–162.
5. Ланцов С. Б. Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь : изд. Симферопольского государственного университета, 1988. С. 249–251.
6. Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. Москва-Ленинград : Наука, 1964. С. 131–174.
7. Попова Е. А. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам городища «Чайка») / Е. Попова, С. Коваленко // Российская археология. 1997. № 2. С. 78–83.
8. Столба В. Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 55–70.
9. Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь : Крым, 1976. 176 с.
10. Щеглов А. Н. Исследования на городском хоре Херсонеса / А. Щеглов, Г. Николаенко, М. Викторова, В. Козловская // Археологические открытия. 1978 года. Москва : Наука, 1979. С. 207–208.

Пань Сюанье

Создание Балтийского и Бэйянского флотов как часть реформ Петра I и Цинского правительства (Китай)

Статья посвящена исследованию реформ Петра I и движения самоусиления Цинского правительства. Анализируемые реформы и движение в первую очередь занимают важное место соответственно в истории России и в истории Китая. Более того они являются неотъемлемой частью мировой истории. Статья ориентирована на рассмотрение военной реформы в обеих странах, в частности, создания военно-морских флотов. В эпоху правления Петра I был создан Балтийский флот, сыгравший важную роль в Северной войне со Швецией и продолжающий служить современной России. Во второй половине XIX в. по инициативе сановников Цинского правительства был создан Бэйянский флот. Несмотря на то, что этот флот вскоре был уничтожен во время войны с Японией, Китай приобрел ценный опыт для создания в будущем собственного военно-морского флота. Цель статьи состоит в выяснении мотивов и причин успеха реформ Петра I и неудачи движения самоусиления Цинского правительства методом сравнительного анализа. И реформы Петра I, и движение самоусиления не привели к институциональным изменениям. В статье подчёркнута важность того, что реформатору необходимо иметь достаточно власти и поддержки для проведения своей политики, а также важность влияния международных отношений на проведение реформ.

Ключевые слова: реформы Петра I; движение самоусиления Цинского правительства; сравнительный анализ; Балтийский флот; Бэйянский флот; институциональные изменения.

Pan Xuanye

Creation of the Baltic and Beiyang fleets as part of the reforms of Peter I and the Qing government (China)

The article investigates the reforms of Peter I and the self-reinforcing movement of the Qing government. The reforms and the movement play important role in Russian and Chinese history respectively. Moreover, they have become an integral part of world history with the development of global historiography.

The paper focuses on the military reforms of both countries, in particular the creation of naval fleets. During Peter's reign the Baltic Fleet was created, which played an important role in the Nordic War with Sweden and continued to serve in the Russian army. In the second half of the XIX century, Beiyang fleet was created under the initiative of the Qing dynasty. Although this fleet was soon destroyed during the war with Japan, it was China's first modern fleet and offered experience for a future naval army.

The purpose of the paper is to elucidate the motive behind the reforms and reveal the reasons for the success of Peter's reforms I and the failure of the Qing government's self-reinforcing movement through comparative analysis. Both Peter's reforms and the self-enforcement movement failed to bring about institutional change. To summarise, the paper emphasises the importance of the reformer having sufficient power and the support of circles to pursue policies and the direct influence of international relations and the situation on reforms.

Key words: Peter I's reforms; Qing dynasty self-reinforcing movement; comparative analysis; Baltic Fleet; Beiyang Fleet; institutional changes.

Введение

В конце XVII в. – начале XVIII в. в России царствовал Пётр I, проводя политику европеизации России, с помощью которой преодолевалась отсталость от Европы. Реформы затрагивали такие сферы общества, как военная, торгово-промышленная, административная, образовательная, культурная и др.

В историографии России исследования о реформах Петра I неисчислимы, от ранней статьи Ф. Прокоповича «Слово о власти и чести царской» до современных статей и монографий, таких как «Россия в период Петра I», «Утопия как политический проект» и т. д. Некоторые ученые в Китае в XIX начали обращать внимание на реформы Пётра I, когда Цинское правительство зашло в тупик, а интеллигенты пытались найти пути защиты от захвата иностранными державами своей Родины. В книге «Записки о четырёх континентах» («Сичжоу Чжи»), составленной чиновником Линь Цзэсюй, высоко оценивались реформы Петра, I и выражалась мысль, что Китаю также необходимо заимствовать передовые иностранные технологии.

Во второй половине XIX в. в Китае проводилась политика реформ, которая получила название «движение по усвоению заморских дел» или «движение самоусиления». В 1861 г. был создан специальный орган в системе высших государственных ведомств для разработки политики, призванной найти пути выхода из кризиса в отношениях Китая с другими странами, который назывался «приказом Цзунли». Это и ознаменовало начало движения самоусиления. Цель данного движения состояла в укреплении Цинского правительства с помощью привлечения передовых иностранных технологий, что соответствовало китайской мысли второй половины XIX в.: «Восточное учение – основное; западное учение – прикладное» [Меликсетов, 2002, с. 334]. Самыми главными деятелями движения являлись князь И Синь, местные чиновники Ли Хунчжан, Цзэн Гофан, Цзо Цунтан, Чжан Чжидун и др.

Несмотря на то, что существует немало отдельных исследований о реформах Петра I и движении самоусиления, сравнительный анализ обеих реформ пока не проводился. В данной статье рассматривается попытка выхода из внутреннего и внешнего кризисов абсолютных монархических правительств двух стран в разные периоды путём сравнительного анализа и раскрываются причины удачи и неудачи разных реформ.

Мотивы реформ Петра I и движения самоусиления

Война являлась мотивом и реформ Петра I, и движения самоусиления Цинского правительства. Несмотря на то, что программа реформ была начертана людьми XVII в., «а реформы Петра направлялись условиями его времени, до него не действовавшими, частью созданными им самим, частью вторгнувшимися в его дело со стороны. Программа заключалась не в заветах, не в преданиях, а в государственных нуждах, неотложных и всем очевидных. Война была важнейшим из этих условий» [Ключевский, 1937, с. 49–50]. В XVII в. западная и южная границы России были открыты для нападения и часто происходили столкновения России с Польшей, Швецией и Турцией, последние две страны представляли собой державы того времени. Одновременно, внутри России Петр I также вел борьбу, с одной стороны с царевной Софией, с восставшими крестьянами с другой.

Хотя движение самоусиления появилось позже, во второй половине XIX в., но внешнее и внутреннее положение более или менее было похоже на ситуацию в России. В то время перед правительством Цинской династии стояла задача борьбы с одним из крупнейших народных восстаний – Тайпинским восстание (1851–1864) и с агрессией иностранных держав. Ситуация у правительства Цинской династии была более опасной, чем в петровскую эпоху. В 1851 г. было официально объявлено об образовании государства Тайпин и в 1853 г. руководитель Хун Сюцюань со своей армией захватил город Нанкин, превращенный потом в столицу государства Тайпин. Борьба правительства Цинской династии с восставшими продолжалась более 10 лет и значительно ослабила Цинские власти перед лицом угрозы внешнего вторжения. «Этой ситуацией спешили воспользоваться западные государства, стремившиеся навязать Китаю новые неравноправные соглашения, закрепить успех, достигнутый в период опиумной войны и добиться новых уступок со стороны Цинского правительства» [Меликсетов, 2002, с. 323].

Следует подчеркнуть, что целью движения самоусиления на начальном этапе являлась борьба с тайпинским восстанием и укрепление Цинской власти, а внимание Петра I было обращено

на захват побережья Балтийского моря. Другими словами, обе реформы были связаны с войной, но движение самоусиления Цинского правительства носило пассивный характер, а реформы Петра I имели активный характер.

Создание Балтийского и Бэйянского флотов как часть политики

Военная реформа стала главной в плане реформ Петра I, включая развитие флота и кораблестроения. В начале XVI в. человечество вошло в эпоху великих географических открытий, когда всё важнее становилось господство на море, поскольку это было связано не только с торговлей и экономикой, но и с безопасностью и обороной государств. Петр I уделял большое внимание обучению кораблестроению, формированию личного состава флота и развитию морских наук. Как известно, в 1697 г. Великое посольство отправилось в Голландию, в состав которого входил сам царь Петр I для изучения передового опыта управления кораблями и кораблестроения. В 1702 г. «для обучения кораблестроению и мореходству в Голландию посылались партии от 100 до 190 человек, сроки обучения варьировались от 1.5 лет до 4 и более» [Красильников, 2022, с. 39]. Одновременно в начале XVIII в. в Москве были созданы школы, где преподавали арифметику, геометрию, навигацию, морскую астрономию и географию. Всё это создавало предпосылки создания Балтийского флота, занимавшего особое место в военной реформе Петра I.

Зарождение Балтийского флота было связано с началом Северной войны с более развитой в промышленном отношении Швецией. Из-за экономической и военной отсталости русскому правительству приходилось несколько раз закупать оружие за границей. Чтобы создать Балтийский флот, в 1701–1706 гг. на берегу Онежского озера было построено немало военных заводов, в том числе Петровский, Алексеевский, Павенецкий и т. д., которые отливали для флота пушки, ядра и ковали якоря. В то же время были построены несколько верфей, например, Олонецкая, Лужская, Ново-Ладожская, Ижорская и Адмиралтейская верфи, которые до 1715 г. построили 59 линейных кораблей, 30 фрегатов, 12 других крупных кораблей и 106 мелких судов. В

1722 г. в состав Балтийского флота входили 37 линейных кораблей, 10 фрегатов, 5 бомбардирских кораблей, 78 мелких парусных судов и 416 гребных судов [Бескровный, 1958, с. 106]. Балтийский флот представлял собой ядро российского военно-морского флота в ходе Северной войны, в определенной степени он отражал успех военной реформы.

С целью противоборства с иностранными державами Цинское правительство в начале 1870 г. начало создавать военно-морской флот, который являлся главной частью движения самоусиления. Дин Ричан, чиновник и член движения самоусиления, взял на себя инициативу в создании военно-морского флота, следуя примеру западных стран в изготовлении пушек. Всё больше и больше чиновников замечали важность создания военно-морского флота: «Самый важный способ защиты страны от иностранцев – это защита моря, а самый важный способ защиты моря – это наличие военно-морской эскадры» [У Юаньбин, 1874, с. 43].

В 1866 г. Цзо Цзунтан, один из создателей местных воинских формирований в городе Фу Чжоу, построил первую верфь. При этом он создал школу для того, чтобы изучать передовые иностранные технологии и иностранные языки. Именно в этой школе готовили первых китайских капитанов кораблей и мастеров кораблестроения. Следует отметить, что на верфи Фу Чжоу строили деревянные корабли, которые не могли бороться со стальными иностранными кораблями. Самыми передовыми кораблями в то время являлись крейсер и броненосец. В течение 1875–1884 гг. Цинское правительство закупило всего 2 крейсера и само построило 14 кораблей [Сия Дунюань, 1992, с. 314]. До 1888 г. был сформирован по английскому строю Бэйянский флот, в состав которого входили всего 25 кораблей, в том числе 2 броненосца, 7 крейсеров, 6 миноносцев и др.

Каузальность реформ Петра I и движения самоусиления

Рассматривая реформы Петра I и политику самоусиления, мы заметили, что особенность обеих реформ заключалась в привлечении передовых иностранных технологий, а не в идеологических преобразованиях, а также не в преобразовании государ-

ственных институтов, то есть цели обеих реформ состояли в укреплении самодержавных правительств. Целью создания Балтийского флота являлся захват выхода к Балтийскому морю, а создания Бэйянского флота – отпор экспансии иностранных держав.

Что касается результатов обеих реформ, то большинство считают реформы Петра I удачными и полезными для России, хотя и существует немало ограничений. «Исключительно велики были внешнеполитические результаты – победа в Северной войне, завоевание выхода к Балтийскому морю, усиление влияния России в Европе» [Никифоров, 1973, с. 5]. А движение самоусиления Цинского правительства закончилось неудачей в войне с Японией 1895 г.

Причины разных результатов заключаются в следующем. Во-первых, Петровское и Цинское правительства действовали в разных международных ситуациях. В начале XVIII в. сельскохозяйственная экономика занимала первостепенное место в большинстве стран, пока не произошла первая промышленная революция, и поэтому относительно западных стран, особенно Швеции, Россия в то время ни имела непреодолимой разницы в сфере экономики. А во второй половине XIX в. с завершением второй промышленной революции западных странах, Китай периода Цинской династии, с экономикой, основанной на мелком крестьянском хозяйстве и при наличии самодержавия, становился агнцем для грабежа капиталистическими странами. Итак, это была не столько неудача реформы, сколько отсталость политического института и экономической системы Цинского правительства.

Во-вторых, что касается инициаторов реформ, то Петр I представлял собой сильного реформатора, обладавшего абсолютной властью, а в Китае в эпоху позднего Цинского правительства высшая власть находилась в руках вдовствующей императрицы Цыси, относившейся даже к противникам движения самоусиления. Итак, члены движения самоусиления имели относительно мало власти для проведения политики реформ. «Иными словами, успех реформы зависит от того, смогут ли реформа-

торы удержаться у власти. Это очень важно» [Тау Хуйфэнь, 1996, с. 212].

В целом, как в реформах Петра I, так и в движении самоусиления обращалось внимание на развитие промышленности, образования, армии и военно-морского флота. Удача реформ Петра I связана не только с абсолютной властью в руках реформатора, но и с возможностью использования благоприятной международной ситуации. В руках сановников Цинского правительства, возглавивших движение самоусиления, не было полной решающей власти, и ухудшалась в то время для Китая международная обстановка.

С помощью привлечения передовых иностранных технологий обе страны выходили из состояния изоляции от других стран и укрепляли связь с миром. Эти первые попытки обоих правительств вдохнули новую энергию в общество и имели важное значение не независимо от результатов.

Следует отметить, что реформы были ориентированы только на технологии и не касались государственных институтов и политических идеологий. Суть данных реформ – восточное учение – основное; западное учение – прикладное. «Конечно, инновации во имя самосовершенствования и стремления к богатству и силе пересилили конфуцианскую традицию нравственного правления, а новые знания, идеи и технологии в какой-то степени помогли вдохнуть жизнь в угрюмое общество, но, очевидно, еще не привели к институциональным изменениям» [Фэй Чжэнцин, 1983, с. 531].

Библиографический список

1. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. Москва : Воениздат, 1958. 661 с.
2. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Москва : Ладомир, 1994. 570 с.
3. Красильников Р. В. Флот и кораблестроение петровской эпохи // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2022. № 26(2). С. 36–46.
4. Меликсетов А. В. История Китая. Москва : изд-во МГУ, 2002. 736 с.

5. Павленко Н. И. Россия в период Петра I. Москва : Наука, 1973. 385 с.

6. Сия Д. История движения самоусиления. Шанхай : Изд-во Педагогического университета Восточного Китая, 1992. 507 с. (夏东元著, 《洋务运动史》, 上海: 华东师范大学出版社, 1992年, 共507页)

7. Тау Х. Реформы Петра Великого по европеизации. Гуанси : изд-во Гуансийского педагогического университета, 1996. 223 с. (陶惠芬俄国彼得大帝的欧化改革, 广西: 广西师范大学出版社, 1996, 共223页)

8. Фэй Ч. Кембриджская история Китая эпохи поздней Цин 1800–1911 гг. Т. 1. Пекин : Изд-во общественных наук Китая, 1983. 757 с. (费正清编, 《剑桥中国晚清史1800-1911年》, 上卷, 北京: 中国社会科学出版社, 1983, 共757页)

УДК 93/94+82-6

Т. А. Грушина

*Черты политической культуры эпохи Просвещения
в переписке Фридриха II и Екатерины II*

Основной темой переписки Фридриха II и Екатерины II, продолжавшейся в 1762–1781 гг., выступала политика власти в духе Просвещения. В исследовании рассматриваются представления в письмах двух монархов о политической культуре, ее формах и особенностях в XVIII в. Корпус писем позволяет проследить трансформацию взглядов правителей двух стран на реалии внутренней политики и международных отношений.

Ключевые слова: эпоха Просвещения; XVIII век; политическая культура; Екатерина II; Фридрих II

T. A. Grushina

*Features of the political culture of Enlightenment
in correspondence of Frederick II and Catherine II*

The Enlightenment power politics was the central theme of Frederick II's and Catherine the Great's correspondence between 1762 and 1781. The study examines the two monarchs' views of political culture, its forms and features in the 18th century. The corpus of letters makes it possible to trace the transformation of the two rulers' views of the realities of domestic politics and international relations.

Key words: Enlightenment; XVIII century; political culture; Catherine II; Frederick II.

Многолетняя переписка Екатерины II и Фридриха II, наполненная реалиями международной политики, стала особым философско-публицистическим явлением Просвещения. Несмотря на почтение и сдержанность, приличествующие общению монархов, Екатерина и Фридрих были весьма искренни в своих письмах, что определило политическую содержательность их корреспонденции.

Актуальным является изучение переписки в контексте исследования общественного сознания и индивидуальных представлений. Р. Козеллек в «Словаре основных исторических понятий» отмечает, что в европейской истории в период с 1750 по 1850 г. сформировались социально-политические термины, обладающие специфическими характеристиками данного периода [Козеллек, 2014, с. 27]. Именно в это время под влиянием идей Просвещения начинают происходить ускоренные изменения в значениях этих понятий.

Письма Екатерины II и Фридриха II как одна из форм коммуникации правителей позволяют определить, что подразумевали монархи, когда использовали такие понятия как «закон», «государство», «союз» и т. п. Анализ трактовок и взаимосвязей понятий в текстах писем позволит выявить смысловые акценты, которые возникали в процессе коммуникации. Какие политические вопросы обсуждались между монархами, какие противоречия и разногласия можно найти в письмах, как правители позициони-

ровали себя по отношению друг к другу, и как это повлияло на политику Екатерины II и Фридриха II? Ответы на эти вопросы помогут определить место переписки в политическом дискурсе XVIII столетия.

На основе теорий XVII в. возникли новые идеи о роли и положении правителя в государстве. Согласно мыслителям раннего Просвещения, власть монарха была результатом общественного договора и носила земной характер; монарх имел права и обязанности перед своими подданными; его власть должна была служить общему благу. Постепенно такие взгляды начинали оформляться в концепцию, получившую в историографии название «просвещенный абсолютизм» [Лавринович; Мёллер, 2018, с. 199]. Идея просвещенного абсолютизма в произведениях мыслителей была многозначной. Реформы были направлены на создание более упорядоченного общества при сохранении абсолютистской формы правления.

Концепция просвещенного абсолютизма разрабатывалась немецким юристом С. Пуфендорфом в конце XVII в. в работе «О должности человека и гражданина по закону естественному» (1673). Власть государя, согласно Пуфендорфу, должна использоваться на благо народа, при этом государственные органы, как и все члены общества, должны соблюдать законы [Пуфендорф, 1726, с. 72]. Государь становился примером живой добродетели для всех подданных [Пуфендорф, 1726, с. 149]. В первой половине XVIII в. идеи С. Пуфендорфа заложили в общественном сознании ожидаемую модель поведения монарха, оказывая значительное влияние на представления мыслителей о просвещенном монархе. Позднее эти идеи нашли отражение в трудах французских просветителей.

Идеалом мыслителей стало представление о «законной монархии», созданное Ш. Монтескье [Монтескье, 1955, с. 157]. В трактате «О духе законов» философ проводил мысль о том, что законодательство и государственное устройство каждой страны должны приспособляться к её климатическим и почвенным условиям, а также к религии, характеру и степени развития её народа [Монтескье, 1955, с. 168].

Формирование взглядов на сущность государства и его природу ускорило развитие концепции государственных интересов и укрепления системных начал в международных отношениях. В начале XVIII столетия такие идеи вырабатываются в трудах английского государственного деятеля лорда Болингброка (1678–1751). Опубликованное в 1752 г. сочинение «Письма об изучении и пользе истории» состоит из восьми текстов, в которых содержится подробное обоснование идеи «европейского равновесия». В последних трех письмах Болингброк оценивает политику европейских стран с точки зрения их вклада в сохранение равновесия в Европе [Болингброк, 1978, с. 82; 96]. Вывод, к которому пришел философ, состоял в том, что необходимо «действовать энергично, но связывать себя обещаниями, с осторожностью и всегда соизмерять нашу помощь с нашими возможностями и с реальными потребностями наших союзников» [Болингброк, 1978, с. 112].

Монархи стремились использовать концепции просветителей, опираясь на их авторитет при обосновании собственных реформ. Устанавливая контакты с «философами на троне», сами просветители вырабатывали язык политической культуры XVIII столетия. Впервые обозначенное немецким философом И. Г. Гердером понятие «политическая культура» [Гердер, 1977, с. 333], встречается при рассмотрении философом жизни древних греков и евреев, как один из механизмов приспособления и взаимодействия к внешней среде.

Первые публикации отдельных писем Фридриха II к Екатерине осуществлены в 1840-х гг., без каких-либо исторических оценок и комментариев. Внимательнее осмыслил переписку императрицы и прусского короля французский историк А. Рамбо в контексте отношений Екатерины II с просветителями, отмечая постепенное политическое стремление заменить в культурных ценностях германский ориентир французским [Рамбо, 1877, с. 271–272].

Переписка между двумя монархами состоит из 141 письма (65 Екатерины II и 76 Фридриха II), датированных 1762–1781 гг. Весь корпус писем был представлен Русским историческим обществом в 1877 г. с переводом на русский язык. Примечательно,

что они написаны на французском языке, хотя оба автора могли использовать немецкий.

Клаус Шарф, считает, что прусский правитель «более других отвечал требованиям, предъявлявшийся просвещенными писателями к *roi-philosophe*» [Шарф, 2015, с. 219]. Именно это способствовало интересу Екатерины к такой крупной политической фигуре. Ориентируясь на представления философов о просвещенном правителе и сопоставив это с проводимой Фридрихом политикой, императрица посчитала, что может чему-то научиться у него и даже превзойти [Шарф, 2015].

Официальным началом является письмо Екатерины II в начале марта 1762 г. Императрица благодарила короля Пруссии за оказанное внимание, надеясь на долгую дружбу и уважение.

Первый период охватывает письма с июля 1762 по ноябрь 1766 г., в которых только устанавливаются взаимоотношения: Фридрих II осторожно поднимал вопрос о заключении мира с Россией после окончания Семилетней войны [РИО, 1877, с. 156]. Екатерина заверяла Фридриха в своем желании мира между народами, который может случиться благодаря союзу двух дворов [РИО, 1877, с. 171]. Вместе с проектом союзного договора, Екатерина присылает Фридриху астраханские арбузы и виноград [РИО, 1877, с. 189]. Государь, в качестве соблюдения церемониала, посылает императрице саксонский фарфор, подчеркивая важность общей деятельности в заключение союза.

Второй период (январь 1767 – март 1773) включает обсуждение политики проводимой в отношении Польши, деятельности венских и французских дипломатов, а так же законодательных проектов Екатерины II. Письма полны любезности и лести, но в постскриптумах можно обнаружить политические угрозы и недовольство. В территориальных и торговых вопросах Екатерина действовала в собственных интересах, вопреки советам прусского короля. Русско-турецкая война (1768–1774) была еще одной значимой областью корреспонденции, но Фридрих скептически относился к ожиданиям императрицы [РИО, 1877, с. 250].

Третий период, представленный с июня 1773 по апрель 1781 г., отражает собой более личные контакты между монарха-

ми. Среди тем – проект брака прусской принцессы и сына Екатерины Великой, прививание Екатерины от оспы и приезд племянника Фридриха II в Россию. К концу 1770-х гг. переписка просвещенных монархов сходит на нет. По мнению К. Шарфа одна из причин охлаждения отношений с прусским монархом были его многократные отказы посетить Россию [Шарф, 2015]. Последние письма Фридриха II оставались без ответа и наполнены рассуждениями о вечности, меланхолией и мечтами.

На протяжении всей переписки присутствует тема справедливого мира, который достигается соблюдением союзных обязательств между странами, на основе взаимных интересов [РИО, 1877, с. 178]. В то же время война и ее понимание различаются. Для Фридриха война несет в себе смуту и если ее можно избежать путем заключения союзов, то это нужно делать для «упрочнения» государства [РИО, 1877, с. 183]. Война в восприятии Екатерины «есть одно из зол», но она необходима, для защиты интересов империи [РИО, 1877, с. 243].

С конца 1770-х гг. споры о соблюдении требований в отношении Порты и союзного договора стали более острыми. Не раз король писал о невозможности помочь России в ходе турецкой войны или действий в Польше, апеллируя ограниченностью влияния прусского двора [РИО, 1877, с. 232]. Фридрих выступал против войны и пытался убедить императрицу проводить осторожную политику, чтобы сохранить баланс между европейскими дворами [РИО, 1877, с. 288–290].

Екатерина не прислушалась к советам Фридриха II, напоминая прусскому королю о взаимных обязательствах и помощи в войне [РИО, 1877, с. 301–304]. Постепенно отношения между двумя сторонами стали охлаждаться, и Екатерина начала подозревать, что Фридрих II тайно вступил в союз с Францией и турецким султаном против России. В письме графу Панину от 1771 г., она указывала «во всех этих бумагах [письмах Фридриха – Т. Г.] видно большое неудовольствие, мелкая зависть и угрозы» [Екатерина, 1863, с. 122]. Не заявляя об этом прямо, императрица задерживала ответы и время от времени прерывала диалог.

Важную часть корреспонденции занимали размышления о законах и их роли в государстве. Само государство не было тождественно ни подданным, ни личности монарха. Правитель служит для «счастья подданных» и на благо государства, путем поддержания мира и введения справедливых законов [РИО, 1877, с. 235]. Так писала Екатерина в мае 1767 г., и именно в это время начала работать Уложенная комиссия, созванная императрицей для кодификации правовых норм, то есть для создания нового свода законов, который впоследствии получил название «Наказ». При этом в письме она указывала, что при разработке проекта «большая часть извлечена из Духа законов президента Монтескье» [РИО, 1877, с. 236].

Оба монарха были убеждены, что изменение законов огромной страны в соответствии с требованиями нового века, хотя и возможно в принципе, займет много времени. По мнению Фридриха II, справедливые законы должны были не только быть грамотно составлены, но и исполняться «законоведами», которые служили интересам государства. В то же время источник этих законов по-прежнему должен был исходить от монарха [РИО, 1877, с. 239–240]. Правители, даже самые «просвещенные», признавались движущей силой государства и имели право изменять законы в интересах нации.

Переписка между Екатериной II и Фридрихом II начиналась как переписка между «философом на троне» и «послушной кузиной» и постепенно переросла в серьезную политическую дискуссию между двумя равными монархами. Екатерина, которая вначале была готова следовать советам прусского короля, постепенно изменила свою позицию, объяснив, что это отвечает ее собственным интересам в политике. Примечательно, что по факту Екатерина в письмах Потемкину характеризовала взаимоотношения с Фридрихом как «пруссский гнет», который она испытывала на протяжении многих лет [Екатерина, 1977, с. 378].

Таким образом, в переписке между Фридрихом II и Екатериной II обсуждались в основном практические вопросы, которые были частью «просвещенной» политики. В то же время политические дискуссии происходили с целью скрыть истинные намерения правителей. Корреспонденция велась в тоне официальной

вежливости, и воображение, непринужденность, в них отсутствуют. В результате переписка представляла собой не только ситуативный обмен новостями, но и интеллектуальный разговор, затрагивающий проблемы реальной политики, проводимой монархами внутри и за пределами государства.

Библиографический список

1. Болингброк Г. С. Дж. Письма об изучении и пользе истории. Москва : Наука, 1978. 362 с.
2. Гердер Г. И. Идеи к философии истории человечества. Москва : Наука, 1977. 230 с.
3. Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка 1769–1791. Москва : Наука, 1997. 989 с.
4. Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т.: Пер. с немецкого К. Левинсон. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. С. 23–45.
5. Лавринович М. Б., Мёллер Х. Просвещение и абсолютизм // Россия-Германия: Вехи совместной истории в коллективной памяти: Т. 1. XVIII в., 2018. С. 197–206.
6. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. Москва : Госполитиздат, 1955. 800 с.
7. Переписка императрицы Екатерины II с королем Фридрихом II / Сборник Императорского Русского исторического общества. С-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, Т. 20, 1877. С. 149–394.
8. Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. Москва : Унив. тип., 1863. 160 с.
9. Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская тип., 1726. 332 с.
10. Рамбо А. Императрица Екатерина Вторая в переписке с иностранцами. Санкт-Петербург : Русский архив, 1877. С. 269–293.
11. Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 535 с.

Д. А. Новичкова

***Мемуары П. С. Пущина как исторический источник
о событиях Отечественной войны 1812 г.***

Дневник П. С. Пущина – один из наиболее известных исторических источников личного происхождения о войне 1812 г. В статье проанализированы основные аспекты «Дневника» П. С. Пущина как исторического источника о событиях Отечественной войны 1812 г. Рассматриваются такие вопросы как роль крестьянства в войне, быт и повседневность русской армии, отношение автора к сражениям войны, роль религии, конфликты в армии.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; мемуары; быт; армия; повседневность.

D. A. Novichkova

***P. S. Pushchin 's memoirs as a historical source about the events
of the Patriotic War of 1812***

The diary of P. S. Pushchin is one of the most famous historical sources of personal origin about the War of 1812. The article analyzes the main aspects of the «Diary» of P. S. Pushchin as a historical source about the events of the Patriotic War of 1812. Such issues as the role of the peasantry in the war, the life and daily life of the Russian army, the author's attitude to the battles of the war, the role of religion, conflicts in the army are considered.

Key words: Patriotic War of 1812; memoirs; everyday life; army.

Отечественная война 1812 г. изменила ход российской истории. Война оказала влияние на политику, экономику, культуру России, но самое главное – она оказала влияние на общество в целом, на умы населения. Когда война закончилась, а заветная мечта о победе сбылась, произошло полноценное осознание всей

масштабности случившегося. Конечно, спустя некоторое время, последовала волна воспоминаний свидетелей и участников. Мемуары были написаны людьми разного положения и происхождения. Однако это дает нам возможность составить полноценную картину, взглянуть на события от первого лица. Впрочем, у воспоминаний есть проблема – это то, что запомнилось автору, и было написано им спустя какое-то время. Какие-то мемуары можно было увидеть сразу после событий: например, воспоминание И. И. Гангарта о смерти Багратиона было напечатано 13 марта 1813 г. в газете «Сын Отечества» [Сын отечества, 1813, с. 221–228]. Подавляющее большинство воспоминаний было написано гораздо позже. Совершенно иную роль играют дневники, которые пишутся практически непрерывно на протяжении определенного времени и «фиксирует» события сразу, без многолетнего осмысления и рефлексии.

На данный момент известно более пятисот мемуаров участников войны, среди которых лишь три дневника [Тартаковский 1980, с. 8]. Одним из них является дневник Павла Сергеевича Пуцина. Пуцин – участник Отечественной войны 1812 года, командовал 9-й ротой 3-го батальона лейб-гвардии Семеновского полка; впоследствии – участник Союза благоденствия.

Особенностью дневника Павла Пуцина является тот факт, что он пишет о событиях сразу, в тот же день, когда они происходят, хотя заметна незначительная, более поздняя их переработка, сделанная самим автором. Оригинальная рукопись не сохранилась, однако дневник Павла Пуцина печатала одесская газета «За царя и Родину» в период с 2 марта по 11 июня 1908 года, по разрешению его внука (П. С. Аркудинского) [Тартаковский 1980, с. 10–11].

В дневнике Пуцин очень подробно документирует путь лейб-гвардии Семеновского полка с самого первого дня – 9 марта 1812 г., когда полк выступил из Петербурга. В данной статье будет рассматриваться период Отечественной войны 1812 г., хотя автор дневника в последствии принимал также активное участие в Заграничных походах.

У Павла Пуцина есть запись практически каждого дня. Это могут быть небольшие заметки в несколько слов, как например

запись от 21 августа [Пуцин, 2012, с. 51]. Так и достаточно большие записи, как например рассказ о конфликте офицеров с командиром Криднером, в который пришлось вмешаться великому князю Константину Павловичу [Пуцин, 2012, с. 38–40]

В каждой записи, так или иначе, упомянуто местоположение автора, о котором он всегда справлялся по прибытии. Путь от Петербурга до Вильно, затем до Витебска и Смоленска описаны очень подробно. Тем не менее стоит заметить, что Павел Пуцин не просто отмечает свое местонахождение, но и обстановку вокруг, быт и настроения людей, офицеров и командиров; неоднократно говорит о готовности отдать жизнь, как например в этом отрывке: «<...> Вид нашей первопрестольной столицы произвел на нас такое впечатление, что каждый из нас желал победить или умереть у ее стен...» [Пуцин, 2012, с. 54]

В то же время, в дневнике практически нет анализа происходящего, некоего психологизма или рефлексии. Автор достаточно скуп на описание своих ощущений и чувств, он просто констатирует факты. Например, когда их полк входит в Москву, проходит через нее до Владимирской заставы, автор не дает никаких оценок. Он лишь как сторонний наблюдатель отмечает: «<...> Население бежало за нами, упрекая, что мы покидаем столицу без боя. Многие присоединялись к нашим колоннам, чтобы уйти до вступления неприятеля...» [Пуцин, 2012, с. 55]. Для сравнения, в сохранившейся части дневника сослуживца Пуцина – А. В. Чичерина все как раз наоборот, очень много эмоций и чувств.

В дневнике отражено не только о передвижение Семеновского полка, но и есть описания битв, в которых полк принимал участие. Бородинское сражение упоминается, но не представлено подробно. Здесь, как и во всем дневнике, влияет фактор субъективности данного вида исторического источника. Сражение описано только с точки зрения Семеновского полка, который, по словам автора, несмотря ни на батарейный огонь, ни на пули, остался на своих местах до ночи. Сражение при Малоярославце. Сам 5-й корпус, в составе которого был Пуцин, непосредственного участия в сражении не принимал, но он кратко описывает сражение, указывая, что оно продолжалось весь день, город по-

лыхал, а батареи не прекращали стрельбу всю ночь [Пуцин, 2012, с. 63]. Здесь стоит отметить, что чем труднее становится обстановка вокруг автора, тем реже он запечатлевает что-то кроме сражений. После Тарутино очень редко встречаются записи бытового или эмоционального характера, каждый день автор описывает передвижения своего корпуса, соседних частей русской армии и французов. Впрочем позже, после выхода к Смоленской дороге записи бытового характера возвращаются.

Помимо вышеперечисленного упоминаются также Смоленское сражение, Березина и сражение под Красным. Пуцин не принимал участие во всех без исключения сражениях Отечественной войны 1812 г., большую часть времени его полк был под ружьем, но в резерве.

Как уже говорилось ранее, в дневнике Пуцины запечатлены сведения не только о сражениях, но и о бытовой части жизни русского офицерства. По словам мемуариста, их полку очень не повезло с командиром – полковником Карлом Криднером. Поначалу в дневнике есть краткие упоминания о нём. В начале июля 1812 г. обстановка на фронте была напряженной: 1-я и 2-я армии были разделены и стремились соединиться. На этом фоне после очередных необоснованных нападков Криднера на офицера Храповицкого на его защиту встали все офицеры батальона [Пуцин, 2012, с. 44–45]. Попытки решить ситуацию мирно не увенчались успехом. Затребовав подключить великого князя Константина Павловича, офицеры настояли на своем требовании. На следующий день прибыл великий князь, явно недовольный. Он призвал офицеров в такое трудное время отказаться от вопросов личного честолюбия. Еще великий князь произнес следующую фразу: «надо подчиняться камню, если его ставят вам в начальство» [Пуцин, 2012, с. 38–40]. Это характеризует для нас личность самого Константина Павловича, он настаивает на подчинении Криднеру и не важно, что за человек этот командир.

В дневнике есть упоминания о религиозных традициях, существовавших в русской армии. Есть краткий рассказ об общих молебнах [Пуцин, 2012, с. 52; Пуцин, 2012, с. 71]. Службы и молебны регулярно проводились полковыми священниками. В условиях войны церковные службы способствовали укреплению

морального духа солдат и офицеров. 21 ноября 1812 г. отмечался полковой праздник Семеновского полка, к этому времени подразделение было уже за пределами России, поэтому поблизости не было православной церкви и молебны отслужили в костеле [Пушин, 2012, с. 73].

Наибольшую часть дневника Пушкина составляет описание быта, в частности, офицерского. Неоднократно упоминается о самостоятельной выпечке хлеба: еще до начала войны это делали отдельно взятые назначенцы [Пушин, 2012, с. 11], потом с этой целью командировали по несколько человек от роты. Дается много описаний погоды, коротких и невыносимо длинных переходов с места на место. Описывается условия жилья, а именно ночевки в барских домах, на квартирах, в шалашах и палатках. Очень подробно представлена жизнь в Тарутинском лагере. Практически все свидетели, находившиеся в нем, говорят, что это было самое сытное, самое спокойное и веселое время на всю военную кампанию [Пушин, 2012, с. 61–62].

В конце октября 1812 г., впервые за 4 месяца походов получено разрешение на ночёвки в квартирах [Пушин, 2012, с. 67]. В декабре часть полков была расквартирована. Пушкин также засвидетельствовал этот момент в своем дневнике. Он написал, что в комнате не было почти ничего кроме чистой постели и это было для него тогда самым большим счастьем [Пушин, 2012, с. 76–77]. В бытовой жизни русского офицерства явно было много контрастов. Так, автор в ноябре–декабре упоминает, как он веселился на пиру, а спустя несколько дней он уже спит на биваках на снегу [Пушин, 2012, с. 68–69].

Потери русской армии не были в разы меньше, чем у французов. От холода умирали очень многие русские солдаты. Пушкин писал, что в их полку большие потери в людях от постоянных переходов, во всем подразделении ни в одной роте нет под ружьем более 50 человек [Пушин, 2012, с. 72–73]. Он также писал, что в полку много отставших и его численность убывает все больше с каждым днем.

Ничто не проиллюстрирует ужас Отечественной войны 1812 г. так, как запись Пушкина в дневнике от 3–4 декабря 1812 г. В ней автор пишет, что поля в предместьях Вильно усеяны тру-

пами, по его оценке, их не менее двадцати на квадратный аршин, а живых людей в деревнях и местечках нет совсем [Пушин, 2012, с. 76].

В записи от 5 декабря 1812 г. Пушин констатирует победу над Наполеоном и спасение России [Пушин, 2012, с. 76–77]. В тот же день был проведен марш перед фельдмаршалом Кутузовым, которого приветствовали криками «ура!» и солдаты, и простые жители Вильно. Спустя несколько дней в город пребывает и сам император Александр I, а 12 декабря устраивается большой праздник с иллюминацией и украшениями. Автор здесь подмечает интересный момент: на этом празднике использовали те же украшения, которые использовались для Наполеона, только букву «Н» заменили на «А», а одноглавых орлов заменили на двуглавых [Пушин, 2012, с. 78].

О личностных характеристиках автора можно судить и по его отношению к пленным французам и о том, как к ним относились его сослуживцы. Присутствуют упоминания о жестокости казаков, которая, по словам автора, «не знала мер» [Пушин, 2012, с. 67]. После сражения у Малоярославца пленных становится все больше. Пушин пишет, что они не могли их прокормить, ведь они сами были лишены даже хлеба. В основном пленные умирали от холода и морозов. Солдаты относились к пленным с состраданием, сам Пушин несколько раз видел, как солдаты из их роты покидали строй для того, чтобы поделиться сухарем с умирающим на обочине дороги французом.

Отечественная война 1812 г. была народной войной, в которой активное участие принимали крестьяне западных губерний. Павел Пушин в своем дневнике запечатлевает один интересный эпизод, когда его полк уже стоял лагерем неподалеку от Бородино. Он повествует, что крестьяне прятались в лесу от французов, но на них напал отряд численностью в 200 человек. Крестьяне в свою очередь отбили атаку, ранили 45 человек и взяли 50 в плен. Даже женщины-крестьянки сражались, в этой стычке погибла молодая девушка, которая вонзила нож в выстрелившего в нее француза, после чего сама умерла [Пушин, 2012, с. 66].

В заключении следует сказать, что Павел Пушин не рассчитывал на то, что когда-нибудь дневник будет напечатан и открыт

для всеобщего обозрения, скорее наоборот – он стремился сохранить память о событиях для себя и своих потомков. Когда ему было всего 20 лет, он воевал в битве под Аустерлицем. К моменту начала Отечественной войны ему 27 лет, он уже давно участвовал в боевых действиях. Вероятно, автор понимал огромную роль тех событий, в которых принимал непосредственное участие. Дневник Павла Пущина, безусловно, субъективен и неотделим от его личности и восприятия. Подобная субъективность крайне важна для понимания той идейной и психологической среды, когда были сделаны эти записи, но они позволяют нам познакомиться с военным бытом, трудностями походов и сражений, мужеством и верностью долгу. Как трудности пережитого сблизили очень многих, как и готовность умереть за свою страну и свой родной дом.

Библиографический список

1. Корень Е. В. Методологический аспект исследования менталитета интеллигенции как культурноисторического феномена // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 4 (109). С. 168–174.

2. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Часть четвертая. Санкт-Петербург : б.и., 1839. 397 с.

3. Приймак Н. И. Мемуары, дневники, письма как исторический источник : учебное пособие / Н. И. Приймак, К. О. Валегина. Санкт-Петербург : Издательство «ЛЕМА», 2018. 72 с.

4. Пущин П. С. Дневник 1812–1814 годов; Чичерин А. В. Дневник 1812–1813 годов / пер. с фр. М. И. Перпер; примеч. С. В. Львова. Москва : Кучково поле; Беркут, 2012. 528 с.

5. Соловьева С. В. Источниковедение истории России : учебно-методическое пособие. Волгоград : Волгоградский государственный социально-педагогический университет, «Перемена», 2019. 97 с.

6. Сын Отечества, 1813, 13 марта.

7. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. Москва : Наука, 1980. 312 с.

8. Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник: учебное пособие по источниковедению СССР. Москва : Моск. гос. историко-архивный институт, 1959. 80 с.

УДК 94(47).05

Е. Л. Сараева

Идеи П. Я. Чаадаева о политике европеизации России

В статье анализируются идеи П. Я. Чаадаева об истории России в Новое время, изучении обществом культуры Европы, обращении Петра Великого к опыту Запада, мысли философа о характере власти в России, отношении общества к политике государства. Раскрываются представления Чаадаева о целях европеизации, необходимости развития национального сознания, нравственного воспитания, содержании процесса цивилизации России.

Ключевые слова: П. Я. Чаадаев; Петр Великий; русское общество; Россия в Новое время; культура Европы; цивилизация общества.

E. L. Saraeva

P. Ya. Chaadaev's ideas on the policy of europeanization of Russia

The article analyzes the ideas of P. Ya. Chaadaev about the history of Russia in Modern times, the study of European culture by the society, Peter the Great's appeal to the experience of the West, the philosopher's thoughts about the nature of power in Russia, the attitude of society to state policy. Chaadaev's ideas about the goals of Europeanization, the need for the development of national consciousness, moral education, and the content of the process of Russian civilization are revealed.

Key words: P. Ya. Chaadaev; Peter the Great; russian society; Russia in Modern times; culture of Europe; civilization of society.

Идеи П. Я. Чаадаева об историческом пути России, взаимодействии с Западом остаются актуальными для современного общества, осмысляющего ценностные ориентиры своего развития. Интерес исследователей к его философско-религиозной концепции, раскрывающей факторы социального и нравственного прогресса, остается высоким [Бурьков, 1997; Гончаров, 2021; Ивонина, 2019; Ивонина, Ивонин, 2019; Маевская, Родионова, 2020; Новикова, 2020; Рудницкая, 1999; Солодовникова, Плеханова, 2020; Тарасов; Щербакова, 2021].

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) – представитель поколения русских интеллектуалов, имевших смелость дать свои оценки российского исторического процесса, расхоронившиеся с официальной риторикой. Его мировоззрение формировалось в первой четверти XIX в., когда относительно свободно юноши познакомились с художественной, исторической, философской, политической литературой, преимущественно европейской, усваивая понятия «государство», «закон», «гражданин», «гражданские права», «конституция», «собственность», «свобода» и «рабство», были концепты «просвещение» и «революция» [Тимофеев, 2011, с. 39]. Война с Наполеоном формировала патриотическое сознание молодых офицеров, задумавшихся о судьбе России. Участие Чаадаева в дискуссиях членов тайного общества «Союз благоденствия» актуализировало в его сознании российскую проблематику: неограниченная законами власть, рабство народа; просвещение меньшинства, невежество масс. Неудача заговорщиков 14 декабря 1825 г. и последующая расправа над ними стали причинами мрачной общественной атмосферы в стране, страха общества перед властью; в последекабристский период растаяли надежды на преобразования. Многолетнее изучение философской и религиозной литературы способствовало формированию интеллектуальных интересов Чаадаева, его убеждения в необходимости представить образованным людям свои суждения об обществе, содействовать развитию русской мысли. Как и его высокообразованные друзья, он ощущал свою ответственность за судьбу отечества. Полагаем, что совокупность этих обстоятельств определила убеждение Чаадаева в необходимости высказать читающей пуб-

лике свои суждения о смысле жизни и пути достижения идеала общественного развития.

Чаадаев не создал свою концепцию исторического развития России, но высказал отдельные идеи о его этапах и содержании. Он выделял два периода в прошлом России, применяя такие критерии, как развитие, взаимодействие народов. В допетровской России он находил «грубое невежество», «свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого унаследовала наша национальная власть» [Чаадаев, 1987а, с. 37]. Эта оценка русской власти в средневековый период – единственная в текстах мыслителя. По политическим соображениям он не мог развивать эту тему. Полагаем, что мысль Чаадаева о том, что российское государство унаследовало «дух чужеземного владычества», позволяет утверждать, что он характеризовал политику власти в отношении подданных как «свирепую», унижающую их человеческое достоинство. Свободолюбивый мыслитель обвинял власть в подчинении ею личности, установлении «жестокое рабства» [Чаадаев, 1987а, с. 43]. Эту эпоху он назвал временем «тупой неподвижности», «тусклым и мрачным существованием», в котором он находил только «злодеяния» власти и «рабство» подданных [Чаадаев, 1987а, с. 37]. Его прежде всего интересовала проблема взаимоотношений государства и личности. Он выделял несколько причин мертвого застоя. Главная из них – Провидение не было озабочено судьбой России, что, с точки зрения мыслителя, не позволяло русским людям понять свое предназначение. Другие причины он видел в невежестве народа, отсутствии идейной жизни и своих мыслителей. Кроме того, Россия была оторвана от «общей семьи», она была обособлена от «всемирного движения» и не воспользовалась «идеями человеческого рода». Чаадаев не находил истоков свободного развития личности и общества в средневековой России.

Новый период в истории отечества, с точки зрения Чаадаева, начался с Петра I. В Первом философическом письме (1829) мыслитель назвал этого государя «великим человеком». Он дал оценку его политики в контексте восприятия процесса европеизации России, проводимой императором. «Некогда великий человек захотел просветить нас, и для того, чтобы приохотить нас

к образованию, он кинул нам плащ цивилизации: мы подняли плащ, но не дотронулись до просвещения» [Чаадаев, 1987а, с. 42]. В понимании Чаадаева, инициатором расширения контактов России с Западом был государь, величие которого «басманный философ» видел в осознании необходимости вывести страну из изоляции. В политике Петра для Чаадаева было важно приобщение русского общества к европейскому образованию, он назвал этот процесс «просвещением». Чаадаев акцентировал внимание на просвещении, поскольку он считал его важнейшим фактором развития личности, идейной жизни. Образованные люди способны отыскать «всемирную идею, которая является гением-вдохновителем нового времени» [Чаадаев, 1987а, с. 42].

Философ предлагал русским людям стремиться понять смысл жизни, ценностные начала движения общества. С его точки зрения, со времени Петра I оно смогло лишь создать культуру, основанную на «заимствовании и подражании» [Чаадаев, 1987а, с. 38], мысль образованных людей не была оригинальной, она не вырабатывала убеждения, общество не приобрело нравственную силу, которая направляет движение. Оно не смогло усвоить идеи «долга, справедливости, права, порядка» [Чаадаев, 1987а, с. 39], на которых, с его точки зрения, основана цивилизация Запада. Он ценил социокультурные условия жизни личности в Европе: обеспечение «порядка» в стране на основе принципа «права», а деятельность человека определяется общепринятыми представлениями о справедливости и долге перед отечеством. Идеализация европейского общества, якобы уже решившего задачу обеспечения материального благополучия, а теперь создававшего основы духовной жизни, стала одной из причин его низкой оценки культурного потенциала русского общества. Оно, с его точки зрения, ограничилось внешними заимствованиями: «перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь» [Чаадаев, 1987а, с. 42].

По мнению Чаадаева, внешние формы культуры не раскрыли ее смыслового содержания. Он объяснял, что подражательная культура не создавала почвы для внутреннего идейно-нравственного развития. Процесс духовной работы – выработка «нравственной системы» – даже при условии заимствования ев-

ропейских идей, не может быть быстрым, утверждал Чаадаев, противоположные мнения об этом он назвал наивными [Чаадаев, 1987а, с. 43]. С его точки зрения, не одно, а несколько поколений будут решать задачу осознания предназначения России в мировой истории, а для этого необходимо развивать в стране просвещение.

Чаадаев желал, чтобы русские люди поняли христианство, которое является «вечной божественной силой, действующей универсально в духовном мире, оно позволит людям идти к «совершенному строю на земле». Он верил, что у человечества единая цель, определенная Богом, каждый народ должен понять свое место в христианском мире и определить средства, которые будут способствовать достижению цели всего человечества. Лучшие умы народа должны понять «идею, которую Бог открыл людям» [Чаадаев, 1987а, с. 44]. Поэтому надо отказаться от подражания, следует изучить мировое идейное наследие. Чаадаев доказывал необходимость развития самостоятельной мысли в России. Он был убежден, что общество идет «вперед лишь силою мысли» [Чаадаев, 1987а, с. 45], следовательно, Россия нуждается в просвещении, нужны свои мыслители. Развитие идей определяет цивилизационный процесс, содержание которого Чаадаев видел в свободе, благосостоянии, познании истины, наведении порядка, в установлении справедливости, улучшении нравов, философско-литературном, религиозном осмыслении исторического процесса [Чаадаев, 1987а, с. 45–46]. Согласно Чаадаеву, «мир идей» – великое достижение европейской цивилизации; Россия, если она хочет стать цивилизованной, должна выработать свое «национальное сознание» [Чаадаев, 1987а, с. 46–47]. Нужны образованные люди, «сознательные» «деятельные орудия» Бога, способные понять религиозную истину. Чаадаев не относил массы к сознательным субъектам исторического процесса и не ждал открытия истины бытия народом: «...массы движутся слепо, не зная сил, которые приводят их движения, и не провидя цели, к которой они влекутся, – бездушные атомы, косные громады» [Чаадаев, 1987а, с. 48].

Чаадаева удручала «жалкая действительность» в России. Он объяснял цель своей резкой критики духовной жизни в России:

христианское сознание не терпит слепоты, он считал свое воззрение правдивым.

В «Апологии сумасшедшего» (1837) Чаадаев воспроизвел свои основные идеи о процессе европеизации, но акцентировав внимание на роли Петра Великого в создании условий для развития науки и просвещения. Согласно его концепции, истину может понять образованный человек – «серьезный ум, глубоко размышлявший о своей стране»», она не рождается в людской толпе, ее нельзя выразить числом; истина обнаруживается «в одиноком уме». Мыслитель может понять роль, которую народ призван «исполнить на мировой сцене», но «до сего дня у нас почти не существовало умственной работы» [Чаадаев, 1987б, с. 135, 145, 146]. Таков итог процесса европеизации в интеллектуальной сфере, по мнению Чаадаева.

Проблему власть и народ Чаадаев в этой статье решал в контексте тех же социально-политических идей: государи своей «энергичной волей» обеспечивали могущество России, а подданные покорно следовали приказам власти. Петр обязал дворян усвоить культуру европейских народов. «...Наши государи, которые почти всегда вели нас за руку, которые почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны, сами заставили нас принять нравы, язык и одежду Запада». [Чаадаев, 1987б, с. 136]. В этой статье Чаадаев дал более хвалебную оценку политики Петра I и ее результатов. С его точки зрения, «человеческий гений» Петра проявился в реализации его «великолепной программы» общения с «цивилизованными народами» [Чаадаев, 1987б, с. 136]. Мысль Петра об изучении культуры Запада Чаадаев назвал «могучей», «глубокой». С его точки зрения, Петр воспринимал Запад как «цивилизацию» – «плод ... трудов» поколений, развивавших науку, искусство. Смысловые значения понятия «цивилизация» в текстах Чаадаева: идейная жизнь, произведения искусства, сочинения ученых, труды, совершенные «всеми народами», богатства, добытые «человеческим разумом под всеми широтами земного шара» [Чаадаев, 1987б, с. 136].

По мнению Чаадаева, Россия усвоила урок Петра, стала знакомиться с литературой, языками европейских народов. Последующее развитие страны философ оценивал как «громадное»

воплощение «великолепной программы» «великого» императора по знакомству с Западом. Чаадаев характеризовал усвоение европейского опыта как «неумелое подражание», которое смешивалось с обрывками норм «изжитого социального строя» «...мы целиком перевели западную литературу, выучили ее наизусть, нарядились в ее лоскутья и наконец стали счастливы, что походим на Запад, и гордились, когда он снисходительно соглашался причислять нас к своим» [Чаадаев, 1987б, с. 136]. Однако подражание Западу не вело к развитию национального сознания, что сдерживало процесс цивилизации России. Чаадаев думал, что этот процесс будет длительным.

Как видно, Чаадаев положительно воспринимал изучение идейного наследия Запада, оценивал его с точки зрения цели развития общества – вхождение в человечество, совместное постижение смысла жизни. Но он критиковал подражательное содержание процесса европеизации, поскольку оно не содействовало развитию оригинальной мысли о России и человечестве, не создавало нравственные основы жизни людей. Он оценивал процесс европеизации в контексте своего понимания смысла жизни христиан – единение на основе познания мысли Бога.

Библиографический список

1. Бурьков В. В. Исторические взгляды П. Я. Чаадаева // Известия ТРТУ. 1997. № 1 (4). С. 170–171.
2. Гончаров А. С. Культурные особенности российской цивилизации в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 5–5 (73). С. 131–133.
3. Ивонина О. И. Между Европой и Россией: истоки «русского европеизма» в исторической концепции П. Я. Чаадаева // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2019. № 1 (18). С. 26.
4. Ивонина О. И. Парадоксы русского европеизма в историософии П. Я. Чаадаева / О. И. Ивонина, Ю. П. Ивонин // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Материалы Всероссий-

ской научной конференции с международным участием. В 2-х частях. 2019. С. 220–223.

5. Маевская Е. Н. П. Я. Чаадаев. Идеи и критика / Е.Н. Маевская, А.С. Родионова // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 6. С. 35–39.

6. Новикова Н. Г. Философские взгляды П. Я. Чаадаева и его роль в становлении и развитии русской философской мысли XIX века // Научное образование. 2020. № 4 (9). С. 7–10.

7. Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. Москва : Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.

8. Солодовникова А. А. Философические письма П. Я. Чаадаева и их роль в развитии русской мысли / А. А. Солодовникова, А. И. Плеханова // Молодежный инновационный вестник. 2020. Т. 9. № 52. С. 359–361.

9. Тарасов Б. Н. Непрочитанный Чаадаев. Москва : Академия, 1999. 365 с.

10. Тимофеев Д. В. Понятия «просвещение» и «революция» в лексиконе российского подданного в первой четверти XIX в. // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 38–58.

11. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. Москва : Современник, 1987. С. 33–49.

12. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. Москва : Современник, 1987. С. 134–146.

13. Щербатова И. Ф. Поиск оснований русского просвещения у П.Я. Чаадаева и И.В. Киреевского: к истории «Записки» П.Я. Чаадаева А.Х. Бенкендорфу // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 5–20.

УДК 130.2

М. С. Емельянова

Забывтый мир городской усадьбы Ярославля 1860-х годов

Российская городская усадьба в XIX в. составляла особый, свойственный в больше степени провинции, мир со своей систе-

мой ценностей, укладом и традициями. Архитектурные памятники, к сожалению, утрачиваются. На основе философско-культурологического и герменевтического методов анализа памятников культуры в статье сделана попытка проанализировать культурную парадигму, послужившую созданию архитектурного облика городской усадьбы Ярославля 1860-х гг.

Ключевые слова: городская усадьба; ценности; традиции; эклектика; стиль.

M. S. Emelyanova

The forgotten world of the Yaroslavl city estate of the 1860s

The Russian urban estate in the XIX century was a special, more characteristic of the province, a world with its own system of values, way of life and traditions. Architectural monuments, unfortunately, are being lost. Based on the philosophical, cultural and hermeneutic methods of analyzing cultural monuments, the article attempts to analyze the cultural paradigm that served to create the architectural appearance of the Yaroslavl city estate in the 1860s.

Key words: urban estate; values; traditions; eclecticism; style.

Городская усадьба в XIX в. была одним из определяющих типов городской провинциальной застройки. К городским усадьбам можно отнести комплекс зданий, состоящих из главного дома и различных служебных построек. Как правило, главный дом выносился на красную линию улицы, а служебные постройки ставились в глубине двора. Большие усадьбы с несколькими флигелями, конюшнями, каменными службами и парком, беседками (например, Губернаторский дворец в Ярославле) в это время в городах уже практически не строятся. Парки становятся общественными местами отдыха горожан. Настает новое время новых людей. Меняются ценности. На смену знатности приходит предприимчивость, умение зарабатывать деньги, развивать производство и продуцировать новые идеи в целях получения с них дивидендов.

Однако старая уходящая дворянская усадьба все же оставила свой след на развитии архитектуры всего XIX в. Именно в дво-

рянской среде зародился интерес к исконно русской, восточно- и западноевропейской (прежде всего готической) архитектуре. Этот интерес воплотился в малых формах: беседках, гротах, охотничьих домиках, павильонах и т. д. Постепенно приходило понимание, что античность не является абсолютом. С отменой «образцов», по которым создана вся русская провинция начала XIX в., возникает желание архитектора и заказчика поэкспериментировать с различными декоративными и конструктивными деталями, например, Дом совета попечительства о бедных (ул. Республиканская, 49) и дом Петражицкого (ул. Ушинского, 38/2) сочетают в себе черты классицизма и псевдобарокко.

Во второй половине XIX в. меняются требования к жилищу. На смену парадности и открытости классицизма приходит комфорт и уединенность. Первоначально такому настроению способствовал пришедший на смену классицизму романтизм

Город динамично развивается, появляются промышленные зоны, рабочие поселки, меняется планировка, а застройщик оказывается замкнут небольшими размерами своего участка, так как земля стоила дорого, а места в центральных районах не хватало. Стоит также отметить, что во второй половине XIX в. меняется социальный слой заказчиков. Если в начале века ими в основном были дворяне и купцы, то теперь – это разбогатевшие крестьяне, мещане и купцы. Так называемое третье сословие и разночинцы своими предпочтениями определяют архитектурный облик городов. Происходит нивелировка архитектурных акцентов, вместо сложной иерархии соподчинения отдельных частей ансамбля появляется равномерный ритм зданий со схожими в своей пышности и безликости фасадами. Зато каждый из этих фасадов объявляет в полный голос об амбициях владельца дома. Это его визитная карточка, его чек в банке, его ложа в театре, его парадный костюм.

Проблема разве лишь в том, что фасадная репрезентация происходит на основе стандартных элементов, но она и по заданию своему имеет социально-обезличенный характер. С другой стороны, возведенное в принцип несовпадение наружного фасада и внутреннего устройства открывает возможность создания интимно-сокровенного мира партикулярной жизни. Тем самым

последовательно реализуется присущий эпохе вкус к индивидуальному своеобразию, к внутренней сложности и к потаенной жизни души, свободной от социальной униформы.

Отметим, что городская усадьба как тип зданий не обязательно означала родовое гнездо одной большой семьи. По усадебному типу могли строить административные здания, больницы, учебно-воспитательные учреждения, а также доходные дома.

Все строительные работы контролировались жесткими законодательными нормами Строительного Устава, Урочного Положения и Правилами технической отчетности, а также раскрывались в Циркулярах технически – строительного Комитета Министерства Внутренних Дел. Самовольное строительство и даже ремонт жестко карались. Все серьезные изменения внутреннего и внешнего облика здания любого назначения, вплоть до перекрытия крыши сарая необходимо было согласовывать, если речь вести о Ярославле, со Строительным отделением Ярославского губернского правления.

Типичным примером выполнения этих норм может служить рапорт городского архитектора Окерблоума о постройке купца Сумарокова: «Впоследствии предписания Губернского правления от 20 апреля сего года (1865 – М. Е.) имею честь представить рисунок, снятый мною с натуры, с показанием дома прежде принадлежавшего купцу Ерыкалову ... и лавок построенных по Высочайше утвержденному фасаду для целого ряда лавок на Воскресенской улице под литерой Б. При сем имею честь присовокупить, что исправления производимые Сумароковым следующие: поставлены новые рамы, оконные переплеты, настланы в лавках полы, положена потолочная балка ...» [ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4. Л. 9].

Такая тщательность и скрупулезность осмотра неслучайна. Согласно законодательным нормам, о которых говорилось выше, за ходом строительства обязан был наблюдать профессиональный архитектор. Первоначально такие меры были необходимы для придания городам классицизма красивого, стройного, а самое главное правильного вида, а также в целях безопасности постройки для самого населения.

Во второй половине XIX в. строгое строительное законодательство продолжало действовать. Правда, характер застройки начал меняться. На смену строгому и слишком правильному классицизму с его готовыми «образцами» проектов, все еще определявшими вид города, что видно из вышеприведенного документа, приходит относительная свобода творчества. Теперь застройщик мог заказать любой проект по своему вкусу, роду занятий и требованиям к комфорту. Относительность свободы творчества в провинциальном городе определялась небольшими доходами значительной части населения. Заказчики преследовали в большей степени не эстетическую привлекательность, а функциональность, что подтверждает немалая часть проектов зданий, представленных в документах Ярославского архива. Как правило, это небольшие один-два этажа домики, иногда увенчанные мезонином и украшенные наличниками, филенками, пилястрами и рустом. В 1860-е гг. Ярославль не нуждался в столь масштабном строительстве, как Петербург и Москва.

Так, крестьянин Ярославского уезда Тимофей Иванович Будилов около 1864 г. начал строительство дома с надворными постройками в 11 квартале на Сенной площади. Первоначально на относительно небольшом участке земли предполагалось возвести двухэтажный дом в семь окон с мезонином, а также деревянные постройки в глубине двора и брандмауэр, отделявший имение от соседей. Однако участок земли был настолько мал, что помимо главного дома и брандмауэра Строительное отделение никаких построек не разрешило. Случай с Т. И. Будиловым интересен тем, что в расчетах архитектора, планировавшего здания закралась ошибка. Дом оказался слишком велик для такого участка, что вызвало мгновенный отклик соседей. Поручица Аграфена Карабанова (?) написала докладную записку, в которой изложила, что «вновь строящийся дом как от границы моей земли, так и от земли других соседей не отступлен, а хотя на принадлежащей мне земле и возводится брандмауэр, но ... так близко, что находящиеся окна в моем доме близ одного могут давать в комнатах слишком слабый свет ...» [ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 5. Л. 13]. Такие документы встречаются довольно редко, поскольку принятию проекта здания предшествовал долгий период

рассмотрений и проверок, прежде чем выносился положительный ответ. В деле о постройках Т. И. Будилова содержится еще один проект двухэтажного дома, подписанный архитектором Савельевым, который предполагалось построить. Интересно, что к 1865 г. первый вариант дома был возведен до мезонинного этажа, второй замысел представляет собой совершенно другое по размерам, планировке и внешнему виду здание. Стоит отметить, что оба проекта, сделанные для Тимофея Будилова, выражают классическую для торговых людей схему: первый этаж служебный, использовавшийся под склады и торговые залы, а второй жилой. Кроме того, оба проекта лишены излишних декоративных деталей и близки уходящему классицизму.

Тему классицизма продолжает также проект архитектора Окерблома, сделанный для купчихи Малани Трофимовны Рунаевой в 1866 г. В мае в Ярославское губернское правление поступило прошение Маланьей Трофимовной Рунаевой «плана на постройку вновь каменного двухэтажного дома на месте существующего деревянного флигеля и деревянной во дворе постройки во второй части Ярославля на углу Дворянской и Петровской улиц» [ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 56. Л. 4].

Можно предположить, что новый двухэтажный дом мог использоваться как жилой флигель и продолжить формирование уже имеющейся усадьбы. Декоративное решение предполагавшегося здания очень просто. Нижний этаж, украшенный рустом, отделен от верхнего горизонтальным поясом. Окна в доме обрамляют рамочные наличники с замком в первом этаже и полочкой во втором. Столь лаконичное оформление можно оценить как жизнеспособность классицизма в провинциальной архитектуре.

Пожалуй, наиболее интересными являются проекты зданий, сделанные для Павла Ивановича Бычкова и купца Ивана Григорьевича Шеханова. Мещанин Павел Иванович Бычков в 1866 г. подал прошение «на постройку каменного одноэтажного дома с надворными службами на углу Варваринской и Всехсвятской улиц» [ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 61. Л. 2]. Городской архитектор Окерблом составил проект целой усадьбы. Угловому дому отводилось в композиции центральное место. Он представляет со-

бой небольшое рустованное здание, отмеченное по углам пилястрами, с огромными полукруглыми окнами, очерченными рамочными наличниками с замковыми камнями. Декор флигеля подчеркнуто прост, но выполнен в одном стиле с главным зданием. Флигель обработан рустом и украшен прямоугольными окнами с рамочными наличниками. Судя по проектам, усадьба П. И. Бычкова производила нарядное, целостное впечатление и удачно вписывалась в преобладавший тогда классицистический ландшафт.

Самой нарядной и модной из всех рассмотренных усадеб была усадьба купца Ивана Григорьевича Шеханова, располагавшаяся на Большой Угличской улице. В 1867 г. был утвержден проект на постройку одноэтажного каменного дома с деревянным мезонином, деревянным сараем и погребам [ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 40. Л.1].

Центральная ось главного дома усадьбы подчеркнута мезонином и полукруглым аттиком. Полукруглые окна украшены богатыми наличниками, под которыми располагаются филенки. Небольшие прямоугольные окна мезонина обрамляют барочные наличники с «ушами». Очеркблуж попытался в своем проекте совместить лучшие достижения барокко и классицизма.

Два последних проекта демонстрируют, что Ярославль постепенно освобождается от тесных рамок классицизма, который больше не воспринимается в качестве единственного образца. Здесь уже видно стремление архитектора и заказчика поиграть с размерами и формой оконных проемов и переплетов, придать не просто изысканный, а нарядный вид новому зданию, которое выгодно отличалось бы на фоне соседей. Кроме того, оба проекта, несмотря на один этаж, не кажутся приземистыми. Дом Бычкова благодаря огромным окнам как бы парит над землей. Он выглядит изящным и невесомым. Усадьба Шеханова вытягивается благодаря мезонину и строго выверенным пропорциям. Они задавали новый тон развивавшемуся Ярославлю.

Библиографический список

1. Борисова Е. А., Стернин Г. Ю. Русский неоклассицизм. Москва : Галарт, 2002. 287 с.

2. ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4. Дело по рапорту городского архитектора Окерблома о постройке купца Сумарокова в г. Ярославле.

3. ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 5. Дело по прошению временно-обязанного крестьянина Ярославской губернии Тимофея Ивановича Будилова о разрешении ему постройки в городе Ярославле.

4. ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 40. Дело по прошению Ярославского купца Ивана Григорьевича Шеханова о разрешении ему постройки каменной мастерской с мезонином, флигеля и погреба в г. Ярославле.

5. ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 56. Дело по прошению Маланьи Трофимовны Рунаевой о разрешении ей каменной постройки в г. Ярославле.

6. ГАЯО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 61. Дело по прошению ярославского мещанина Павла Ивановича Бычкова о разрешении ему постройки в г. Ярославле.

7. Емельянова М. С. Провинциальный модерн городов Верхневолжья как выражение синтеза искусств и философии // Философия и/или новое интегративное знание: сб. материалов VII Всероссийской конференции (с международным участием). Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 88–97.

8. Жуков П. В. Аспекты восприятия деревянной архитектуры Русского Севера / П. В. Жуков, Т. Е. Жукова, С. М. Халаби, Л. А. Беляева // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2018. No 2(43). С. 266–276. URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/2kvart18/17_zhukov_halabi_belyaeva/index.php (дата обращения: 25.02.2023).

9. Журин А. Н. Император Николай I и двойственность в русской архитектуре его времени // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2018. № 29. С. 83–87.

10. Капустин А. М. Античная традиция в теории архитектуры начала XX века // *Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ*. 2020. С. 140–143.

11. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х – 1910-х годов. Москва : Искусство, 1978. 399 с.

12. Кириченко Е. И., Нащокина М. В. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Москва : Прогресс-Традиция. 2001. 298 с.

13. Ключкина Л. А. Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) // Международный журнал исследований культуры 2014. № 1 (14). С. 62–69

14. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm> (дата обращения: 10.02.2022).

15. Лисицына А. В. Архитектура деревянных жилых домов Городца середины XIX – начала XX века // Архитектурное наследство. Вып. 66. Санкт-Петербург : Коло, 2017. С. 178–198.

16. Печёнкин И. Е. Несколько соображений о русском стиле в архитектуре XIX века // Артикульт. 2018. 29 (1). С. 50–59.

УДК 93/94

О. В. Розина

*Российская либеральная пресса 1880-х гг. об убийстве
Александра II*

В статье анализируются корреспонденции российских либеральных газет за март 1881 г, связанные с убийством императора Александра II, отмечается основное содержание публикаций и их особенности. Автор приходит к выводу, что первоначальная эмоциональная реакция общественности на случившееся постепенно сменяется попытками понять мотивацию этого преступления, осуждением односторонности суровых методов наказания и надеждами на продолжение реформ.

Ключевые слова: император Александр II; цареубийство; либеральные газеты; Великие реформы; общественное мнение.

O. V. Rozina

*The Russian liberal press of the 80s of the XIX century
about the murder of Alexander II*

The article analyzes the correspondence of Russian liberal newspapers in March 1881 related to the assassination of Emperor Alexander II, notes the main content of publications and their features. The author comes to the conclusion that the initial emotional reaction of the public to what happened is gradually replaced by attempts to understand the motivation of this crime, condemnation of the one-sidedness of harsh methods of punishment and hopes for continued reforms.

Key words: Emperor Alexander II; regicide; liberal newspapers; Great reforms; public opinion.

Период правления императора Александра II вошел в историю как эпоха Великих реформ. Коренные преобразования затронули все стороны жизни Российской империи, что вызвало неоднозначную реакцию в различных слоях общества и привело к поляризации социума. Непоследовательность верховной власти в проведении реформ приводила к консолидации как консервативных, так и радикальных общественных сил, особое место занимали представители либеральной общественности, среди которой были представители различных политических кругов. В отечественной историографии имеется значительный круг исследований о реформах Царя-освободителя и его судьбе [например: Александр II, 2010; Келтнер, 2017; Яковлев, 2021]. Часть из них посвящена анализу реакции общества на убийство императора [например: Лобачева, 2011]. Рассмотрению этой трагедии, как процесса коммуникации между властью и оппозицией, а также ее отражению в информационном пространстве посвящена работа Ю. А. Сафоновой [Сафонова, 2014].

Император Александр II вошел в историю как Великий реформатор, но на его жизнь был совершен ряд покушений, последнее из которых завершилось убийством. Террористы надеялись, что ликвидация императора вызовет революцию, которая приведет к социальным преобразованиям. В периодической пе-

чати различных политических сил России (консервативных, либеральных, революционных) после каждого покушения выходили статьи, печатались телеграммы, перепечатывались выдержки из статей других газет, связанные с этим событием. В этой связи представляет интерес анализ отношения различных слоев общества к действиям террористов, часто прикрываемых популистским лозунгом «борьбы за справедливость». В данной статье проанализированы публикации в санкт-петербургских газетах «Новое время», «Неделя», «Порядок» и московской газете «Русь» за март 1881 г.

Весть об убийстве Александра II потрясла либеральную общественность России. «Никогда еще сердце русского народа не было поражено так нагло, так глубоко и так бесчеловечно, как в сегодняшний день. Никогда и горе народное, горе всех, не было так тяжело, и не был так велик позор, которым запятнано история великого народа» – писал корреспондент газеты «Новое время» [Новое время, 1881, 2 марта]. Аналогичная реакция прослеживается и в газете «Русь»: «Царь убит! Русский царь, у себя в России, в своей столице, зверски, варварски, на глазах у всех – русскою же рукою...» [Русь, 1881, 1 марта].

При этом «Новое время» отмечало самые важные вехи царствования Александра II: «Ни один из его предшественников не совершил так много великого, так много плодотворного для сердца России, для ее народа, для этой массы, которая целые века не имела ни воли, ни суда, у которой оспаривались все человеческие права. Он дал эти права. Он заботился об этом народе, как отец, он хотел его вести и вел к благосостоянию. Он обновил всю Россию, расширил ее пределы, вдохнул новую жизнь» [Новое время, 1881, 2 марта]. Славянофилы же оценивали ситуацию не с точки зрения земных достижений, а с позиции сакрализации императорской власти: «Посягательство на царя – посягательство на сам народ, – это насилие над народной же свободой» [Русь, 1881, 1 марта].

Наиболее актуальной в первое время была информация о состоянии императора: именно ее ждали читатели. «Новое время» сообщало о том, что по приказу великого князя Михаила Николаевича раненого императора повезли в Зимний дворец, где его

приняли дежурные медики Маркус и Боткин. К тому времени Александр II уже потерял много крови и был без сознания. «Ноги Его Величества ниже колен были раздроблены. Не было ни брюк, ни сапог, ни кальсон, а виднелась окровавленная масса, состоявшая из мяса, кожи и костей. Кровь лилась страшно» [Русь, 1881, 2 марта]. Прогноз врачей был неутешительный: «Состояние Его Величества, вследствие потери крови, безнадежно» [Новое время, 1881, 2 марта].

Народ, собравшийся перед Зимним дворцом, надеялся на чудо: «Мрачно, сосредоточено и молчаливо стояли толпы. Они ждали, что пройдет мимо чаша позора, что Бог сохранит жизнь Царя, так много сделавшего для России. Вспоминалась невольно трагическая фраза нашего великого поэта, фраза, которою он живописал ужас народный – «народ безмолвствовал», ужас его в первые минуты, когда он узнал о злодеянии» [Новое время, 1881, 2 марта]. Аналогичную картину рисует «Неделя»: «Никто не хотел верить, что Государь ранен смертельно. Над дворцом все еще веял штандарт – знак, что Государь не умер. Но вот, минут за 20 до 4-х часов, штандарт тихо приспустился до половины флагштока. В то же время вышедший на крыльцо дворца князь Суворов-Рымнинский объявил всему народу о кончине Государя. Огромная толпа молчаливо сняла шапки и тихо крестилась. С дворцовой колокольни раздавался печальный звон» [Неделя, 1881, 8 марта]. В газете «Порядок» также описывается общее настроение ожидавших на площади, но отмечается, что людям следует смириться с тем, что Александра II убили и продолжать жить дальше, заботясь о будущем страны [Порядок, 1881, 3 марта].

В городе отсутствовали беспорядки. Сразу после страшного события были закрыты питейные заведения, отменены спектакли и с 16 до 17 час. остановлены железнодорожные поезда. В продолжение всего дня и ночи вокруг Аничкова и Зимнего дворцов двигались разезды и патрули [Неделя, 1881, 8 марта]. Вечером количество людей у Зимнего дворца уменьшались, но зато масса народа толпилась около Аничкова дворца и на Невском проспекте: многие на месте происшествия пытались с фонарями отыскать осколки бомб [Новое время, 1881, 2 марта]

Сразу же после кончины императора в статьях либеральных газет его смерть стала называться мученической. Об этом открыто было сказано 2 марта в проповеди священника на торжественной панихиде в Исаакиевском соборе: «Кончина Государя есть вместе кончина мученика на русской земле. Отдав все силы свои труду для отечества, Он в благодарность за это не нашел в нем даже безопасности для своей собственной жизни. Смертельные раны нанесены ему не на поле брани, а в Его собственной столице, не среди чуждых племен и народов, а среди его собственных верноподданных, и не вдруг... не нечаянно – а после многократных попыток со стороны злодеев» [Новое время, 1881, 3 марта]. В газете отмечалось, что эта проповедь произвела потрясающее действие: в церкви слышались рыдания и стоны, сам проповедник плакал.

Публиковались подробности случившегося. Как известно, от взрыва бомбы, брошенной первым «метальщиком» Николаем Рысаковым, император не пострадал, но были ранены казаки конвоя и разрушена задняя стенка кареты. Лейб-кучер Сергеев, ротмистр Кулебякин и полковник Дворжицкий убеждали императора срочно покинуть место покушения, но он, со слов П. А. Кропоткина, «чувствовал, что военное достоинство требует посмотреть на раненых черкесов и сказать им несколько слов» [Кропоткин, 1988, с. 417]. Это было роковое решение: взрыв второй бомбы, брошенной Игнатием Гриневицким прямо под ноги императора, оказался для него смертельным. Газеты отмечают, что «Русский Монарх погиб в ту минуту, когда в Его сердце говорили благороднейшие чувства сострадания и любви, лучшие помыслы христианина. Александр II погиб мученической смертью, пал жертвой благородного сердца» [Новое время, 1881, 4 марта].

Издания писали о важности поиска убийц и суда над ними. При этом в газете «Русь» часто выражалось недовольство медлительностью и неповоротливостью власти в искоренении «крамолы». В частности, долгий поиск заговорщиков, бежавших с места преступления, обнаруженный подкоп под Малой Садовой улицей и т. п. приводил к резким оценкам: «Словеса лукавства! «Этого требует наш разум!» Не разум, а лень, дряблость, пустота

умственная и душевная. Этого могут требовать только те, кто уже утратили всякую свободу духа...» [Русь, 1881, 2 марта]. Но общую мысль выразил корреспондент «Нового времени»: «Не суд только современников поразит их, их поразит суд отдаленного потомства. Как нельзя оценить огромное здание, стоя возле него, так нельзя оценить и жизнь и деяния почившего Государя, над прахом Его» [Новое время, 1881, 2 марта].

Первоначальная оценка причин цареубийства сводилась к тому, что его совершили фанатики. «Цареубийцы совершают преступление ради торжества личных надежд и своего фанатизма. Они считают, что достичь свободы можно только с помощью крови. Они врываются в учебные заведения, они ищут недоброжелателей. Уже сегодня поспешили они вывесить прокламацию в университетах; в ней возвышается с торжеством об убийстве. Они говорят о революции – самой широкой резни, сопровождаемой бесчисленными убийствами. Они хотят передела всего существующего порядка. Это не просто какая-то фанатичная и безумная идея, а «особый вид маньячества» [Новое время, 1881, 4 марта]

Но вскоре в газете «Русь» был поставлен вопрос о природе тех идей, ради которых цареубийцы готовы были идти на собственную смерть. Корреспондент писал, задавая вопросы: «Никакие замыслы не могут оправдать такую цель; но надобно, чтоб они хотя бы могли объяснить её. Катехизис наших революционеров, как мы знаем, никаких догматов не признает, кроме безусловного отрицания. Требуется произвести смуту в России, подорвать всякий авторитет, парализовать всякую нравственную силу, вооружить сословия одно против другого, зажечь усобицу и повергнуть всё в хаос. Но для чего же это? Для того ли, чтобы захватить власть?... Имеет ли смысл такая затея?... Что же, собственно, серьёзного в таких попытках? Ничего иного, кроме непримиримо враждебных России побуждений, направляемых к тому, чтобы поколебать и расстроить её» [Русь, особое прибавление к № 16...]. Однако за всеми действиями террористов стали проглядывать черты «нового времени и нового племени, готовящегося выступить на истинное поле деятельности, ещё не яс-

ны нам, ещё в тумане, и мы...Стоим мы слепо пред судьбою!» [Русь, 1881, 2 марта].

В газете «Неделя» спустя 7 дней после убийства императора вышла статья «Катастрофа 1-ого марта», в которой автор замечал: «некоторые голоса из Москвы и с церковных кафедр Петербурга возлагают на общество ответственность за ужасное событие... С первого взгляда, в них как будто есть доля правды. Действительно, мы знаем, что правительство требовало от общества воздействия... Но эту задачу общество может выполнить только тогда, когда в нем развита широкая и организованная мысль, она может выражаться правильно, может обладать силой для одоления противообщественных и противогосударственных брожений. Тогда общество прямо делается ответственным за все, что в нем происходит... Но в таком ли положении находится наше общество?» [Неделя, 1881, 8 марта]. И тут же отвечал на этот вопрос: общество «не представляет собою сплоченной массы, оно не может реагировать нравственно, оно страдает от настроения и не только не может оказать какого-либо содействия, но даже само нуждается в помощи. Его деятельные силы ныне дремлют, непризванные к жизни, и оно даже не имеет возможности, в видах содействия, подать свой голос» [Неделя, 1881, 8 марта]. Поэтому современное общество не может нести ответственность за случившееся событие. Однако автор полагает, что необходимо продолжать начатое реформирование страны и на этой платформе объединять различные общественные силы. Ведь, как отмечают исследователи, «проблема становления гражданского общества – это вопрос создания системы взаимодействия», прежде всего, государства и общества «в решении задач социально-экономического роста» [Розина, 2017, с. 186]

Рассмотрев реакцию общества на убийство императора Александра II в газетах либерального толка, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, весть о гибели императора воспринималась с ужасом и негодованием: многие не могли поверить в случившееся, в газетах описывается эмоциональная реакция людей, их слезы, горе, молитвы. Во-вторых, в большое внимание уделялось значению этого события и его влиянию на дальнейшую

судьбу государства: будущие поколения будут добрым словом вспоминать великого реформатора, а его убийство считать одним из самых гнусных и ужасных событий того времени. В-третьих, желалась попытка понять и объяснить причины, побудившие преступников на царубийство. В-четвертых, в газетах отмечается односторонность суровых методов наказания преступников и выражается надежда на продолжение реформ.

Библиографический список

1. Александр I – царь-Освободитель. 1855–1881 / С. Боровков, Е. Браун, В. Волков, Вс. Воронин, И. Воронин, В. Горский, П. Кумпан, О. Наумов, Д. Никитин, С. Перевезенцев, Н. Петрусенко, Е. Пчелов, В. Секачев, Е. Секачева, Н. Секачева, М. Смолин. Сост. М. Колыванова. Москва : Олма Медиа Групп, 2010. 272 с.
2. Неделя, 1881, 8 марта
3. 6.Новое время, 1881, 2 марта
4. Новое время, 1881, 3 марта
5. Новое время, 1881, 4 марта
6. Порядок, 1881, 3 марта
7. Русь, 1881, 1 марта, особое прибавление к № 16
8. Русь, 1881, 2 марта
9. Русь, 1881, 2 марта, второе особое прибавление к № 17
10. Кельнер В Е. 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II Москва : Лениздат, 2017. 384 с.
11. Кропоткин П. А. Записки революционера. Москва : Московский рабочий, 1988. 544 с.
12. Лобачева Г. В. Реакция российского общества на террористический акт 1 марта 1881 года / Г. В. Лобачева, А. К. Карабут // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 2. № 1 (55). С. 218–222
13. Розина В. А. Влияние институтов гражданского общества на формирование политического консьюмеризма // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2017. Том 17. № 6. С 183–187

14. Сафронова Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.

15. Яковлев А. Великие реформы в России. 1860–1870-е годы. Москва : Православный паломникъ, 2021, 320 с.

УДК 94 (47)

О. А. Музыченко

Газета «Черниговские губернские ведомости» как источник по истории повседневной жизни Стародубья во второй половине XIX в.

Статья посвящена исследованию такого периодического издания как «Черниговские губернские ведомости». Указанное издание типологически относится к официальной российской региональной печати и имеет свою уникальную специфику. Научная новизна состоит в том, что впервые будут проанализированы и введены в научный оборот газетные статьи по повседневной жизни Стародубья, содержащиеся в некоторых выпусках упомянутого периодического издания.

Ключевые слова: повседневность; «Черниговские губернские ведомости»; XIX век; Новозыбков; Стародубье.

О. А. Muzychenko

Newspaper «Chernigov Gubernskiye Vedomosti» as a source of the history of everyday life in Starodub'e in the second half of the 19th century

The article is devoted to the study of such a periodical as «Chernihiv provincial Vedomosti». This publication typologically refers to the official Russian regional press and has its own unique specifics. The scientific novelty consists in the fact that for the first time newspaper articles on the daily life of Starodubye, contained in some is-

sues of the mentioned periodical, will be analyzed and introduced into scientific circulation.

Key words: everyday life; «Chernigov Gubernskiye Vedomosti»; XIX century; Novozybkov; Starodub'e.

Прежде всего, необходимо кратко описать историю появления «Губернских ведомостей», а также дать характеристику изданию как историческому источнику. Становление газеты началось в 1830-х гг., когда в соответствии с «Высочайшим повелением» от 27 октября 1830 г. было решено учредить официальную газету в каждой губернии [Хвостова, 2016, с. 60]. «Губернские ведомости» издавались в Российской империи с 1838 по 1917 годы [Клец, 2016, с. 226]. Первоначально газета выступала как средство для информирования населения о политике власти. Длительное время в ряде губерний данная газета являлась единственной местной газетой [Субботина, 2021, с. 472].

Появлению в Российской империи региональных печатных изданий способствовал ряд факторов. Историк В. Ф. Блохин выделяет фактор отдаленности российской провинции от политических центров [Блохин, 2009, с. 325]. Крестьянский вопрос, введение земского самоуправления, различные проблемы модернизации страны невозможно было решить без участия центральных органов власти. Официальная региональная печать должна была «сблизить» периферию и центр империи. Другой фактор связан с осознанием властью того, что к середине XIX века в России было сформировано общественное мнение. Региональная периодическая печать должна была послужить средством для выражения общественных запросов [Блохин, 2009, с. 325].

Анализируя характеристики «Губернских ведомостей» как источника по истории повседневности необходимо отметить, что в данной газете отражалось многообразие интеллектуальной, хозяйственной, административной, общественной жизни огромной страны [Козлов, 2011, с. 71]. При этом важно учитывать обстоятельство, что, будучи официальным изданием, «Губернские ведомости» печатались под чутким контролем власти, соответ-

ственно, нельзя говорить о том, что данная газета отражала полный спектр общественных настроений российского социума.

В соответствии с «Положением о порядке производства дел в губернских правлениях» от 1837 г., была утверждена структура издания [Лепилкина, 2005, с. 176]. Предписывалось помещать в издание две части: официальную, которую составляли общий и местный отделы, а также неофициальную. В официальной части публиковались манифесты центральной власти, законы, распоряжения и так далее. Большое внимание было уделено информации о деятельности губернских и уездных органов власти [Ващенко, 2009, с. 594].

Для исследования повседневной жизни более значимой выступает неофициальная часть. Необходимо отметить, что изначально данный раздел именовался «прибавлением» к официальной части. В неофициальной части «Черниговских губернских ведомостей», как и в других губернских официальных периодических изданиях помещались статьи по местной истории и краеведению. Отдельное внимание уделялось описанию различных мероприятий, которые происходили в губернии. В неофициальной части также можно было встретить большое количество объявлений о продаже или о предложении услуг, что может дать информацию об имущественном положении жителей Стародубья. Обязательно публиковались сведения о происшествиях в губернии. Уделялось внимание вопросам сельского хозяйства и ремесла в отдельных уездах.

Характеризуя специфику «Черниговских губернских ведомостей» применительно к исследованию местной истории, а также истории Стародубья в частности, необходимо отметить, что данный регион достаточно часто упоминался в губернской газете. Это может свидетельствовать об особом статусе Стародубья, а также о важности происходивших там событий и происшествий для губернии. С 1850-х гг., когда неофициальную часть газеты редактировали этнографы, историки и фольклористы Н. М. Белозерский и А. В. Шишацкий-Иллич, она стала своеобразным центром интенсивной краеведческой работы, вокруг которой спланивались местные исследователи [Тоцкая, 2014, с. 249]. Большой вклад в развитие краеведения и этнографии на

Черниговщине внес С. Д. Нос – черниговский писатель, краевед и этнограф. Он публиковал важные документы, связанные с историей городов и посадов Черниговской губернии. В частности, он опубликовал в «Губернских ведомостях» гетманские универсалы, актовые книги Стародуба за 1683 г. [Шекун, 2021, с. 14].

Для данной работы наиболее показательными будут материалы, которые могут рассказать не о древней истории местности, а о событиях, которые происходили в то время, когда газета функционировала. Соответственно, наиболее полезными будут газетные статьи, посвященные этнографии, а также событиям и происшествиям, имевшим место в Стародубье.

В частности, в субботнем выпуске «Черниговских губернских ведомостей» от 16 июля 1894 г. (№ 161) корреспондент описывает общественные увеселения жителей уездного города Новозыбкова. В статье сообщается, что «в Новозыбкове остались по настоящее время увеселения, существовавшие еще в Древней Руси – это хороводы; старообрядческая молодежь устраивает по воскресным и праздничным дням хороводы среди улицы, на видном месте, почти в центре города; при этом поются старинные обрядовые песни; мужчины и девушки, сомкнувшись в круг, держатся за концы платков, протянутых между руками участвующих в игре. На середину круга выходит парень, представляющий отважного молодца, снимает несколько раз фуражку и, обращаясь к одной из девушек, приглашает ее выйти на середину; вышедшая хороводница начинает вместе с молодымцом петь хороводную песню, а за ней все остальные; каждый стих песни заканчивается припевом, большею частью: «ай, люли!»» [Черниговские губернские ведомости, 1894, 16 июля]. Можно предположить, что такая любовь к хоровому пению и хороводам указывала на потребность эстетических развлечений в среде горожан Новозыбкова.

В «Черниговских губернских ведомостях» можно обнаружить описания регулярных визитов чиновников в Стародубье. В выпуске от 4 июля 1894 г. (№ 149) сообщается о подробностях встречи жителями города Стародуба губернатора Черниговской губернии Е. К. Андреевского. Корреспондент пишет о том, что по приезде в город губернатор был встречен священником

Иоанном Корниевским «со крестом и кратким молитвословом». Приложившись ко кресту и приняв благословение, губернатор принял в дар икону почитаемой в Стародубье Балькинской Богоматери. Далее описываются обстоятельства встречи губернатора с местными жителями-староверами. Представители от посадов Воронок, Елионка, Млынка, и Лужки преподнесли черниговскому губернатору хлеб-соль. Сообщается, что представители от посада Елионки просили отдельного разрешения, чтобы поднести икону Владимирской Божьей Матери. [Черниговские губернские ведомости, 1894, 4 июля]. Примечательно, что корреспондент газеты называет старообрядцев Елионки раскольниками. Вероятно, такая уничижительная форма именованья используется для того, чтобы подчеркнуть для читателей статус старообрядцев в губернии, продиктованный официальной позицией власти.

Как уже было отмечено ранее, города и посады Стародубья часто фигурировали в «Черниговских губернских ведомостях». Нередко Стародубье попадало в раздел «происшествия». В частности, довольно часто встречаются сообщения о краже ценностей. В выпуске от 6 января 1894 года (№2, часть официальная) сообщается о краже в городе Новозыбкове из письменного стола учительницы женской гимназии Марии Петровны Железняковой 4000 франков билетами французского государственного банка [Черниговские губернские ведомости, 1894, 2 января]. Подобные сообщения дают представление об имущественном положении отдельных сословий, а также могут характеризовать криминальную обстановку в населенных пунктах Стародубья конца XIX века.

Подводя итог, необходимо отметить, что газета «Черниговские губернские ведомости» выступает уникальным источником для исследования повседневной жизни отдельного региона, в частности – Стародубья. Специфика изучаемого региона прослеживается через те события, которые описывались в газете, а также через судьбы некоторых людей, сообщения о которых попадали на страницы издания. Представленные в настоящей статье отрывочные данные иллюстрируют лишь часть исследова-

тельского потенциала газеты «Черниговские губернские ведомости».

Библиографический список

1. Блохин В. Ф. «Губернские ведомости» накануне реализации новой государственной модели управления печатью (середина 60-х гг. XIX в.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8. С. 325–329.

2. Ващенко А. «Черниговские губернские ведомости» как источник истории местной власти: 1861–1889 гг. // Научные записки. Сборник трудов молодых ученых и аспирантов. 2009. Т. 19. № 1. С. 594–602.

3. Клец Ю. А. Полемика в столичной и провинциальной прессе о губернских ведомостях начала XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 226–230.

4. Козлов С. А. «Местная хроника» на страницах губернских ведомостей: поиск жанра и стиля («Новгородские губернские ведомости», 1853–1862 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Филология. Искусствоведение. 2011. № 55. С. 71–75.

5. Лепилкина О. И. Губернские ведомости как тип издания XIX века / О. И. Липилкина – Текст : непосредственный // Наука. Инновации. Технологии. 2005. № 41. С. 175–183.

6. Субботина А. М. Крестьянская реформа 1861 года в отражении региональной печати (по материалам «Вятских губернских ведомостей») // Научный диалог. 2021. № 11. С. 468–481.

7. Тоцкая Ж. Вклад газеты «Черниговские губернские ведомости» в развитие исторического краеведения на Черниговщине // Северская летопись. 2014. № 6. С. 248–264.

8. Хвостова И. А. Нижегородские губернские ведомости»: особенности появления и структуры издания // Символ науки. 2016. № 11-12. С. 60–62.

9. Черниговские губернские ведомости. 1894, 6 января.

10. Черниговские губернские ведомости. 1894, 4 июля.

11. Черниговские губернские ведомости. 1894, 16 июля.

12. Шекун В. О. С. Д. Нос и газета «Черниговские губернские ведомости» // Sciences of Europe. 2021. № 75-2. С. 13–16.

Г. В. Карандашев

Дискуссия по вопросу о «жертвах общественного темперамента» в российском обществе в конце XIX – начале XX вв.

В статье рассматриваются проблемы, поднимавшиеся российской общественностью в конце XIX – начале XX вв. в связи с развитием такого заметного социального явления городской повседневности как проституция. Представители различных профессий обсуждали причины, толкавшие женщин к занятию продажной любовью, вопросы эффективности лечебно-полицейского контроля над данной сферой. Рассматривался социальный статус проституток, противостояние властей распространению венерических заболеваний, связь торговли телом с различными формами отклоняющегося поведения, в том числе пьянством и преступностью.

Ключевые слова: проституция; пьянство; публичный дом; преступность; полиция.

G. V. Karandashev

Discussion on the issue of «victims of social temperament» in Russian society in the late XIX – early XX centuries

The article examines the problems raised by the Russian public in the late XIX – early XX centuries in connection with the development of such a notable social phenomenon of urban everyday life as prostitution. Representatives of various professions discussed the reasons that pushed women to engage in corrupt love, issues of the effectiveness of medical and police control over this area. The social status of prostitutes, the opposition of the authorities to the spread of venereal diseases, the connection of body trafficking with various forms of deviant behavior were considered: drunkenness, crime.

Key words: prostitution; drunkenness; brothel; crime; police.

Значительное количество публикаций конца XIX – начала XX вв. по проблеме проституции в России были связаны с изучением распространения венерических заболеваний и мер борьбы с ними. Проституцию рассматривали как «общественное явление в ее разнообразных формах и видоизменениях, соответственно обычаям, нравам и условиям жизни данной страны, изучали ее отношение к нравственности и религии. Но всего менее, до последнего времени изучали самих проституток» [Тарновский, 1888, с. 8].

По мнению российских исследователей конца XIX – начала XX вв., невежество и нищета играли важнейшую роль в существовании продажной любви. В омут девушек толкало сиротство, отсутствие правильной опеки, неопытность, слабое нравственное и умственное развитие, а также состояние алкогольного опьянения. Около 80 % российских проституток в конце XIX – начале XX вв. были неграмотными. Значительный процент барышень начинал заниматься проституцией между 15 и 20 годами (63 %). Тяжелый и плохо оплачиваемый труд также имел большое значение в социальном падении женщин [Бородин, 1910; Покровская, 1900]. И. И. Канкарович видел главную причину проституции в общественном разврате. Меры против бедности, невежества, алкоголизма части населения, поставляющей проститутки, не могли помочь пока существовал разврат «другой части его, этих проститутки потребляющей». Таким образом, именно борьба с общественным развратом являлась основным принципом борьбы с проституцией [Канкарович, 1907, с. 195–196].

С 1840-х гг. проституция в России фактически была легализована, но изначально регистрация женщин, «промышлявших развратом, и организация периодических принудительных врачебно-санитарных осмотров», существовала далеко не во всех городах. На 1 января 1909 г. в Российской Империи насчитывалось около 960 городов, но только в 200 из них были учреждены специальные органы надзора (врачебно-полицейские, санитарные комитеты и т. д.), и в 258 обязанности по надзору выполня-

лись чинами полиции. В оставшихся городах надзор за проституцией лежал на полиции, «но он ни в чем не обнаруживается и является не более как простой фикцией» [Труды Первого Всероссийского съезда..., 1912, с. 461].

У зарегистрированных врачом-полицией комитетом женщин забирали паспорт. Вместо паспорта поднадзорным выдавали медицинский билет. Таким образом, проститутку стремились заставить выполнять требования врачбно-полицейского надзора. Но, несмотря на отсутствие паспорта, они успешно ускользали от периодических осмотров. Беспаспортность проститутки вносила лишний момент для злоупотреблений. Когда проститутка временно переезжала в другой город, ей выдавали проходное свидетельство. С текстом проходных свидетельств зачастую происходили «всякие казусы, делающие их совершенно не тождественными с текстом паспортов, хранящихся в полицейском управлении» [Бентовин, 1907, с. 90–91].

Врачебно-полицейский надзор за домами терпимости выражался в следующем: «следить, не допускаются ли к промыслу в каком-либо публичном доме посторонние, не состоящие под надзором женщины, не производится ли запрещенная в публичных домах продажа спиртных напитков, чисто ли и питательно ли содержит хозяйка своих женщин, не изнуряет ли их промыслом, не спаивают ли вином и правильно ли женщины являются к медицинскому осмотру, а равно исполняют ли они правила гигиены, в смысле обмываний и оставляют ли промысел на время менструации». Эти наблюдения производили смотрители комитета и городские врачи [Федоров, 1897, с. 21–22].

В. М. Тарновский, выступавший за общественный контроль над проституцией, охарактеризовал постулаты так называемого аболиционизма по отношению к этому явлению: государство не должно было «организовывать» проституцию, устраивать обязательные осмотры, а дом терпимости являлся абсолютным злом. Обязательные медицинские освидетельствования давали ложную гарантию здоровья женщинам. Это был обман общества и, в то же время, нарушение личной свободы, которая, по закону, должна быть равна для обоих полов [Тарновский, 1888, с. 38–40].

Основным отличием позиций «аболиционистов и регламентаторов», которых было то, что последние считали, что поднадзорная проституция – это единственная защита общества от венерических заболеваний, а аболиционисты же указывали, что за время существования регламентации, распространение венерических заболеваний, и в частности сифилиса, лишь увеличилось [Канкарович, 1907; Сабинин, 1905].

Выделялись три класса проституток: поднадзорные, тайные и содержанки. Характеризуя образ жизни поднадзорной проститутки, Б. И. Бентовин отмечал, «что всю ночь „билетная” пьянствует с гостями, развратничает, а иногда еще принимает деятельное участие в скандалах, которыми так чревата хроника домов терпимости. К 7–8 часам утра, когда почти все гости покидают „дом”, пансионерки его собираются в столовую к завтраку. Кормят их очень хорошо и обильно, – не только в богатых заведениях, но и в более бедных. Хороший стол для проститутки одна из могучих приманок „дома”. Хозяйка это отлично знает и очень строго наблюдает за тем, чтобы ее рабыни были довольны пищей. Играют тут известную роль и соображения чисто коммерческого характера. Хозяйка старается „откормить” свой живой товар, как откармливают гусей и поросят, так как признано, что посетители заведений очень ценят толщину и обилие живого мяса» [Бентовин, 1907, с. 104].

Худшее из всех положений занимали проститутки, состоявшие в домах терпимости. Это были «в буквальном смысле слова рабыни или, если хотите, то даже скоты. На жаргоне содержатель публичных домов они зовутся попросту товаром» [Канкарович, 1907, с. 46]. Женщина в публичном доме получала 1/4 часть заработка, оставляя 3/4 в пользу хозяйки. В большинстве случаев они находились в неоплатном долгу у содержательницы. Исключение составляли иностранки, особенно немки, умевшие делать накопления [Федоров, 1897, с. 21].

Самые «отчаянные преступники и закоренелые убийцы стояли в правовом отношении в значительно лучших условиях, чем регламентируемые жертвы общественного темперамента. Их не презирают так сильно, с ними не обращаются так бесчеловечно,

они не парии нашего общества в такой степени, как эти несчастные жертвы» [Бородин, 1910, с. 102].

Тайные профессиональные проститутки-одиночки делились на промышлявших «по способу поднадзорных»; пользовавшихся почти исключительно услугами сводниц; прикрывавших свою настоящую «профессию» какой-либо другой показной [Канкарович, 1907, с. 88].

Содержанки – огромный по своей численности класс женщин, представляли собою «настоящих профессиональных развратниц... Обыкновенные проститутки развратничают из-за куска хлеба; для них разврат – единственное, может быть, средство к существованию. Содержанки же развратничают ради роскоши, ради богатства, ради веселья, ради безделья. Это – рафинированные, утончённые развратницы, для которых разврат не средство к существованию, а цель жизни, сфера, в которой они живут» [Канкарович, 1907, с. 131].

Проституции сопутствовали различные формы девиантного поведения. «Что касается в частности связи алкоголя с проституцией и развратом, то связь эта уже давно установлена как печальными опытами повседневной жизни, так и целым рядом научных наблюдений» [Канкарович, 1907, с. 174–175]. Пьянство составляло «неизбежную принадлежность проституции. Большинство из опрошенных жриц любви заявляли, «что без вина они не были бы в силах вести такую жизнь» [Бородин, 1910, с. 44].

Проститутки могли также участвовать в преступной деятельности. В числе доходных статей «следовало бы отметить и те посягательства на бумажник и драгоценности гостя, которые производятся бланковыми в случае его крайнего опьянения. Но грабёж этот обыкновенно совершается в соучастии с сутенерами, с квартирной хозяйкой, и по их наущенью. Последние и пользуются львиной частью добычи, на долю же бланковой перепадает очень мало» [Бентовин, 1907, с. 121].

Почти у каждой проститутки, помимо квартирохозяйки, имелся «еще и другой паразит, живущий на ее счёт и эксплуатирующей ее до последней степени возможности. Это ее сутенёр или, как он зовётся по-русски, кот... Сплошь да рядом это – пре-

ступник – рецидивист, вор, бездельник, иногда даже убийца, во всяком случае, безусловно негодяй первого сорта» [Канкарович, 1907, с. 65].

К проституции и сифилису общество всегда «относилось с затаенною брезгливостью; принято даже презирать и игнорировать эти неприличные явления». Но никакие правительственные постановления и законы о проституции не могли дать той «существенной пользы, которую от них можно ожидать, пока само общество не придёт на помощь администрации, действуя с ней заодно» [Тарновский, 1888, с. 14].

Таким образом, как писал Д. Н. Бородин, «проституция есть продукт тех сложных общественных отношений, тех невидимых взаимодействий, из которых слагается ненормальная атмосфера нашей жизни» [Бородин, 1910, с. 94]. Проституция в работах российских исследователей конца XIX – начала XX вв. была представлена в виде многофакторного социального института, включавшего в себя не только экономическое содержание. Были установлены причины, толкавшие женщин на панель, проанализирован социальный статус проституток различных категорий, даны оценки эффективности врачебно-полицейского контроля, связь проституции с девиантным поведением.

Библиографический список

1. Бентовин Б. И. Торгующие телом: Очерки современной проституции. Санкт-Петербург : Крумбюгель, 1907. 200 с.
2. Бородин Д. Н. Алкоголизм и проституция. Санкт-Петербург : С.-Петербур. коммерч. типо-лит. Виленчик, 1910. 118 с.
3. Канкарович И. И. Проституция и общественный разврат: К истории нравов нашего времени. Санкт-Петербург : тип. В. Безобразова и К^о, 1907. 200 с.
4. Покровская М. И. Борьба с проституцией: Докл. 2 Отд-нию Р. о-ва охранения нар. здоровья 10 дек. 1899 г. / [Соч.] Женщины-врача М. И. Покровской. Санкт-Петербург : тип. П. П. Сойкина, 1900. 33 с.
5. Сабинин А. Х. Проституция: Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции: Ист.-

профил. этюд. Санкт-Петербург : тип. П. П. Сойкина, 1905. 264 с.

6. Тарновский В. М. Проституция и аболиционизм: Докл. Рус. сифилидол. и дерматол. о-ву проф. В. М. Тарновского. Санкт-Петербург : К. Риккер, 1888. 261 с.

7. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. Т. 2. Санкт-Петербург : б.и., 1912. 312 с.

8. Федоров А. И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. Санкт-Петербург : тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.

УДК 94(47)

А. Д. Заварин

***Страх как фактор формирования гибридной идентичности:
на примере эстонцев Юхотского края в 1930–1990-е гг.***

В статье представлено отражение сталинских репрессий по отношению к национальному меньшинству (эстонцам) в Большесельском районе Ярославского края в индивидуальных нарративах эстонцев и их потомков. Проанализировано влияние эпохи Большого террора и атмосферы всеобщего страха на повседневные практики, ментальность и самоидентичность локальной этнической группы в чужеродной среде. Источниковой базой выступили протоколы допросов и биографические интервью.

Ключевые слова: эстонцы; репрессии; антропология; Юхотский край; идентичность.

A. D. Zavarin

Fear as a factor in the formation of a hybrid identity

The report will present the significance of Stalinist repressions against the national minority (estonians) in the Bolsheselsky district of the Yaroslavl region in the individual narratives of Estonians and

their descendants. The influence of mass repressions on everyday practices, mentality and self-identity of a local ethnic group in a foreign environment is analyzed.

Key words: estonians; repressions; anthropology; Yukhotsk region; identity.

Период репрессий 1930-х гг. затронул все категории населения СССР. Впервые подлинная статистика осуждённых за контрреволюционные преступления (3 777 380 за 1921–1953 гг.) была опубликована в сентябре 1989 г. в статье В. Ф. Некрасова в «Комсомольской правде» [Земсков, 1995, с. 2]. Остаются актуальными вопросы уточнения количества жертв, характера судебного производства, что затрудняет закрытость дел для широкого доступа исследователей и интересующейся публики. Изучение феномена массовых репрессий в контексте статистических показателей не раскрывает как трансформировалась личность человека впоследствии, поэтому целесообразным видится обращение к судьбам людей, переживших этот период, рассмотрение как сохранились воспоминания или же были утрачены.

Существуют исследования, отражающие влияние политики репрессий на этнические меньшинства, например, Н. Ф. Бугай, в своём очерке ставит цель: «раскрыть процессы депортации народов, имевшие место в Советском Союзе в один из трудных и сложных периодов ее истории – в годы Великой Отечественной войны» [Бугай, 1996, с. 1]. Однако ограничено число работ, где объектом исследования являются национальные меньшинства за пределами своей родины, которые вынуждены были трансформировать свою идентичность.

Данная работа базируется на источниках личного происхождения. Устные интервью были взяты в 2017–2022 гг. у эстонцев и их потомков на территории Большесельского района Ярославской области (12 информантов) и Санкт-Петербурге (3 информанта) в 2019 г. Целью работы является определение значения репрессий в 1930-е гг. для эстонцев: как трансформировалась национальная идентичность эстонцев и их потомков, какие факторы способствовали скрытию и формированию гибридной идентичности потомков. Историческая антропология и история

повседневности стали основой методологии исследования. Производится анализ места человека в истории, мотивы его поведения, действия, поступки, представления, ментальные нормы и ценности, повседневный быт [Поршнева, 2005, с. 26].

Миграция эстонцев на территорию Большесельского района Ярославского края (эту местность называют Юхотский край, по реке Юхоть, долгое время являвшееся владением графов Шереметьевых) началась в конце XIX в., к 1920-м гг. количество эстонцев достигло порядка 100 человек. В 1930-ые гг. – раскулачены и согнаны с традиционных для них форм проживания – хуторов в колхоз «Кордон» (созданный по этническому принципу), в него вступили все эстонцы Большесельского района.

В архивах сохранились протоколы допросов эстонцев 1937–1938 гг., в которых предъявляется ряд обвинений, в том числе: «в шпионаже, диверсиях, участии в разведке против советского правительства», «...умышленно затянул сев, своевременно не отремонтировал инвентарь к весеннему покосу, конский состав привел к истощению, качественно землю обрабатывал плохо...» – таким образом, реализовывалась задача «развала колхоза» и «воспитания колхозников-эстонцев в антисоветском духе». В нарративах тема репрессий не является основной, но косвенно связана с личными воспоминаниями о советской жизни. Среди информантов выделяется эстонец 1933 г.р. – Р. А. Кобакен – «2-ого поколения» (то есть, родившийся уже в России). Так, Рудольф Августович, сперва рассказывает о собственном аресте в послевоенные годы, когда его «заложил стукач» и он несколько месяцев работал на вредном производстве на Ярославском заводе, а после смерти И. В. Сталина освобожден по амнистии и сразу же ушел в армию.

«А как в советские времена жили? Всех коров забрали, лошадей, 35 свиней, всю живность забрали. Отец и дед переживали. Колхоз был эстонский, Август Трумм председатель был, в 37 увезли его». В нарративе преобладают слова: «увезли», «многих забирали» «переживали», «я его больше никогда не видел». Таким образом, отражаются следы повседневности и ценностные ориентиры эпохи.

Потомки эстонцев – эстонцы «3-его поколения», родившиеся в конце 1940-ых – 1950-х гг., отмечают, что их родители мало или ничего не рассказывали о репрессиях и жизни в Эстонии. Слово-концепт «репрессировали» замещается словами-концептами «раскулачили», «увезли», «забрали», «не выдержал» – все они по семиотическому значению наделены смыслом «погибли», «умерли».

В одном из интервью эстонца «3-его поколения» интересен сюжет разговора со своей матерью 1916 г. р. состоявшийся в начале XXI в. «Я часто маму спрашивал – как хоть вы сюда переехали? Где в Эстонии жили? А она всё отнекивалась и не говорила ничего, боялась – нельзя ничего этого говорить.... Я ей говорю – „да перестань, хоть ты, уже и век другой и страны той уже нет, ничего не будет...”. Но все равно, ничего не рассказывала, боялась. Мы еще какие-то деньги получали, пособие, как семья репрессированного...». Учитывая возраст этой женщины (1916 г. р.), на момент ареста мужа (21 г.), остался на руках малолетний ребёнок, возникало чувство страха, неопределенности – это сформировало травматические воспоминания, которые превратились в табуированную тему.

Потомки эстонцы – «3-его поколения», которые выступили информантами, говорят о себе как о русских, даже если оба родителя эстонцы. На наш взгляд, одним из факторов, который привёл к скрытию национальной эстонской идентичности, является чувство страха, испытанное эстонцами «2-ого поколения» (и их родителями) в 1930-е гг. В тоже время, у эстонцев «2-ого поколения» до конца жизни (1970-ые – 2000-ые гг.) продолжали оставаться внешние и внутренние атрибуты национальной идентичности.

1. Традиция фотографии на похоронах (коммеморация памяти – последний раз зафиксировать эстонскую общность с покойником и эстонцами ближайших хуторов / деревень). После репрессии эстонского священника К. И. Трумм (1937 г.) традиция остаётся, даже когда похороны стали проводиться не на эстонском кладбище, а на территории православных кладбищ.

В нарративах эстонцев – «3-его поколения» существует концепт – замещение: «русские – православные, эстонцы – католи-

ки. Но вместе – все мы христиане». К размытию границ между католиками и лютеранами (сохранилась грамота Евангелистической церкви эстонцев «1-ого поколения») привела антирелигиозная политика советского правительства. Однако, сохранилось чувство религиозной общности предков – одна Христианская религия (католики эстонцы или лютеране – не играет роли у информантов). На фотографиях женщины эстонки «1-ого поколения» (родившиеся в Лифляндской Губернии) в национальных костюмах.

2. Гендерный фактор имеет большое значение в самоидентификации эстонцев «2-ого поколения». Репрессиям подвергались мужчины, как наиболее опасные субъекты для власти, в последующий период резко увеличилась роль женщин в повседневных практиках. В послевоенные годы начинают заключаться смешанные браки – смена фамилии, переезд в дом к супругу и постоянное общение на русском языке, что наоборот, способствует частичной утрате идентичности.

3. Особую роль в самоидентификации себя в национальном сообществе играл язык. Общение на эстонском языке остается только в родительском доме, продолжают традиции проводить досуг за разучиванием и пением песен на национальном языке. Одну из таких песен исполнил информант: «Сибери госпаль галитага...» (запись со слов информанта) – на мотив русской песни «По диким степям Забайкалья». Это говорит о существовании ментальной связи с социокультурной общностью многонациональной России, где существуют разные этносы, но их объединяют общие архетипы.

Во внешней среде, наоборот, социализация эстонцев в русскоязычной среде происходила через придание сложным для русского слуха эстонским именам, эквивалентов в русской традиции. «Имена необычные были, русские их переделывали» – вспоминает Р. А. Кобакен. Эстонцев «2-ого поколения» на русский манер называли: Август, Густав – Костя, Эвальд – Валентин, Эмилия, Эмма – Маруся, Элизия, Эльза – Лиза, Альфред – Александр.

Эстонцам «3-его поколения», родившимся в конце 1940-ые – 1950-ые гг. изначально дают русские имена (даже если оба ро-

дителя этнические эстонцы). Отчества в свидетельствах о рождении, паспортах, удостоверениях также записываются на русский манер. Однако, в восстановленных и новых выданных документах, вышедших в 1990-е гг. и позже, возвращаются национальные имена и отчества (Валентинович – Эвальдович, Константинович – Августович, и др.).

Во время исследования не было выявлено информантов с ярко выраженной самоидентификацией себя как «эстонец», эстонка» (за исключением «корневого» информанта Р. А. Кобакена). В первой трети XX в. эстонцы сохраняли свою национальную идентичность. Это выражалось в хозяйственных практиках, территориальных, социокультурных (языковых), аскриптивных аспектах (браки по национальному признаку). В то же время, в 1990-е гг. вернулись отчества не типичные для русского восприятия и до сих пор остаются прибалтийские фамилии. Таким образом, сохраняется номенклатурная, документальная «эстонскость», это маркер эстонской национальной идентичности потомков переселенцев. Эстонцы «2-ого поколения» пережившие период репрессий, военное время (эстонцев области призывали в 917 эстонскую стрелковую дивизию) и оставшиеся на территории Ярославского края, ввиду влияния государственной политики, выбрали стратегию воспитания детей в контексте советской парадигмы. Формирование такой гибридной идентичности проходило в том числе под влиянием фактора перенесённого страха в период репрессий. Двоемирие отражается и в словах одного из информантов 1949 г. рождения, у которого оба родителя эстонцы: «Родители эстонцы... я и сейчас несколько слов помню, а сам я русский. У меня и у дочери, и у сына было записано „эстонка“, „эстонец“, ну сейчас уже нет этой графы...».

Библиографический список:

1. Бугай Н. Ф. Депортация народов в СССР – новое направление в отечественной историографии: проблемы изучения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под ред. А. Н. Сахарова. Москва : Наука, 1996. 511 с.
2. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 91 Д. 291. Оптационные удостоверения эстонских оптантов.

3. Заварин А. Д. Новые русские / А. Д. Заварин, Н. В. Дутов // 73-я Всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием : Сб. материалов конференции. Ч. 1. Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2020. С. 708–710.

4. Земсков В. Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118–127.

5. Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2005. 136 с.

6. Филиал ГКУ ЯО ГАЯО в г. Угличе. Ф.59, Оп. 1, Д. 35 «Книга записей браков».

7. Филиал ГКУ ЯО ГАЯО в г. Угличе. Ф-59. Оп. 1. Д. 53. «Дело Большесельского волисполкома о призыве на военную службу...»

УДК 94(3)

А. К. Пчелкина

*Репрезентация образа Спартака в балете А. И. Хачатуряна
(на примере постановки Ю. Н. Григоровича)*

Балет А. И. Хачатуряна «Спартак» стал важнейшим явлением советской культуры. Он выдержал несколько постановок, лучшая из которых была представлена к 50-летию Октября Ю. Н. Григоровичем на сцене Большого театра. Автор исследует истоки и особенности репрезентации образа Спартака в балете, анализируя эго-документы, советскую прессу, либретто и саму балетную постановку.

Ключевые слова: Спартак; героический балет; Н. Д. Волков; Ю. Н. Григорович; А. И. Хачатурян.

A. K. Pchelkina

*Representation of the image of Spartacus in the ballet
by A. I. Khachaturian (on the example of the production
by Yu. N. Grigorovich)*

A. I. Khachaturian's ballet «Spartacus» became the most important phenomenon of Soviet culture. It withstood several productions, the best of which was presented for the 50th anniversary of October by Yu. N. Grigorovich on the stage of the Bolshoi Theater. The author explores the origins and features of the representation of the image of Spartacus in ballet, analyzing ego-documents, the Soviet press, the libretto and the ballet production itself.

Key words: Spartacus; heroic ballet; N. D. Volkov; Yu. N. Grigorovich; A. I. Khachaturian.

Образ «первого революционера» Спартака, используемый большевиками в пропаганде и позднее транслируемый в искусстве, нашёл своё наивысшее отражение в балете А. И. Хачатуряна «Спартак». Впервые поставленный на сцене Кировского (ныне – Мариинского) театра в 1956 г., он сразу приобрёл статус культового. В 1959 г. Хачатурян за своё произведение был удостоен Ленинской премии. Современники отмечали острую идейную направленность «Спартака», называли его «вершиной исторического балета». В 1968 г. к 50-летию Великой Октябрьской-социалистической революции новую, и признанную самой удачной, постановку балета на тему восстания Спартака представил Ю. Н. Григорович.

Балет был одним из каналов большевистской пропаганды и после революции трансформируется в социалистический вид искусства, доступный массовому зрителю. В 1920-е гг. возникает так называемый героический балет, цель которого – «воплотить хореографическими средствами революционное содержание» [Музыкальная культура РСФСР, 1987, с. 41]. В героическом балете воплощались романтизированные мотивы национально-освободительной борьбы [Никитина, 1991, с. 33]. К 15-летию Великой Октябрьской-социалистической революции «Московский комсомолец» объявляет конкурс балетных либретто на те-

матику, идейно близкую новому социалистическому строю. Появляются балеты на историческую революционную тематику, в их числе «Пламя Парижа» Б. В. Асафьева (1932 г.) о событиях Великой Французской революции. Тогда же у А. И. Хачатуряна возникает идея создания балета о восстании Спартака. Спартак был известным революционным образом, «первым революционером» у марксистов, и вдохновлял композитора с юности [Хачатурян, 1980, с. 85]. Большое влияние на Хачатуряна оказал роман Р. Джованьоли «Спартак».

Либретто было написано известным советским либреттистом Н. Д. Волковым, который ранее писал для Асафьева сценарий к «Пламени Парижа». Волков вдохновлялся произведениями Плутарха и Аппиана, считая их наиболее полными источниками по истории восстания Спартака. Либреттист не обратился к роману Р. Джованьоли «Спартак», предпочтя ему исторические источники. У Плутарха Волков заимствовал последовательность событий восстания и трёх героев – Спартака, его супругу (назвав её Фригией), и римского полководца Марка Красса – но для завязки сюжета, следуя законам драматургии, добавил возлюбленную Красса куртизанку Эгину и раба Гармония, который поддается её чарам и предаст Спартака. Основную тему балета Волков охарактеризовал как «борьбу Спартака за свободу, восстание против оков рабства, стремление дать угнетённым народам право на свободную и самостоятельную жизнь» [Волков, 1960, с. 4].

Отметим, что к «Спартаку» с самого начала было особое отношение: балет считался истинно советским, потому что написан советским композитором на революционную тему. Несмотря на то, что Спартак был персонажем античной истории, в событиях древности усматривали параллели с современностью [Ezrahi, 2012, p. 212]. Так, в годы Великой Отечественной войны, когда существовало только либретто, Рим ассоциировался с Третьим Рейхом, а войско рабов под предводительством Спартака – ведущим освободительную борьбу Советским Союзом [Searcy, 2016, p. 366–367]. Впоследствии ассоциации изменились, и Рим олицетворял капиталистический лагерь, а войско Спартака – социалистический. Таким образом, балет продолжал быть рупором пропаганды и в период Холодной войны трансли-

ровал обобщённый образ врага и образ героя-освободителя, но не так подчёркнуто, как в годы Великой Отечественной войны.

Хачатурян собирался приступить к написанию музыки в 1941 г., в начале Великой Отечественной войны, однако сел за создание партитуры только летом 1950 г. В 1950 г. композитор в составе делегации советских деятелей культуры посетил Италию, где вдохновлялся античной архитектурой, скульптурами, фресками. Музыка была дописана в феврале 1954 г. Сочинение Хачатуряна обсуждалось в Союзе композиторов и заслужило самую высокую оценку. Членами Союза подчёркивалась высокая общественная значимость балета, отмечалось, что в «Спартаке» раскрывается тема восстания рабов, продолжается линия революционного балета 1920-х гг. [В союзе композиторов, 1954, с. 147–150]. Первая постановка балета состоялась в Кировском театре в 1956 г. (балетмейстер – Л. В. Якобсон). Она получила освещение в центральных газетах «Правда» и «Известия». Критики хвалили балет за «подлинно интернациональный, героический образ Спартака» [Лукин, Хубов, 1957, с. 4], отмечали, что от музыки «веет революционно-романтическим духом освободительной борьбы» [Богданов-Березовский, 1957, с. 3]. Музыка Хачатуряна получила высочайшую оценку, а хореографические решения Якобсона, напротив, были признаны неудачными: налицо было несоответствие античной пластики Якобсона пышной музыке Хачатуряна. В 1959 г. Хачатурян получил Ленинскую премию за музыку к балету. Спартак первых постановок – атлет античного склада, естественный и простой, сильный и благородный – соответствует сложившемуся канону, основы которого заложены Плутархом, свою значительность в деле освобождения рабов подтверждал прежде всего «соответствующей монументальностью внешнего вида» [Потёмкина, 2018, с. 227].

В 1968 г., к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, свою версию балета представил художественный руководитель Большого театра Ю. Н. Григорович. Балетмейстер выбрал жанр героического эпоса, что определило хореографические решения: активное развитие действия чередуется с монологами главных героев, передающих их переживания. В постановке Григоровича всего 4 главных героя: Красс и Эгина

как олицетворение Рима, и Спартак и Фригия, представляющие рабов. М. Лиёпа, исполнитель партии Марка Красса, отмечал, что Григорович смог остро показать конфликт угнетателей и угнетённых, изменив партию Красса и таким образом противопоставив его Спартаку [Лиёпа, 2011, с. 91].

Григорович значительно переработал либретто: в нём отсутствует Гармодий, хозяин Спартака и других гладиаторов Лентул Батиат, пираты, которые предали Спартака и фактически передали его в руки римлян. Григорович пожертвовал историческими событиями, сосредоточившись на раскрытии персонажей, и отбирал картины под эту цель.

В постановке Григоровича у Спартака 5 монологов, которые показывают развитие героя. В первой картине «Нашествие» он возникает из массы рабов. Его руки скованы цепью, символизирующей рабство. Спартак будто пытается задушить себя этой цепью, показывая, что смерть лучше участи раба, но решает бороться. В следующей картине «Рынок рабов» он бросает первый вызов Риму, протестуя против разлучения его с Фригией (занимающей в хореографических монологах Спартака особое место). Глубокие внутренние переживания Спартака, необходимость выбора между жизнью в любви и смертью за свободу, чувство долга перед «братьями» и окончательный выбор второй путинь отсылают нас к герою Джованьоли. Картина «Оргия у Красса» – ключевая в становлении Спартака. На пиру он участвует в гладиаторских играх и убивает своего друга, после чего побуждает рабов начать восстание. Хореографические фигуры картины «Казарма» напоминают полотна «Клятва Горациев» Ж.-Л. Давида и «Свобода, ведущую народ» Э. Делакруа. В следующей картине «Аппиева дорога» Спартаку вручают красное полотно, которое одновременно является и стягом, и тогой военачальника.

Несмотря на то, что Волков не обращался к роману Р. Джованьоли «Спартак» при составлении либретто, Спартак в постановке Григоровича восходит к нему, что наблюдается и во внешности лидера повстанцев, и в смысловом наполнении героя. Спартак Джованьоли, по выражению лидера Рисорджименто Дж. Гарибальди, «Христос рабов» [Джованьоли, 1985, с. 22], за

что советский писатель В. Г. Ян критиковал данный роман [Янчевецкий, 1989, с. 558]. В своих мемуарах М. Лиёпа упоминает, что Спартаку 33 года [Лиёпа, 2001, с. 93] – возраст Христа, хотя у античных авторов нет указания на возраст предводителя рабов. Спартак убит римскими легионерами, его поднимают на копья, отсылая, вероятно, к распятию Христа. Завершает балет сцена реквиема, напоминающая «Пьету» Микеланджело. Реквием, по мнению композитора Д. Б. Кабалевского – один из высочайших образцов трагедийности в советской музыке [Кабалевский, 1975, с. 26].

Постановка Григоровича вызвала большой резонанс в прессе – статьи о балете открывали журналы «Огонёк», «Театр», «Музыкальная жизнь». Кумиром советских зрителей стал первый исполнитель партии Спартака В. В. Васильев, ныне неотделимый от этой роли. Спартак Григоровича – не только благородный борец за свободу, он «человек страдающий и любящий, а также полководец, герой» [Лепешинская, 1968, с. 16], что близко к образу, созданному Джованьоли. Советский балетмейстер К. Голейзовский отмечал, что Спартак Григоровича наиболее близок и понятен современникам [Голейзовский, 1968, с. 11].

Тон интерпретации балета советским гражданам задавали известные эксперты в области культуры, мнение которых транслировалось в центральной прессе («Правда», «Известия»). Они писали о значимости произведения Хачатуряна как для советского искусства, так и для советской идентичности. Однако балет, несмотря на его демократизацию в 1920-е гг., продолжал оставаться элитарным искусством и представлял восстание Спартака приёмами, понятными только искущённому зрителю. По мнению Е. А. Чиглинцева, основной формой трансляции образа Спартака советским гражданам оставалась художественная литература [Чиглинцев, 2008, с. 212]. На наш взгляд, помимо литературы, более приближённым к обывателю был также фильм-балет 1975 г., транслируемый по телевидению, в котором благодаря монтажу более понятно выражен конфликт и показаны ключевые моменты сюжета.

Постановка Григоровича стала инструментом культурной дипломатии СССР. Большой театр гастролировал в социалистиче-

ских и капиталистических странах, и везде балет имел большой успех. «Спартак» демонстрировал вершину советского искусства. В 1975 г. киностудия «Мосфильм» сняла фильм-балет «Спартак». В СССР он вышел в прокат в 1977 г., в 1979 г. – в США. Среди стран-прокатчиков были также Аргентина, Бразилия, Германия, Греция, Финляндия, Швеция, Япония [Спартак].

Балет «Спартак» в постановке Ю. Н. Григоровича, приуроченный к пятидесятилетию Октябрьской революции, стал знаковым спектаклем эпохи. Хореограф изменил первоначальное либретто, дополнил образ Спартака эмоциональной составляющей, выраженной в монологах героя, и добавил отсылки к герою знаменитого романа Джованьоли. В этом, на наш взгляд, и состоит одна из главных причин успеха постановки. Балет стал апофеозом репрезентации образа Спартака в советской культуре, вошёл в программу мировых гастролей, демонстрировал советскому и зарубежному зрителю истоки революционной традиции большевиков.

Библиографический список

1. Спартак: сайт. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0177245/> (дата обращения: 06.03.2023)
2. Богданов-Березовский В. Героический балет // Известия. 1957. 5 января. С. 3.
3. В союзе композиторов // Советская музыка. 1954. № 8. С. 147–150.
4. Волков Н. Д. От автора либретто // Спартак. Балет в 4 действиях, 9 картинах. Музгиз, 1960. С. 4.
5. Голейзовский К. Почерк художника // Театр. 1968. № 7. С. 10–14.
6. Джованьоли Р. Спартак: Роман / пер. с итал. А. Ясной; Предисл. С. Л. Утченко; Рис. Л. Фалина. Москва : Дет. лит., 1985. 622 с.
7. Кабалевский Д. Трижды богатый // Арам Ильич Хачатурян: сборник статей. Москва : Советский композитор, 1975. С. 26.
8. Лепешинская О. Необыкновенный балет // Огонёк. 1968. № 24. С. 16–17.

9. Лиёпа М. Я хочу танцевать сто лет. Москва : АСТ-ПРЕСС книга, 2011. 344 с.
10. Лукин Ю., Хубов Г. Спартак // Правда. 1957. 17 февр. С. 4.
11. Никитина Л. Д. Советская музыка. История и повседневность. Москва : Музыка, 1991. 278 с.
12. Потемкина С. Б. «Спартак» на сцене и за кулисами Большого театра. Москва : Прогресс-Традиция, 2018. 280 с., ил.
13. Потемкина С. Б. Особенности сценарной драматургии балета 1930-1960 гг.: на материале истории создания балета «Спартак». Москва, 2013. 26 с.
14. Ревякина А. А. Социалистический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под. ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. Москва : НПК «Интелвак», 2001. Стб. 1011–1014.
15. Тараканов М. Е. Музыкальная культура РСФСР. Москва : Музыка, 1987. 365 с.
16. Хачатурян А. Статьи и воспоминания. Москва : Советский композитор, 1980. 424 с.
17. Чиглинецв Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. 290 с.
18. Янчевецкий М. В. От составителя // Ян В. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. Москва : Правда, 1989. С. 555–559.
19. Ezrahi C. Swans of the Kremlin. Ballet and Power in Soviet Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2012. 322 p.
20. Searcy A. The Recomposition of Aram Khachaturian's *Spartacus* at the Bolshoi Theater, 1958–1968 // The Journal of Musicology. Vol. 33, No. 3. 2016. P. 362–400.

М. С. Кищенко

***Национальная политика и национальные движения
в СССР в 1953–1991 гг.: в оценке отечественной
историографии***

В данной статье рассматривается изучение в отечественной историографии проблематики национальной политики и национальных движений в СССР в 1953–1991 гг. В советской историографии все национальные проблемы считались решенными, а проводившаяся национальная политика считалась единственно правильной. Напротив, в постсоветский период исследователи обратили внимание на изучение проблем и противоречий национальной политики, имевшихся межнациональных конфликтов и национальных движений.

Ключевые слова: национальная политика; национальные движения; историография; история СССР; этнические конфликты.

M. S. Kishchenkov

***National policy and national movements in the USSR
in 1953–1991: in the assessment of national historiography***

This article discusses the study of the problems of national politics and national movements in the USSR in 1953–1991 in Russian historiography. Having studied the approach to this topic in the Soviet period, it can be stated that all national problems were considered resolved, and the national policy pursued was considered the only correct one. On the contrary, in the post-Soviet period, researchers paid attention to the study of the problems and contradictions of national politics, existing interethnic conflicts and national movements.

Key words: national policy; national movements; historiography; Soviet history; ethnical conflict.

Данная статья посвящена изучению национальной политики и национальных движений в СССР в период 1953–1991 гг. в отечественной историографии. Стоит отметить, что каких-либо работ, анализирующих непосредственно историографию этой проблемы, практически нет. Следовательно, представляется актуальным охарактеризовать основные направления и исследования в этой сфере.

Проблематика изучения межнациональных отношений и национальной политики в СССР в различные периоды его существования стала формироваться, по сути, уже в советское время. Советская историография уделяла достаточно серьезное внимание таким аспектам, как проблемы развития языка, культуры, образования и быта советских народов и национальных меньшинств. Активно развивалось изучение различных этносов в контексте их этнографических и лингвистических особенностей, культурного развития, демографических процессов и перехода от традиционного образа жизни к индустриальному (социалистическому). Другое дело, что все эти труды носили идеологизированный характер, в равной мере испытывая влияние советской политической системы и учитывая последние решения партийных съездов и пленумов.

Так или иначе, все работы по национальному вопросу в СССР исходили из того, что он полностью и окончательно решен, отсутствуют любые межнациональные конфликты и напряженность, а советская национальная политика единственно правильная. Исходя из этого, изучению подвергались те процессы, которые вели к расцвету национальных культур, сближению всех народов СССР и формированию краеугольного камня государства – многонационального советского народа. Характерны названия научных работ периода 1950–1980-х гг. [Дробижева, 1981, Маланчук, 1972, Хакимов, 1980].

В них подчеркивается дружба народов, отсутствие каких-либо серьезных проблем в сфере межнациональных отношений (например, языковых) и укрепление курса на дальнейшее строительство социализма как единственного строя, способного решить межнациональные противоречия. Миграционные процессы

преподносились как нечто позитивное, способствующее только сближению народов и культур, стиранию границ между национальностями, формированию единого народа. Миграция сводилась к понятию интернационализма как особенного качества советского народа (Холмогоров, 1970).

Большое внимание советскими демографами, историками, социологами уделялось исследованию понятий нация, национальность, народ в контексте советской идеологии и партийных установок. Активно исследовался национальный состав населения различных регионов СССР (как союзного, так и регионального уровня) в аспекте демографических и социальных процессов, часто в исторической ретроспективе.

При этом в каждой союзной и автономной республике формировалась своя собственная историография развития межнациональных отношений, как правило, сходная в своих идеологических установках с общесоюзной. В частности, в ней подчеркивалось, что нахождение в составе СССР самым позитивным образом сказывалось на развитии данного конкретного народа [Шермухамедов, 1974; Социологические... 1979]. Таким образом, советская историография накопила серьезный фактический материал, ценность которого, однако, ограничена идеологическими аспектами и партийной цензурой.

Начало Перестройки и переход к плюрализму, в том числе и в исторической науке, серьезно поменяли и идеологические установки исследователей, и проблематику работ, способствовало введению в научный оборот новых источников, в том числе архивных [Пиценко, 2009, с. 5]. Данные тенденции развития отечественной историографии имели продолжение и после распада СССР.

С одной стороны, продолжились исследования национальной политики в СССР на общесоюзном уровне. Так, А. П. Мякшев [Мякшев, 2004] анализирует роль советских органов власти в формировании национальной политики, включенность представителей региональных элит в ее реализацию, влияние высших органов власти на эти процессы. С другой стороны, с 1990-ых гг. наметился своеобразный бум в историографии, касающийся

изучения как народов имевших свою автономию или государственность в рамках советской системы, так и оказывавшихся вне рамок своей государственности, на положении полноценного национального меньшинства [Алпатов, 2010, Бугай, 2014, Цай, 2000]. При этом активное внимание, в противовес советской эпохе, стали уделять не дружбе народов, интернационализму, а напротив, межнациональным конфликтам и столкновениям. Исследователи пытались комплексно представить имевшие место в реальности процессы, выделить не только общее, но и особенное в развитии народов [Ахметова, 2013]. В этнических республиках, входящих в состав РФ, постепенно формируются собственные историографии истории титульного этноса, включая и советский период.

Введение в научный оборот новых архивных источников позволило по-новому взглянуть на многие процессы, в том числе и в период позднего СССР. Так, в работе В. Козлова [Козлов, 2010] активно изучается переплетение национальных, социальных и политических противоречий в позднесоветском обществе, отмечается, что межнациональные конфликты были связаны с социально-экономическими, иногда столь тесно, что трудно отличить один от другого.

Большое количество работ посвящено сталинским репрессиям в отношении национальных меньшинств, депортированным народам и их возвращению на историческую родину [Степанов, 2010]. Наиболее авторитетным в этом поле является В. Н. Бугай, автор множества научных работ, посвященных репрессированным этносам и их дальнейшей адаптации в период позднего СССР [Бугай, 2014].

Концептуализации этнической ситуации в СССР посвящена статья Е. Ю. Зубковой, где она отмечает, что «выделить в них этническую компоненту в „чистом виде” практически невозможно. Чаще всего мы имеем дело с „этническим камуфляжем” противоречий, имеющих иную природу: экономическую, политическую, социальную или даже психологическую» [Зубкова, 2004, с. 30].

Отдельным полем историографического ландшафта выступила борьба советских партийных и государственных органов с различными национальными движениями, в частности, с украинским, прибалтийским и прочими. В. И. Бакланов приходит к выводу, что национальные движения были активны в большинстве национальных регионов СССР, но при этом сыграть значимую роль во внутренней политике в период до 1985 г. они не смогли. С помощью репрессивного аппарата центральная власть держала ситуацию под контролем, но начало Перестройки привело к новому подъему национальных движений [Бакланов, 1999].

В статье А. С. Степанова автор приходит к выводу о подавлении, но не ликвидации национальных движений в СССР и уходе их в эпоху «оттепели» в подполье и диссидентское движение, переход от активных форм борьбы к пассивному сопротивлению советской власти [Степанов, 2015].

Еврейскому движению в СССР посвящены работы Г. В. Костырченко [Костырченко, 2012]. В них автор анализирует этапы еврейского движения в СССР, его цели и методы противодействия властям, а также государственную политику по отношению к еврейскому населению. В итоге историк приходит к выводу о двойственном положении еврейского населения СССР и предельно осторожном подходе к нему со стороны властей, пытавшихся сочетать как силовые, так и прагматические действия.

Отдельный аспект темы – это отношение собственного русского народа к иным национальностям, процесс формирования русского национального движения в позднесоветский период. Так, монография Н. Митрохина [Митрохин, 2003], стала одной из первых, где исследуется положение русских националистов в 1950–1980-ые гг., их взгляд на национальную политику, причины и следствия этнической ксенофобии, существовавшей в СССР. В сфере изучения межнациональных отношений выделяются работы В. А. Тишкова по вопросам национального сознания, аспектам взаимодействий различных этносов [Тишков, 2013].

Стоит указать сюжеты, посвященные взаимодействию населения СССР с гражданами иностранных государств, как капиталистических, так и социалистических, оказавшимися на территории страны в качестве туристов, приглашенных специалистов, представителей различных делегаций и по учебным целям. Данные контакты, хоть и признавались необходимыми, были под пристальным вниманием партийных органов и органов госбезопасности, пытавшихся пресекать возможное распространение антисоветских настроений, помощь диссидентам, а также нелегальную теневую экономику.

Подводя итоги, отметим, что за последние десятилетия сложились историографические направления в изучении межнациональных взаимоотношений и национальной политики в СССР в 1953–1991 гг. Наиболее перспективным для дальнейшего исследования является изучение различных национальных движений (в том числе русского), этнических конфликтов, участие представителей национальных меньшинств в теневой экономике позднесоветского периода. Представляется также интересным изучить включенность представителей иностранных государств, находившихся на территории СССР, в советское общество и их взаимодействие с населением и властями.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва : КРАФТ, 2000. 224 с.
2. Ахметова А. В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных и малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985). Владивосток : Дальнаука, 2013. 168 с.
3. Бакланов В. И. Национальные движения в СССР : 1953–1985 гг. Москва, 1999. 16 с.
4. Бугай Н. Ф. Российские корейцы: перемены, приоритеты, перспектива. Москва : Аквариус, 2014. 456 с.
5. Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Москва : Мысль, 1981. 263 с.

6. Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР в 1953–1985 гг. // Российская история. 2004. № 4. С. 3–32.

7. Козлов В. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. (1953 – начало 1980-х гг.). Москва : РОССПЭН, 2010. 462 с.

8. Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. Москва : Международные отношения, 2012. 521 с.

9. Маланчук В. Е. Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. Москва : Высшая школа, 1972. 293 с.

10. Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985. Москва : Новое литературное обозрение, 2003. 329 с.

11. Мякшев А. П. Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР в 1945–1991 гг. Саратов, 2004. 49 с.

12. Осипов А. Г. Российский опыт этнической дискриминации. Месхетинцы в Краснодарском крае. Москва : Звенья, 1999. 222 с.

13. Пиценко О. В. Исторический опыт реализации государственной политики Российской Федерации в сфере межнациональных отношений в 1985–1991 гг. Саратов, 2009. 24 с.

14. Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллинн : Периодика, 1979. 128 с.

15. Степанов А. С. Государственная власть в СССР и проблемы борьбы с национализмом // Труды института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 276–292.

16. Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан : Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2010. 112 с.

17. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва : РАН, 2013. 648 с.

18. Хакимов М. Х. Партия и советская национальная государственность (Руководство КПСС созданием и развитием со-

ветской государственности народов Средней Азии и Казахстана). Ташкент : Узбекистан, 1980. 131 с.

19. Цай В. И. Национальная политика и межнациональные отношения в советском обществе, 1953–1991 гг.: эффективность, проблемы, противоречия. Москва, 2000. 147 с.

20. Шермухамедов С. Расцвет и сближение национальных культур народов СССР. Москва : Мысль, 1974. 252 с.

УДК 908

И. В. Шамонин

Обслуживание легковых автомобилей в Ярославле в конце 1980-х-начале 1990-х гг.: повседневные практики

В данной статье рассматриваются вопросы обслуживания автомобилей в постперестроечный и постсоветский период на примере Ярославской области. Междисциплинарная связь технической и культурной истории позволяет дополнить понимание истории повседневности в период социальных трансформаций конца 1980-х – начала 1990-х. Призма региональной специфики дает возможность выявить специфику ситуации в провинции. Материалами исследования выступили периодическая печать и биографические интервью

Ключевые слова: постсоветское пространство; мобильность; история техники; история повседневности; Ярославская область.

I. V. Shamonin

Maintenance of passenger cars in Yaroslavl in the late 1980s and early 1990s: everyday practices

This article deals with the issues of car maintenance in the post-perestroika and post-Soviet period using the example of the Yaroslavl region. The interdisciplinary connection between technical and cultural history allows us to supplement our understanding of the history of everyday life during the period of social transformation in the late 1980s and early 1990s. The prism of regional specificity makes it

possible to identify the specifics of the situation in the province. The material for this study consists of periodicals and biographical interviews.

Key words: post-Soviet space; mobility; history of technology; history of everyday life; Yaroslavl region.

На протяжении всего существования СССР автомобилисты, которые владели частным транспортом, в ходе эксплуатации транспортного средства сталкивались с различными проблемами, такими как текущее обслуживание, поиск деталей и ремонт тех или иных систем. В первую очередь это связано с социально-экономической реальностью, которая господствовала в стране [Тройчун, 2018]. Ввиду того, что в СССР существовала административно-командная (плановая) экономика, возникали существенные ограничения в рамках производства, касавшиеся количества производимой продукции, ее качества, обновления и разнообразия. Подобная ситуация сложилась во многих сферах, в том числе и в автомобильной промышленности, которая выпускала в недостаточном количестве не только легковой транспорт, но и запасные части различной сложности [Кононенко; Ярская-Смирнова, 2009]. Отсюда возникал серьезный дефицит товаров, который вызывал проблемы с эксплуатацией. В первую очередь, они были связаны с тем, что нехватка автозапчастей не позволяла выполнять качественный ремонт автомобиля, это приводило к ухудшению технического состояния транспортного средства.

Автомобилисты были вынуждены заниматься поиском необходимых деталей, в том числе с привлечением людей, которые обладали доступом (например, в таксопарках) к ним или необходимыми социальными контактами, так называемым «блатом» [Леденева, 1997]. Кроме того, распространенным явлением являлось обращение к спекулянтам, которые продавали товар по завышенной цене [Трофимов; Вельбой, 2007]. В иных ситуациях автолюбители обращались к мастерам в гаражных кооперативах, которые занимались подпольным производством запчастей или восстановлением вышедших из строя. Изделия могли обладать более низким качеством, но наличие спроса позволяло суще-

ствовать подобной предпринимательской деятельности, которая в СССР считалась незаконной [Андрюхин, 2010].

Данное явление было характерно и для Ярославля эпохи социально-экономических преобразований. Например, по воспоминаниям автолюбителей, найти необходимые запчасти можно было либо в различных автопарках, либо на стихийных рынках, таких как в поселке Коровники Фрунзенского района, так как специализированные магазины начали появляться только с 1991 г. В случае с эксплуатацией автомобилей иностранного производства, что являлось нечастым явлением, дела обстояли гораздо хуже, так как запчасти были недоступны, а автомобили-доноры были чрезвычайно редким явлением. Это приводило к тому, что эксплуатация транспортного средства становилась ограниченной по времени [Кто покупал...].

Второй проблемой, которая преследовала частных автомобилистов, являлся уровень доступности сервиса, как дорожного, так и технического. Например, в 1980-е гг. была низкая плотность автозаправочных станций, что могло вызвать затруднения в ходе длительных поездок, а также фактическое отсутствие станций технического обслуживания [Твердюкова, 2018]. В отличие от настоящего времени, в СССР до 1970 г. отсутствовали узкоспециализированные технические сервисы, которые обслуживали автомобили представительства конкретной марки. Лишь с началом работы Волжского автомобильного завода подобные центры появились, но при этом их количество было крайне малым (310 станций технического обслуживания автомобилей марки ВАЗ), а уровень обслуживания оставлял желать лучшего, т. к. и они испытывали трудности из-за дефицита запчастей и комплектующих для полноценного ремонта транспортного средства [Смех и слезы...]. Советским автолюбителям приходилось в данной ситуации снова прибегать к тем же самым алгоритмам, которые действовали по отношению к запчастям: обращаться в автопарки, гаражи, к опытным автовладельцам или же прибегать к самостоятельному ремонту. Как правило, последние два метода были наиболее популярными, но и они имели свои недостатки, которые выражались в большой трате времени, средств, что порой могло приводить к таким социальным последствиям, как

проблемы в семье, на работе и пр. Кроме того, подобная практика в условиях советского дефицита могла ухудшить ситуацию, т. к. качество такого обслуживания не всегда являлось высоким. Тем не менее, простота советских автомобилей и элементарные познания в автомобиле в таких ситуациях являлись зачастую безвыходной альтернативой профессиональному сервису.

Ситуация кардинально изменится в конце 1980–начале 1990-х гг. в связи с трансформациями в социально-экономической сфере. Несмотря на ряд трудностей, которые испытывало общество, трансформации позволили появиться на свет предпринимательской деятельности, связанной с обслуживанием автомобиля и продажей запчастей. Об этом свидетельствуют как воспоминания автолюбителей, так и региональные периодические издания, в которых нередко публиковались коммерческие объявления с целью рекламы и информирования населения как о существовании той или иной организации, так и о возможностях, которые она способна предоставить.

Отличительным примером является региональная газета «Северный край», в которой чаще всего публиковались подобные сообщения. Например, в номере от 7 апреля 1992 г. в одном из объявлений говорится о продаже лакокрасочных изделий для покраски автомобилей в АО «ЯрЛАДАсервис» и в магазине завода «Победа рабочих», что свидетельствует о расширении возможностей для косметического ремонта транспорта самими автолюбителями [Нашу продукцию..., 1992]. Кроме того, встречаются публикации с рекламой станций технического обслуживания, как, например, в публикации от 1 декабря 1992 г., в которой АО «Рос-сарт» предлагает услуги техобслуживания на территории Толгского монастыря [АО «РОС-САРТ, 1992]. Это также свидетельствует о том, что в Ярославле появляются предприятия, которые предоставляют новые возможности в рамках эксплуатации.

Автолюбители Ярославля получили возможность устанавливать дополнительное оборудование и элементы. В качестве такого примера можно привести выпуск «Северного края» от 17 июля 1993 г., где в одном из объявлений предлагается приобрести шины и аккумуляторы, что, по данным проведенного нами

интервью, в советское время являлось дефицитным товаром. В объявлении в газете от 29 июля того же года для автовладельцев автомобилей серии «Лада Спутник» (ВАЗ 2108, 2109, 21099) предлагается приобрести молдинги — декоративные пластиковые элементы для украшения транспортного средства, что в советское время также являлось большой редкостью, в том числе и для серийных машин, которые эпизодически могли лишаться тех или иных внешних элементов [Организация предлагает..., 1993]. Одним из самых примечательных объявлений было опубликовано от 9 января 1992 г. В объявлении автовладельцам предлагается приобретение и установка автомобильной противоугонной сигнализацией, а также перцовый баллончик «для задержания преступника» [Ваш партнер..., 1992]. Объявления подобного характера могут привести к выводу о том, что подобные товары и услуги были актуальны в связи с ростом угонов автотранспортных средств или же краж каких-либо элементов (аккумуляторных батарей, колес, дворников и прочего). В свою очередь, приобретение подобных специальных средств являлось дорогостоящей покупкой, и, как правило, автовладельцы прибегали к другим методам, среди которых внедрение «секретов», ловушек, снятие каких-либо элементов или хранение в гараже, что в теории также могло усложнить задачу для угонщиков или воров.

Большие сложности вызывали приобретение и эксплуатация автомобилей иностранного производства, за исключением произведенных в странах социалистического лагеря. Это было связано с отсутствием доступа к запчастям, а также с большой вероятностью отсутствием опыта обслуживания подобных транспортных средств. Тем не менее, в 1990-е гг. в СССР и в РФ начали поступать в немалом количестве автомобили иностранного производства. В Европейской части России, в частности, Ярославской области, как правило, поступали марки европейского, реже — американского производства, такие как Volkswagen, Opel, Audi, реже — BMW и Mercedes-Benz и пр. Кроме того, встречались и автомобили японского производства, которые перегонялись из Дальнего Востока. Вместе с транспортными средствами поступали и запчасти для их обслуживания, что значительно упрощало обслуживание иномарок.

Что касается Ярославля, то в газетных публикациях стали появляться объявления о покупке и продаже подобных автомобилей. Особое внимание привлекает объявление в «Северном крае» от 27 ноября 1993 г., в котором крупным планом было опубликовано объявление дилерского центра автомобилей Mercedes-Benz, где предлагалось приобретение или заказ автомобиля, а также его сервисное и гарантийное обслуживание. Необходимо отметить, что в той же газете, но за 1 декабря 1992 г., в статье «Мерседесом – по бездорожью...» Ю. Барышева уже говорилось об открытии выставки-продажи автомобилей данной марки [Барышев, 1992]. В этой же статье автор задается вопросом о том, для кого создана подобная выставка, так как цены на данную марку были недостижимыми для подавляющего числа ярославцев. Как правило, подобные автомобили могли позволить состоятельные люди, среди которых были и представители криминального мира. В частности, в «Северном крае» № 102 за декабрь на первой полосе была опубликована за тем же автором статья «Тайна Мерседеса-500», в которой говорилось о задержании банды вымогателей сотрудниками органов внутренних дел [Барышев, 1992]. С одной стороны, подобные публикации позволяют получить представления о том, кто мог предпочитать подобные автомобили. С другой стороны, можно предположить, что таким образом могла осуществляться скрытая реклама, с помощью которой можно было привлечь внимание потенциальных приобретателей, желающих вместе с машиной получить, либо подчеркнуть новый или уже существующий социальный статус. Тем не менее, факт появления дилерского центра иностранной марки в Ярославле является примечательным и отображает развитие автомобильного бизнеса в регионе.

Если сравнить положение автомобилистов советского времени и эпохи социально-экономических трансформаций, то можно сделать вывод о том, что в каждое время имелась своя специфика эксплуатации. В первом случае владельцам частных автомобилей в актуальной экономической реальности приходилось прибегать к различным ухищрениям для поиска запчастей и возможностей обслуживания транспортного средства, что в свою очередь приводило и к развитию теневого рынка. Что каса-

ется эпохи конца 1980–начала 1990-х гг., то здесь возникает иная ситуация. Для автомобилистов расширяются возможности обслуживания транспорта, приобретения дополнительного оборудования и аксессуаров, в том числе и для владельцев машин иностранного производства. Но при этом социально-экономическая ситуация создавала сложности не только в плане обслуживания транспортного средства, но и для самой жизни.

Библиографический список

1. Андрюхин Е. А. Неофициальное предпринимательство в СССР в 60-80-х гг. XX в // Известия АлтГУ. 2010. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neofitsialnoe-predprinimatelstvo-v-sssr-v-60-80-h-gg-xx-v> (дата обращения: 26.02.2023);
2. АО «РОС-САРТ» // Северный край. 1992. № 182. С. 6.
3. Барышев Ю. Мерседесом – по бездорожью... // Северный край. 1992. № 192. С. 3.
4. Барышев. Ю. Тайна Мерседеса-500 // Северный край. 1992. № 192. С. 1.
5. Ваш партнер предлагает // Северный край. 1992. № 4. С. 6.
6. Кононенко Р. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Автомобиль – не роскошь, а средство десоветизации. Рецензия на книгу Льюиса Зигельбаума «Машина для товарищей. Жизнь советского автомобиля» (Siegelbaum L. Cars for comrades. The life of the Soviet automobile. Ithaca, ny: Cornell University Press, 2008) // Социологический журнал. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomobil-ne-roskosh-a-sredstvo-desovetizatsii-retsenziya-na-knigu-lyuisa-zigelbauma-mashina-dlya-tovarishey-zhizn-sovetskogo> (дата обращения: 27.02.2023).
7. Кто покупал иномарки в СССР: народная дипломатия // Сайт «За рулем». URL: <https://www.zr.ru/content/articles/906441-inomarki-v-sssr-narodnaya-dipl/> (дата обращения: 04.03.2023).
8. Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Мир России. Социология. Этнология. 1997. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnye-svyazi-i-neformalnye-soobschestva-transformatsiya-blata-v-postsovetskom-obschestve> (дата обращения: 03.03.2023).

9. Нашу продукцию можно приобрести в магазинах // Северный край. 1992. № 61. С. 6.

10. Организация предлагает к реализации // Северный край. 1993. № 100. С. 6.

11. Смех и слезы: как в СССР ремонтировали автомобили без запчастей и сервиса. Сайт «За рулем». URL: <https://zr.ru.turbopages.org/zr.ru/s/content/articles/932998-smekh-i-slezy-kak-remontiroval/> (дата обращения: 02.03.2023).

12. Твердюкова Е. Д. Антисервис: личный автомобиль и его техническое обслуживание в СССР (1960-е–1980-е гг.) // НИР. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiservis-lichnyy-avtomobil-i-ego-tehnicheskoe-obsluzhivanie-v-sssr-1960-e-1980-e-gg> (дата обращения: 04.03.2023).

13. Тройчун К. А. Дефицит 1980-х годов и практики по его преодолению // Вестник НАСА. 2018. № 1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/defitsit1980-h-godov-i-praktiki-po-ego-preodoleniyu> (дата обращения: 28.02.2023).

14. Трофимов А. В., Вельбой М. А. Проблема товарного дефицита в СССР 1980-х годов в современной историографии // Journal of new economy. 2007. № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tovarnogo-defitsita-v-sssr-1980-h-godov-v-sovremennoy-istoriografii> (дата обращения: 04.03.2023).

УДК 273.99

В. Ю. Рябов

Христианский эсхатологический алармизм как историко-культурный феномен: теоретические аспекты проблемы

Статья посвящена исследованию теоретических аспектов феномена христианского эсхатологического алармизма. Выявляются общие тенденции развития алармистской мысли и основные концепты, легшие в их основу. Эсхатологический алармизм является неоднородным религиозным феноменом. Подстраиваясь под внешние изменчивые события, он также отражает этно-

конфессиональные особенности региона. Историографический анализ показывает многогранность изучения явления и недостаточное осмысление алармизма в современной науке.

Ключевые слова: эсхатологический алармизм; конец света; пророчество; ИНН; народное христианство.

V. Y. Ryabov

Christian eschatological alarmism as a historical and cultural phenomenon: theoretical aspects of the problem.

The article is devoted to the study of theoretical aspects of the phenomenon of christian eschatological alarmism. It reveals general trends in the development of alarmist thought and the main concepts that formed their basis. Eschatological alarmism is a heterogeneous religious phenomenon. Adjusting to external changing events, it also reflects the ethno-confessional peculiarities of the region. The historiographical analysis shows the multifaceted nature of the phenomenon and the lack of comprehension of alarmism in modern science.

Key words: eschatological alarmism; end of the world; prophecy; INN; folk Christianity.

Эсхатологические ожидания актуальны для христиан со времен создания Церкви и до сегодняшнего дня. Проблема Страшного суда и посмертной участи человека приводит к появлению страха перед грядущими апокалиптическими событиями. С сер. XX в. в мире начинается процесс цифровизации и компьютеризации жизнедеятельности человека. В религиозной среде штрих-коды, ИНН и микрочипы рассматриваются некоторыми верующими людьми как маркеры, фиксирующие скорое пришествие антихриста в мир. Они ассоциируют цифровые и технические нововведения с действиями по подготовке воцарения лжемессии в мире.

Христианский эсхатологический алармизм представляет собой религиозные взгляды панически настроенных групп христиан, объединенных общей целью борьбы с пришествием антихриста в мир посредством противостояния современным техническим, социальным и церковным нововведениям. «Алармизм –

умонастроение, характеризующееся тревогой, представлением будущего человечества или отдельной страны в крайне пессимистических тонах, требование срочных, обязательно чрезвычайных, меняющихся сложившийся уклад действий, чтобы остановить или задержать катастрофу» [Большая актуальная политическая энциклопедия, 2009, с. 3]. Явление эсхатологического алармизма неоднородно и представляет собой различные концепты, имеющие свои этноконфессиональные особенности.

Концептуальным ядром данного феномена являются труды Мэри Рэлф. Она впервые ставит проблему соотношения эсхатологии и внедрения цифровых технологий в современном обществе в начале 1980-ых гг. В основе ее нарратива лежат откровения, полученные ею и адептами ее религиозной организации в результате экзальтационных практик. Согласно ее представлениям, штрих-коды и личные номера содержат в себе число 666, персонифицированное с сатаной и антихристом. Принимая или соглашаясь с его наличием у себя, человек предает христианскую веру и становится причастным строительству мира антихриста [Relfe, 1982; Relfe, 1981].

Еще одним основанием общего алармистского дискурса является отождествление микрочипов и печати Антихриста, описанной в новозаветной книге Апокалипсис. Вживление микрочипов рассматривается как добровольное принятие начертания Антихриста и отречение от Христа. Следует отметить особую популярность данных идей в алармистском сообществе. Причиной аккумуляции этих идей в социуме можно назвать религиозную безграмотность населения, поверхностные знания о вероучении христианской церкви [Прилуцкий, 2018, с. 195–203].

Исследования можно поделить на несколько направлений: апологетические теологические, культурологические и исторические труды.

Обращаясь к историографии теологических исследований, следует отметить, что одним из первых проблему эсхатологического алармизма поднял М. Каламарас, епископ Элладской церкви в 1997 г. Будучи ранее подверженным влиянию эсхатологического алармистского учения, автор полемизирует с Рэлф, основываясь на предании Церкви и святоотеческих толкованиях.

Для нее источником рассуждений о конце мира стало откровение, данное от Бога. Каламарас, обращаясь к духовному опыту Церкви отмечает сатанинскую природу подобного харизматического состояния. Откровения, полученные Рэлф, он сравнивает с тем, что в христианской традиции называется прелестью. Он выделяет основные темы, рассматриваемые алармистами: определение термина Антихрист, время его пришествия и соотнесение его деятельности с цифровыми и техническими нововведениями; печать антихриста в православном предании; число 666 и имя антихриста [Каламарас, 2001].

А. Кураев продолжает мысль Каламараса, однако он апеллирует к существованию эсхатологического алармизма в обыденном сознании. Аргументируя против основных идеологем панически настроенных христиан, автор отмечает невозможность отождествления современных цифровых технологий с печатью антихриста. Более того, источником этих идей автор признает деструктивное мышление христианских маргиналов. Автором поднимается вопрос о роли России в алармистском эсхатологическом дискурсе. Кураев соглашается с мыслью, что Россия является оплотом православия в мире, однако он отмечает религиозный кризис в стране и тенденцию ухода к церковной апостасийности [Кураев, 2003].

П. Сержантов рассматривает эсхатологический алармизм как продукт харизматического явления в христианстве. Современные пророчества представляют собой результат экзальтационных практик, имеющих в своей основе сектантские корни. Противопоставляя харизматический опыт христианской Церкви и современного харизматизма, Сержантов приходит к выводу о ложности полученных откровений. Он уравнивает сектантские практики получения откровения с православными пророчествами, полученными в состоянии прелести [Сержантов, 21.02.2023].

А. М. Прилуцкий в своих работах определял эсхатологический алармизм как продукт религиозных народных мифологем. Народное христианство становится причиной развития и аккумуляции современных алармистских концептов. В его рамках формируется представление о тайных мировых организациях, готовящих пришествие антихриста в мир, о мировом правитель-

стве и конспирологических заговорах. Идея национального возрождения России синтезируется с эсхатологическими алармистскими положениями. Автор выделяет направления панической эсхатологической мысли на примере разных форм восприятия антихриста: «а) онтологические уровни: антихрист мифологический...; антихрист политический ...; антихрист апостасийный...; б) атрибутивные уровни: антихрист информационный...; антихрист технологический...; антихрист социальный» [Прилуцкий, 2018, с. 199]. Прилуцкий отмечает, что в рамках эсхатологического алармизма развивается движение непоминающих. Он выделяет проблему противопоставления общин непоминающих официальной Церкви. Восприятие Церковью различных цифровых и технических нововведений рассматривается, как предательство христианской веры. Церковь, по их мнению, становится апостасийной. Одной из главных причин аккумуляции данных идей становится безграмотность и неопытность прихожан.

Культурологическая и историческая трактовка феномена эсхатологического алармизма представлена исследованием В. А. Шнирельмана. Он рассматривает явление антисемитизма в эсхатологическом алармистском ключе и представляет его как пример религиозной ксенофобии. Шнирельман воспринимает эсхатологический алармизм как продукт политических и социальных потрясений в стране. Будучи исследователем политической истории, он отмечает механизмы работы политической эсхатологии в постсоветский период [Шнирельман, 2017]. «Первый аспект: заимствованные из эмигрантской религиозной историософии интерпретационные схемы стали использоваться для осмысления событий смены политического и идеологического режима в СССР. Второй аспект: одним из основных методов «работы с эмпирическим материалом» в этом контексте стало обнаружение «духовных смыслов», которые, впрочем, сводились к тому, что в авторитарной (в идеале – монархической) форме управления Россией виделся инструмент Божьего попечения о спасении избранных в условиях воцарения Антихриста» [Штырков, 2018, с. 193–212].

В. Э. Багдасарян и С. И. Реснянский связывают формирование эсхатологических концептов с процессом социальных

трансформаций. Делая экскурс в историю, они определяют связь проблемы эсхатологии с религиозной культурой. В результате исторического анализа они приходят к выводу, что эсхатологическая мысль характерна не только для религиозного, но и для секулярного общества. Причиной аккумуляции алармистских идей о конце мира в России они называют социальные потрясения в стране. Именно они спровоцировали появление и рост новейших эсхатологических концептов [Багдасарян, 2016, с. 115–138].

Таким образом, христианский эсхатологический алармизм представляет собой неоднородное явление, изменчивое в зависимости от социальных и политических ситуаций. В основе общего эсхатологического алармистского дискурса лежат проблемы штрих-кодов и личных номеров, содержащих в себе 666. Принятие их верующим человеком расценивается, как предательство веры и отрешение человека от причастности делу спасения. Вживление микрочипов человеку расценивается как добровольное принятие печати антихриста. Тем самым верующий человек предает Христа и становится последователем антихриста. Историография была поделена на теологические апологетические исследования, культурологические и исторические труды. В результате ее анализа следует сделать вывод о недостаточной изученности в современной науке этого феномена как историко-культурного по своей природе

Библиографический список

1. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. Москва : Эксмо, 2009. С. 3. URL: https://docs.google.com/gview?url=https://www.phantastike.com/philosophy/most_encyclopedia/doc/ (дата обращения: 24.02.2023).

2. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Эсхатологические представления в России в дискурсе постсоветских трансформаций // Вестник РУДН. История России. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eshatologicheskie-predstavleniya-v-rossii-v-diskurse-postsovetskih-transformatsiy> (дата обращения: 22.02.2023).

3. Каламарас М. Печать антихриста в Православном Предании. Москва : Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2001. 38 с.

4. Кураев А. Христианство на пределе истории. О нашем поражении. Москва : Паломник, 2003. 848 с.

5. Прилуцкий А. М. Алармистские дискурсы народной православной эсхатологии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alarmistskie-diskursy-narodnoy-pravoslavnoy-eshatologii> (дата обращения: 22.02.2023).

6. Сержантов П. Православие и харизматизм. URL: <https://azbyka.ru/apokalipsis/diakon-pavel-serzhantov-pravoslavie-i-kharizmatizm/> (дата обращения: 21.02.2023)

7. Федорова М. В. Хайп-эсхатология или «игра в COVID-19»: изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Философская мысль. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hayp-eshatologiya-ili-igra-v-covid-19-izmenenie-religioznogo-soznaniya-v-epohu-globalnogo-krizisa> (дата обращения: 06.03.2023).

8. Штырков С. Катехон как категория православного сознания: очерки русской политической эсхатологии: рец. на кн.: Виктор Шнирельман. Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 193–212.

9. Шнирельман В. Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России / (Серия «Диалог»). Москва : Издательство ББИ, 2017. 617 с.

10. Relfe M. S. The new money system: 666. Montgomery, Ala.: Ministries, Inc, 1982. 292 p.

11. Relfe M. S. When your money fails: the 666 system. Montgomery, Ala.: Ministries, 1981. 260 p.

Д. Б. Шестопалова

*Трагические страницы истории Русской Православной
Церкви 1918–1930 гг. в культурной памяти:
методологические аспекты*

Статья посвящена актуальной проблеме изучения стратегий развития мемориального дискурса о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви XX в. Критически анализируются методологические решения в рамках междисциплинарной области memory studies и возможности использования ее концепций в исследовании обозначенной научной проблемы. Сквозь теоретическую призму разбираются конкретные практики памятования жертв в современной России.

Ключевые слова: культурная память; политика памяти; новомученики; коммеморация; места памяти.

D. B. Shestopalova

*Tragic pages of the history of the Russian Orthodox Church
1918–1930 in cultural memory: methodological aspects*

The article is devoted to the urgent problem of studying the strategies of memorial discourse about the new martyrs and confessors of the Russian Orthodox Church in the twentieth century. Some methodological solutions within the interdisciplinary field of memory studies and the possibilities of their use in this topic are outlined.

Key words: cultural memory; politics of memory; new martyrs; commemoration; places of memory.

В наши дни вопросы сохранения, изучения и культурной репрезентации исторической памяти являются одними из самых дискуссионных. Особое место здесь занимает понятие коллективной памяти о травмирующем прошлом. Начало XX в. в России было ознаменовано беспрецедентными, со времен преследований

христиан в первые века, гонениями на Церковь. Огромное число священнослужителей и мирян были убиты или скончались в местах лишения свободы. Около двух тысяч из них прославлены Русской Православной Церковью в лике новомучеников и исповедников Российских. Память об этом трагическом опыте, имеющем глубокое духовное значение, требует изучения и осмысления. Однако, в настоящее время понимание подвига новомучеников и сохранение культурной памяти о нем крайне затруднено. Прежде всего, это связано с политизированностью данной темы и неоднозначностью взглядов государства, Церкви, политических партий и общества на период сталинских репрессий.

Основной формой для репрезентации прошлого является нарратив. Наличие конкурирующих нарративов приводит к тому, что одни акторы память актуализируют, другие же стараются предать забвению или трансформировать смыслы. У проблемы популяризации подвига новомучеников есть также психологический и аксиологический аспекты. Для современного общества с его потребительским духом, которое избегает тем, связанных со смертью и страданиями, новомученики являются «неудобными» святыми. Встает вопрос личного духовно-нравственного выбора, перемены мышления, которое зачастую возможно только внутри православной традиции. Согласно разным социологическим опросам (ИСПИ РАН, ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.) к православным себя относят от 60 до 80% населения и лишь 3 % населения регулярно посещают службы, исповедуются и причащаются. Н. Н. Емельянов, к.ф.н, сотрудник научной лаборатории «Социологии религии» ПСТГУ называет это «главным парадоксом религиозности в современной России». [Емельянов, 2019, с. 35–36].

Изучение столь многогранной темы требует определения релевантных методик. Рассмотрение практик использования памяти происходит в рамках междисциплинарной области memory studies. Отсутствие в исследовательской литературе единой терминологии, а также конкретных методов исследования, вызывает сложности в изучении. Существует более ста определений только центрального понятия «память», а введенное Морисом Хальбваксом понятие «коллективной памяти» впоследствии по-

лучило множество конкурирующих исследовательских интерпретаций. Память для Хальбвакса это социальный конструкт, который трансформируется в соответствии с внешними условиями [Хальбвакс, 2007]. Дихотомическую концепцию коммуникативной и культурной памяти разработал немецкий египтолог Ян Ассман, который считает, что популярность *memory studies* обусловлена уходом поколений, непосредственно переживших травматический опыт, вследствие чего возникает необходимость в создании культурных форм памяти. Ассман различает три вида памяти: а) миметическую (подражание через деятельность); б) предметную (предмет как отражение прошлого); в) коммуникативную (общение индивидов). Культурная память преобразует вышеперечисленные виды. Это происходит посредством обретения определенных смыслов и выражается в обрядах, памятниках, текстах [Ассман, 2004].

Об этом, также, пишет историк культуры, литературовед и психолог А. М. Эткинд в своей монографии «Кривое горе. Память о непогребенных». Автор дифференцирует понятия «травмы», так называемого «миметического горя» и соответствующих им нарративов. Опыт травмы переживает первое поколение непосредственных свидетелей, последующие поколения переживают горе, которое находит выражение в различных культурных формах репрезентации. Нарративы делятся на «восходящие» – это история и утраты первого поколения, и «нисходящие» – память и горе, коллективный траур потомков. «Работа горя» включает в себя попытки символического воспроизведения и осмысления потери посредством коммуникации, искусства, кинематографа и историографии [Эткинд, 2016]. По мнению французского историка Пьера Нора, с уходом первого поколения связано создание «мест памяти», где прошлое приобретает эффект преемственности, «кристаллизуется». Концепция «мест памяти» занимает одно из центральных мест в изучении данной темы. «Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [Нора, 1999, с. 26]. Коммеморация и коммеморативные практики – это практическое преобразование культурной памяти из абстрактного архе-

типического содержания к конкретным символам. Практики выражаются в коллективных ритуалах с обязательной эмоциональной вовлеченностью участников [Шуб, 2018].

В качестве примера такой практики можно привести ежегодную мемориальную акцию «Голос памяти» на Бутовском полигоне в Москве, приуроченную к Дню памяти жертв политических репрессий. Каждый желающий может поучаствовать в чтении вслух имен всех пострадавших на полигоне, 332 из которых причислены к лику святых как новомученики [Голос памяти, 2023]. В качестве «мест памяти» новомучеников в широком смысле можно понимать как конкретные места: служения, заключения, казни, упокоения, так и репрезентации в произведениях искусства и литературы, иконографии, музеях, храмах, предметах и др.

Говоря об интерпретации травматического опыта, стоит привести определение «религиозного свидетеля», употребляемое немецким исследователем исторической памяти Алейдой Ассман. Оно полностью соответствует православной парадигме памяти о мучениках и несет определенную специфику понимания травмы как символической победы. По мнению Ассман, мученик (от греч. «martis» – свидетель) – это не пассивная жертва политического насилия, а активный свидетель, который в своей смерти одерживает символическую победу через свидетельство о Живом Боге. Мученичество определяется через рассказ, а для того, чтобы он сохранился в памяти, необходим голос второго свидетеля – очевидца («восходящий нарратив»): «Рассказ отнимает у насильника определяющую власть над событием, трактуя мгновение крайнего бессилия и физической гибели как более могущественный акт свидетельствования, превращающего эту гибель в послание, выходящее за рамки физической смерти» [Ассман, 2014, с. 91–92].

Наиболее четкую структуру категориального аппарата, применимую к данной теме, предлагает О. Ю. Малинова. Ее методика предполагает сравнительный анализ конкурирующих политических стратегий и оценку их влияния на мнемоническую инфраструктуру. Автор отмечает, что коллективное вспоминание в публичном пространстве – это всегда политический процесс.

Политика памяти – это деятельность мнемонических акторов (государства, Церкви, общества и др.) для утверждения своих представлений о прошлом и создание поддерживающей их мнемонической инфраструктуры. Мнемоническая инфраструктура – это символические ресурсы акторов (памятники, музеи, мемориальные комплексы, топонимика, юбилейные даты, праздники, публичные ритуалы и т. д.) [Малинова, 2017].

Одним из примеров такого конфликта в рамках мемориального дискурса о новомучениках стала многолетняя общественная дискуссия по использованию имени революционера П. Л. Войкова в топонимике публичных пространств. Войков в 1918 г. входил в круг лиц, принимавших участие в расстреле императора Николая II и его семьи. Царская семья, прославленная РПЦ в лике страстотерпцев в 2000 г., возглавляет Собор новомучеников и исповедников Российских. С начала 1990-х гг. данный вопрос находится в центре напряженной полемики, где четко прослеживаются позиции разных мнемонических акторов.

Приведем позиции основных институциональных акторов в вопросе о переименовании станции метро «Войковская» (2015–2016). Партия КПРФ выступала за использование имени П. Войкова в топонимике, характеризуя попытки переименования объектов как «политическую провокацию» и «попытку очернить Октябрьскую революцию и ее участников» [И. И. Никитчук..., 2015]. Основным актором, выступающим против использования имени Войкова, является Русская Православная Церковь, считающая, что «недопустимо увековечивать имена преступников и террористов» [В Русской Православной Церкви вновь призвали..., 2016]. Государство в данном вопросе сохраняет, достаточно, нейтральную позицию [Собянин допустил переименование..., 2015], а мнение общества разделяется. Но есть и противоположные примеры. В селе Горетово Московской области находится улица, названная в честь уроженца этого села, священномученика Михаила Маркова, скончавшегося в Мариинском лагере в 1938 г. [Празднование в с. Горетова..., 2015]. Русская Православная Церковь выступает главным актором, который использует целую систему коммеморативных практик, а также дает новое осмысление существующим практикам, объединяя светские и церковные

формы. Так 23–24 сентября 2021 г., решением Священного Синода РПЦ, день памяти политических репрессий (30 октября) включен в церковный календарь для совершения заупокойных богослужений [Священный Синод установил..., 2021]. Отмечается, что Церковь «помнит не только прославленных ею святых, но и всех невинных жертв репрессий, призывая общество сохранить память об этих трагических страницах истории» [О мерах по сохранению памяти..., 2011].

Таким образом, первостепенной задачей исследования актуального процесса коммеморации новомучеников Русской Православной Церкви может стать систематизация знаний о местах памяти, а также выявление действующих мнемонических актов и их позиций. Анализ открытых источников и материалов СМИ позволит определить их основные стратегии, формы репрезентации и их влияние на память о новомучениках XX в. в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 355 с.

2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

3. Голос памяти // Бутовский полигон. 2023. URL: <https://butovo-polygon.ru/project/golos-pamyati/> (дата обращения: 15.03.2023).

4. В Русской Православной Церкви вновь призвали к переименованию станции метро «Войковская» // Русская линия : православное информационное агентство. 2016. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=74524> (дата обращения: 15.03.2023).

5. Емельянов Н. Н. «Жатвы много, а делателей мало»: Проблема взаимодействия священников и мирян в современной России. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2019. 352 с.

6. И. И. Никитчук принял участие в круглом столе на телеканале Москва-24 по обсуждению вопроса о переименовании

станции метро «Войковская» // КППФ : официальный сайт. 2015. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/147958.html> (дата обращения: 15.03.2023).

7. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. Москва : 2017. С. 6–22.

8. Нора П. Франция – память. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999, 333 с.

9. О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших // Московский патриархат: официальный сайт. 2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907.html> (дата обращения: 16.03.2023).

10. Празднование в с. Горетова памяти священномученика Михаила Маркова // Можайск Медиа. 2015. URL: https://mozhaysksg.ru/news/prazdnovanie_v_s_goretova_pamyati_sv_yashchennomuchenika_mihaila_markova (дата обращения: 16.03.2023).

11. Священный Синод установил ежегодный день заупокойных богослужений о безвинно богоборцами убиенных или безвинно пребывавших в заключении // Московский патриархат: официальный сайт. 2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5846839.html> (дата обращения: 16.03.2023).

12. Собянин допустил переименование станции метро «Войковская» // РБК. 2015. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/55b0a99f9a794734bb367bf4> (дата обращения: 15.03.2023).

13. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва : Новое издательство, 2007. 348 с.

14. Шуб М. Л. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. Москва : 2018. С. 161–169.

15. Эткинд А. Кривое горе : Память о непогребенных. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

Л. В. Смирнова

***Культ павших в войнах XX в. в СССР и России.
Историографические подходы к изучению военной
коммеморации***

Статья посвящена анализу современной историографии изучения культа павших в СССР и России. Анализируются две группы исследований, посвященных эволюции культа под влиянием геополитических факторов и национального развития, а также концептуализирующих основные формы и приемы коммеморации. Делается вывод о динамическом сосуществовании тенденций приватизации и национализации памяти о павших во второй половине XX в.

Ключевые слова: война; коммеморация; культ павших; идентичность; мемориализация.

L. V. Smirnova

The Cult of the Fallen in the USSR: a review of the historiographical and methodological landscape

The article analyses the modern historiography of the study of the Cult of the Fallen in the USSR and Russia. Two groups of studies are analyzed, focusing on the evolution of the cult under the influence of geopolitical factors and national development, as well as conceptualizing the main forms and techniques of commemoration. A conclusion is made about the dynamic coexistence of tendencies of privatisation and nationalisation of the memory of the fallen in the second half of the twentieth century.

Key words: war; commemoration; cult of the fallen; identity; memorialization.

С момента становления национальных государств и, особенно, их консолидации в последней трети XIX в. фигуры павших

за Отечество воинов превратились в особый элемент мемориальной инфраструктуры. Похороны военных были возведены в статус публичных церемониалов, а воинским захоронениям была приписана важная роль в формировании национальной идентичности. Отсюда изучение погребальных обрядов и коммеморации о павших становится предметом междисциплинарного исследования на стыке этнологии, антропологии и культурологии, которое позволяет нам выявить отражения системы ценностей, символично-смысловой структуры, политической культуры общества в определенную эпоху. В данной статье рассмотрены историография и методологические подходы, изучающие культ павших. Разделение исследования на периоды позволяет проследить динамику развития концептуальных дискуссий и выстраивания конкретно-исторических работ.

Отправной точкой зарождение культа павших в современном виде является Первая мировая война. Непосредственная ситуация военных действий свела формы сакрализации и мемориализации к минимуму. Атрибутом периода «экстремальной повседневности» стали братские могилы. Массовая гибель людей потребовала редуцирования погребальных ритуалов. Произошел распад традиционных представлений о скорби и сакральности-мортальных пространств.

Однако, для вышедших из войны обществ память о павших приобрела экзистенциальное значение и была постепенно возведена в статус культа. Особое значение воинские захоронения приобрели в «эпоху катастроф» первой половины XX столетия. В этот период во имя формирования национальной идентичности сдвигается на второй план «аффективная связь между живым и усопшим, связь, основанная на индивидуальном чувстве и потому по природе своей интимная, частная, а не публично-гражданственная» [Арьес, 1992, с. 411]. По окончании Первой мировой войны главными носителями памяти о войне и в победивших, и в проигравших странах выступали ветераны. Для них была характерна специфическая мемориальная культура преклонения перед идеализированным образом солдата-фронтовика.

В революционной России оформился культ героев-мучеников как доминанта революционного мифа. Несмотря на идеологический посыл, этот культ приобрел религиозное выражение, а также имел ряд отличий от культа героев более позднего времени. В официальный дискурс в отношении убитых и раненых вошло словосочетание «жертвы войны». Произошло уравнивание понятий «павшие» и «герои», оказавшихся практически синонимичными. Все погибшие и раненные на баррикадах революции и на фронте Гражданской войны автоматически наделялись в официальном дискурсе наименованием «герои» [Мальшева, 2022].

Новым этапом в развитии культа павших в СССР стала Великая Отечественная война. В периоды сражений происходит разделение могил на «свои» и «чужие», о чем свидетельствуют многочисленные инструкции и приказы по уборке тел солдат РККА и армии вермахта. Вынос тел убитых с поля битвы для последующего предания земле являлся обязательным действием, вне зависимости от условий боя. Как пишет Е. М. Мальшева, именно Вторая мировая война приобрела исключительное значение символического события, которое остается актуальным для коллективной памяти до сегодняшнего дня. При этом Вторая мировая война в мемориальной культуре фактически заменяется образом Великой Отечественной [Мальшева, 2012, с. 59–60].

Существующие работы о культуре павших в СССР и в постсоветский период можно разделить на несколько групп. В первую входят исследования динамики развития культа и его зависимости от глобально- и национально-политической повестки.

С. Ю. Мальшева в своем исследовании об инструментализации смерти в России отмечает, что «политическая» скорбь переплеталась с «частной» только в отношении павших Великой Отечественной войны. Погибшие солдаты создавали культ героев, необходимый для переутверждения советского режима [Мальшева, 2019]. Дискурс героической смерти активно использовался государством для интеграции общества и материализовался в практику властвования.

В послевоенное время национальная политика памяти стала властным и символическим ресурсом, используемым для конструирования гражданской идентичности населения и позицио-

нирования в системе международных отношений [Ковба, 2020, с. 59–77].

В годы «оттепели» происходит целенаправленное «изобретение традиций» (Э. Хобсбаум), гражданских «обрядов инициации», необходимых для самоидентификации советских людей с исторической общностью. Часть ритуалов была связана с посещением памятников погибшим героям. По мнению Н. Е. Копосова новые социальные группы получали искусственно созданную коллективную память. Официальный исторический нарратив становился частью их идентичности [Копосов, 2011, с. 4]. Параллельно шел процесс героизации павших. Малышева пишет о том, что основным признаком этого периода стала мемориализация прошлого. Мемориалы являлись символами победы Советского Союза в войне с нацизмом, происходило маркирование освобожденных территорий как своих, переутверждение идентичности советского народа [Малышева, 2019].

В 1960–1980-х гг. культ «Великой Победы» превращается в «миф основания» советского государства. Сооружение памятников и мемориальных комплексов, использование военной темы в советских ритуалах, празднование Дня Победы, выпуск фильмов и публикация литературных произведений на тему войны становятся инструментами для пропаганды превосходства коммунистической идеологии через победу над фашизмом и милитаризмом.

В 1990-е годы миф о войне был слабо востребован демократическим руководством. В период перестройки интенсивно развивалось переосмысление сталинской концепции войны в историографии. Новые трактовки расценивались как «откровения» о войне. По мнению М. Габовича, происходит процесс индивидуализации памяти о павших, из общегосударственной она переходит в семейный контекст [Габович, 2015, с. 93–111]. Напротив, с начала 2000-х гг. память о войне национализируется, переходит из частных пространств в целенаправленно сконструированные публичные. Миф о войне стал мифом происхождения постсоветской России и новой основой идентичности общества.

Вторая группа исследований концентрируется на формах и символах культа павших.

Р. Козеллек подчеркивал, что память об умерших является важной частью человеческой культуры, а также политической культуры конкретного государства [Козеллек, 2004]. Е. С. Сениявская пишет, что героические символы, как феномен массового сознания, являются идеологическим инструментом воздействия на психологию общества и становятся историческими знаками эпохи. Создание символов относится к категории мифотворчества. Входя в народное сознание, они становятся исторической памятью. Исследовательница отмечает, что движущей силой в создании культа героя выступает государство. Героический символ является феноменом массового, мифологизированного сознания. Он целенаправленно формируется властью, но также и возникает спонтанно. Героические символы «тиражируются», как образцы для массового подражания. Механизм формирования символов относится к сфере пропаганды и идеологии. Социальное мифотворчество могло осуществляться на высоком уровне – это СМИ, кино, литература, так и шло из народа – это фольклор. Героическими символами становились как реальные факты, соответствующие пропаганде, так и прошедшие обработку. Возвышая одного героя, система уже не интересовалась другим [Сениявская, 2002].

В своей работе политолог О. Малинова отмечает, что в роли мнемонических акторов, формирующих в том числе культ павших, могут выступать институты, группы и индивиды. Политика памяти включает в себя формирование социально-культурной инфраструктуры памяти об исторических фигурах и событиях, проведение памятных мероприятий, разработку школьных программ, законодательное регулирование публичных высказываний о прошлом. Интерпретация прошлого должна не просто быть известной значимой части общества, но и быть принята ею, превратиться в миф [Малинова, 2019, с. 104]. В роли мнемонических акторов могут выступать институты, группы и индивиды. Политика памяти включает в себя и формирование социально-культурной инфраструктуры памяти об исторических фигурах и событиях, проведение памятных мероприятий, разработку школьных программ, законодательное регулирование публичных высказываний о прошлом. Интерпретация прошлого должна

не просто быть известной значимой частью общества, но и быть принята ею, превратиться в миф [Малинова, 2019, с. 105–111].

Происходит политизация истории, адаптация культа павших и символа неизвестного солдата в интересах политики. Вторая мировая война, определившая дальнейшее развитие мира, представляется весомым аргументом для влияния на сознание граждан и формирование патриотических чувств. Политические силы в России используют историческую память о войне, стремясь усилить свои позиции [Быков, 2016].

Таким образом, современная историография едина в своей оценке советской и российской политики памяти о Великой Отечественной войне. Процесс становления и развития культа павших неразрывно связан с государственной идеологией. Возникший в эпоху «экстремальной повседневности» [Малышева, 2019, с. 316], он стал важным фактором формирования культуры памяти и складывания идентичности общества.

Перспектива дальнейшего изучения вопроса заключается в проблематизации «негосударственных» сегментов культа павших, соотношения индивидуальной скорби и публичного траура в разные эпохи. Настоящий момент развития мемориальной культуры связан с уходом из жизни носителей опыта как основных хранителей культа павших. Это способствует актуализации толкования их не просто как героев, но как бессмертных [Адоньева]. О данной тенденции свидетельствует огосударствление частной инициативы «Бессмертный полк», а также целая серия акций под лозунгом «Без срока давности». Как нам представляется одним из важных элементов посредничества между семейной памятью и государственным культурным мифом выступает поисковое движение, антропологические аспекты деятельности которого ждут своего изучения.

Библиографический список

1. Адоньева С. Б. Ритуальные площадки. Бессмертие // folk.ru. URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_ritual_plostch.php (дата обращения: 12.02.2023).

2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. / общ. ред. Оболенской С.В.; Предисл. Гуревича А. Я. Москва : Издательская группа «Прогресс», 1992. 528 с.

3. Быков А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне и современная политика // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 66–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-i-sovremennaya-politika/viewer> (дата обращения: 01.12.2022).

4. Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 93–111. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/3/pamyatnik-i-prazdnik-etnografiya-dnya-pobedy.html?ysclid=lfpnv9raby363282887> (дата обращения: 15.03.2023).

5. Ковба Д. М. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве/ Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод // Дискурс-Пи. 2020. № 2 (39). С. 59–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-realizatsii-politiki-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-na-postsovetskom-prostranstve/viewer> (дата обращения: 24.11.2022).

6. Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») / пер. с нем. М. Мироновой // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriej-iz-knigiproshedshee-budushhee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni.html> (дата обращения: 14.01.2023).

7. Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

8. Малинова О. Ю. Кто и как формирует официальный нарратив? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kto-i-kak-formiruet-ofitsialnyy-istoricheskij-narrativ-analiz-rossiyskih-praktik> (дата обращения: 04.02.2023).

9. Мальшева Е. М. Россия и Германия: плюрализм памяти о Великой Победе. 2012. URL: <http://history.milportal.ru/plyuralizm-pamyati-o-pobede/> (дата обращения: 01.12.2022).

10. Мальшева С. Ю. Они падут в величии нездешнем: раннесоветский культ. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oni-padut>

v-velichii-nezdeshnem-rannesovetskiy-kult-muchenikov-revolyuutsii/viewer (дата обращения: 12.02.2023).

11. Малышева С. Ю. На миру красна: инструментализация смерти в Советской России. Москва : Новый хронограф, 2019. 464 с.

12. Мерридейл К. Каменная ночь. Смерть и память в России XX века. Москва : ООО «Издательство АСТ»: CORPUS, 2019. 512 с.

13. Сенявская Е. С. Проблема героических символов в общественном сознании России. Уроки истории // Вестник РУДН. Серия Отечественная история. 2002. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-geroicheskikh-simvolov-v-obschestvennom-soznanii-rossii-uroki-istorii> (дата обращения: 14.01.2023).

РАЗДЕЛ 3. «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 94(73)

П. Е. Егоров

«Американское рабство как оно есть: показания тысячи свидетелей» Теодора Велда и сестер Гримке в контексте идей американского аболиционизма

В статье исследованы ключевые идеи противников рабства в США второй четверти XIX века на основе трудов Ч. Финнея, Б. Грина, Т. Велда, А. Гримке, Г. Бичер-Стоун, Д. Уиттьера, К. Хентц, Т. Дью, У. Симмса, Д. Фицхью. Центральное место отведено самой влиятельной работе в дни становления аболиционистского движения в США «Американское рабство как оно есть: показания тысячи свидетелей».

Ключевые слова: христианство; Второе «Великое пробуждение»; евангелизм; аболиционизм; рабство; афроамериканцы.

P. E. Egorov

«American Slavery as It Is: Testimony of a Thousand Witnesses» by Theodore Weld and the Grimke sisters in the context of American abolitionist ideas

The article explores the ideas of opponents of slavery in the United States in the second quarter of the 19th century based on the works of C. Finney, B. Green, T. Weld, A. Grimke, H. Beecher Stone, J. Whittier, C. Hentz, T. Dew, W. Simms, G. Fitzhugh. The central place is given to the work that played an important role in the days of the formation of abolitionism in the United States, «American slavery as it is: the testimony of a thousand witnesses».

Key words: Christianity; «The second great awakening»; evangelism; abolitionism; slavery; african americans.

Республиканская традиция

Отцы-основатели США создавали республику. В XVIII в. было немного государств, которые могли похвастаться этой формой правления. Как пишет историк Гордон Вуд, «посреди монархоцентричной культуры Европы существовала лишь одна модель, достойная подражания – Древний Рим» [Вуд, 2016, с. 77]. Американцы верили, что республика может существовать, когда граждане обладают «добродетелью»: мужчины должны быть готовы принести в жертву личные интересы ради общественного блага. Томас Джефферсон писал, что только «йомен-фермер» (владелец небольшого участка земли), который полностью зависел от результатов собственного труда, может возвыситься над жадной обогачения. Он не доверял торговцам и ремесленникам, которых обвинял в алчности. Отцы-основатели противопоставляли термины «республика» и «демократия». Под последним они понимали «охлократию». Только «квалифицированное меньшинство», обладающее свободой, должно иметь доступ к власти [Вуд, 2016, с. 76–100].

Вопреки мечтам Джефферсона, властелином в Союзе стал не «йомен-фермер», а «плантатор-рабовладелец». Рабство хорошо вписывалось в республиканскую модель. Римляне и греки не видели разницы между любовью к свободе и рабовладением. Теоретики Юга с гордостью называли Вирджинию «республикой, построенной по античным образцам», а себя «доминирующей звездой союза», «рыцарями», «кавалерами» и «джентльменами, ведущими род от английской аристократии». Они искренне верили, что охраняют «добродетель» от «янки» – алчных предпринимателей севера, которых открыто называли «варварами» [Kennedy, 1853, p. 70–75].

Христианство и рабство

Во второй четверти XIX в. рабовладельцы создали расовую теорию. Ссылаясь на «проклятье Ноя», они утверждали: «Чернокожие (и женщины) не могут жаловаться на свое положение, потому что такими их создал Бог». К. Хентц в романе «Северная невеста плантатора» писала: «Природа провела разделительную линию между белыми и темнокожими, столь же отчетливую, как

та, которая разделяет полевых зверей, птиц небесных и рыб морских...». Публицистика, художественная литература и пресса Юга характеризовали плантаторов как «белых патриархов», которые по «воле Бога» должны обучать и наставлять «черную раку» [Hentz, 1854, p. 208, 509].

В XVIII в. на протестантов существенное влияние оказала книга Генри Скугала «Жизнь Бога в душе человека». Он писал: «Истинная религия – это союз души с Богом... Это Христос, сформировавшийся внутри нас». В книге признаётся безусловный авторитет Библии, а мнение церковных авторитетов ставится под сомнение. Человек становится верующим, когда испытывает «новое рождение». Людей, исповедующих эти идеи, стали называть евангелистами [Scougal, 1867, p. 84]. К ним относили представителей разных конфессий: методистов, баптистов, квакеров и др. Они стремились обратить в христианство всех, независимо от пола, расы и социального статуса. Широкое распространение получили «странствующие проповедники» («Itinerant preacher»), которые рассказывали чернокожим о «Моисее, освободившем еврейский народ из рабства». [Noll, 2004, p. 73, 84–89].

Евангелическое возрождение XIX в.

В 1820–30 гг. под влиянием евангелистов на Севере началось Второе «Великое пробуждение» («The Second Great Awakening»). Аболиционистами стали называть людей, которые критиковали рабство исходя из религиозных убеждений. Гарриет Бичер-Стоун писала: «Рабовладельцы способствуют распространению неверия больше, чем все труды европейских просветителей вместе взятые». С трибуны церковных кафедр южан обвиняли в пренебрежении к законам: распространены дуэли, драки, линчевание, убийства, грабеж и алкоголизм. Теодор Велд утверждал, что рабовладельцы нередко прибегают к открытой фальсификации выборов: «Один авторитетный человек Джорджи нанял головорезов, чтобы те „хватали” и „тащили” честных граждан на выборы вопреки их воле» [Weld, 1836, p. 208]. Аболиционисты приходили к следующему выводу: «Каста рабовладельцев возмнила, что они рождены, чтобы командовать, а остальные подчиняться» [Child, 1836, p. 113].

Противники рабства ссылались на «Мэйфлауэрское соглашение», в котором отцы-пилигримы поклялись «создавать и формировать справедливые и одинаковые для всех законы ради распространения христианской веры» [Davis, 1908, p. 107]. Поэт Джон Уиттьер писал: «Южане сеют могилы отцов семенами самых отвратительных сорняков позора... Но для нас и наших детей, клятва, которую мы дали во имя свободы и человечности, зарегистрирована на Небесах» [Whittier, 1893, p. 61–63]. Наиболее радикальные лидеры считали южан «лжецами». Они утверждали, что США нельзя назвать «христианской» и «цивилизованной» страной. Проповедник Берия Грин в своих работах призывал к «крестовому походу» против рабства и расизма, которые «противоречат принципам христианской истины» [Green, 1833, p. 56].

Аболиционисты поставили перед собой задачу разоблачить «лицемеров». Они основывали учебные заведения, куда принимали детей независимо от пола и цвета кожи, издавали журналы, газеты, собирали свидетельства о жизни рабов, публиковали невольничьи повествования. Многие книги можно назвать научными исследованиями. Наиболее ярким примером является книга Теодора Велда, Ангелины и Сары Гримке «Американское рабство как он есть: показания тысячи свидетелей».

Образ рабства

Теодор Велд и сестры Гримке собрали большое количество информации о жизни рабов на Юге. Помимо прессы ее предоставляли священники, свободные чернокожие, рабовладельцы, ремесленники, врачи и учителя. Они создали образ американского рабства, который распространен до сих пор.

Уже на первых страницах книги авторы открыто заявили, что южане пытаются прибегнуть к обману: «Являются ли рабовладельцы глупцами, или они принимают за таковых весь остальной мир?». По их мнению, американское рабство не является патриархальным, а возникло из злого умысла. Велд писал: «Предположим, я бы схватил вас, ограбил, выгнал в поле и заставил работать без оплаты. Является ли это добротой или чудовищной несправедливостью и жестокостью?» [Weld, 1836, p. 7–8].

В XVIII веке до «плантационной революции» чернокожие часто обеспечивали себя сами. Они могли иметь небольшой участок земли, где производили продукцию для собственного потребления. Однако в XIX в. плантаторы перешли на систему «пайков», которую считали более продуктивной. Раб получал за свою работу определенное количество пищи, одежды. Плантаторы установили трудовые нормы и систему поощрения и наказания. [Berlin, 1998, p. 118–120]. В 1854 г. Джордж Фитцхью писал в знаменитой книге «Социология для Юга», что рабы живут лучше всех классов в мире: «Рабство полезно не только для чернокожих, но и для белых – это лучшая форма социализма, которая покончит со свободной конкуренцией и защитит рабочий класс... Социализм – рабство во всем, кроме воли хозяина» [Fitzhugh, 1854, p. 25–30, 70].

Чернокожие начинали работать с восходом солнца: «Рабов выгоняют в поле утром около четырех часов. Общий расчет состоит в том, чтобы заставить их работать при дневном свете». Пропитание менялось в течение года. С марта по август чернокожие делали из кукурузной муки мамалыгу, лепешки или хлеб. Остальные шесть месяцев они питались сладким картофелем («картофельное время»). В зависимости от местности кукуруза могла заменяться рисом или зерном, семенами тыквы, рыбой. Мясо или патока давались только в виде снисходительности или по праздникам. Обычно продовольствие выдавалось в субботу. Каждый раб получал пищу на неделю в объеме от пека до половины бушеля (примерно 8–16 кг). Ее стоимость варьировалась от 12 до 25 центов на человека. Часто рабы брали с собой в поле кукурузную муку, смоченную водой. Около 9–12 часов начинался перерыв, который продолжался от 15 до 60 минут. Чернокожие разводили на земле костер и пекли из муки в золе лепешки. Рабочий день заканчивался с темнотой, примерно в 18–20 часов. До 22 часов они ужинали и занимались работой по дому [Weld, 1836, p. 18, 36].

Хижины рабов были небольшими. Чернокожие строили их по воскресеньям или в ночное время. Жилище строилось из кольев и жердей, покрытых соломой или пальмовыми листьями. Размеры варьировались от 8*10 до 10*12 футов в длину и ширину, а

также от 6 до 8 футов в высоту. В стене прорубалось отверстие для окна. Пола не было, рабы спали на земле [Weld, 1836, p. 19].

Перед рождеством выдавали одну пару обуви и два комплекта одежды: пара брюк с рубашкой на лето и пара брюк с курткой на зиму. Иногда все это заменяли достаточным количеством грубой ткани. Дети до 8–12 лет обходились без одежды. В теплое время можно было увидеть, что чернокожие одеты лишь в набедренные повязки. Некоторым разрешалось носить шляпы [Weld, 1836, p. 19].

Способ наказания рабов жесток. Хозяева воспитывали чернокожих только с помощью физической силы: кнутом, пинками, избиением, голоданием, клеймением, заковыванием в кандалы. Они часто изобретали новый способ «пытки», с помощью которого «уक्रощали негодяев». Рабов хлещут за малейшие провинности: невыполнение своих обязанностей, попадание ночью в руки караула или патруля, самовольное взятие чего-либо без разрешения. За эти и подобные преступления чернокожим наносили тридцать, семьдесят или сто ударов по голой спине. Рабовладельцы писали, что физическое принуждение – это единственная мера, которая может заставить «ленивых негодяев» работать и превратить их из «варваров» в цивилизованных людей [Weld, 1836, p. 13–20].

Кодексы не признавали брак между рабами. Многие чернокожие жили парами без каких-либо церемоний. К женщинам проявляли снисходительность в течение нескольких недель до и после родов. Когда они отправлялись в поле, то брали ребенка с собой и оставляли у дерева под присмотром мальчика или девочки в возрасте от четырех до шести лет. Часто младенцев кусали змеи, или они погибали из-за халатности свои старших братьев и сестер [Weld, 1836, p. 12–13].

Владельцы были равнодушны к чернокожим. Они контролировали только численность: «Однажды хозяин приказал женщинам спуститься в сарай. Затем вошел к ним с кнутом в руке и сказал, что собирается запороть их до смерти. Они сразу начали кричать: что мы наделали, господин? Он ответил: черт возьми, я дам вам знать, что вы сделали, вы не размножаетесь». Согласно другим свидетельствам: «Плантатор предложил белому рабоче-

му по двадцать долларов за каждую из его рабынь. Это предложение, несомненно, было сделано с целью улучшения качества „породы” подобно скрещиванию скота» [Weld, 1836, p. 15–16]. Популярностью пользовались девушки смешанной расы. Часто они становились фаворитками у рабовладельцев.

Таким образом, книга Теодора Велда и сестер Гримке оказала серьезное влияние на формирование «северного» образа американского рабства. На ее страницах чернокожие выступают в качестве «жертвы», рабовладельцы «преступников», а граждане США «соучастников преступления». Заметны религиозные убеждения авторов и влияние различных христианских организаций. Структура работы следующая: обоснование греховности рабства, доказательная база из показания свидетелей, заключение о необходимости «покаяния за грехи» и исправления. Работа создана с целью вызвать у читателя чувство эмпатии. Прослеживается мысль, что если нация не осознает свои ошибки, то страну ожидает катастрофа («кара божья»). Недостатком работы является крайне односторонняя позиция. У читателя формируется образ Севера как сил «добра», а Юга «зла». Несмотря на это, книга предоставляет обширную информацию о жизни рабов. Авторы не голословны. За каждым свидетельством закреплена ссылка на автора (вплоть до адреса проживания). Книга вызвала неоднозначную реакцию у современников: от восхищения до полного неприятия. В целом работа была прогрессивна для своего времени и достаточно популярна. Она несколько раз переиздавалась после гражданской войны. Это подтверждает ее значимость в контексте изучения движения аболиционистов и конфликтов на расовой почве в США.

Библиографический список

1. Вуд Г. Идеи Америки. Размышления о рождении США. Москва : Весь мир, 2016. 432 с.
2. Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства. Москва : Наука, 1965. 451 с.
3. Barnes G. The antislavery impulse, 1830–1844. New York : Gloucester, Mass. P. Smith, 1957. 298 p.

4. Berlin I. Many Thousands Gone: The First Two Centuries of Slavery in North America. New York : The Belknap Press of Harvard university press, 1998. 497 p.
5. Child L. An appeal in favor of that class of Americans called Africans. New York : Published by John S. Taylor, 1836. 224 p.
6. Fitzhugh G. Sociology for the South: or, The failure of free society. Richmond : A. Morris, 1854. 336 p.
7. Green B. Four sermons preached in the chapel of the Western Reserve College: on Lord's Days, November 18th and 25th, and December 2nd and 9th. Cleveland : Office of the Herald, 1833. 68 p.
8. Grimke A. Appeal to the Christian Women of the South. New York : American Anti-Slavery Society, 1836. 42 p.
9. Harper C. Hammond D. Dew T. The pro-slavery argument, as maintained by the most distinguished writers of the southern states. Philadelphia : Lippincott, Grambo, & CO, 1853. 508 p.
10. Hentz C. The Planter's Northern Bride. Philadelphia: T. B. Peterson and Brothers, 1854. 585 p.
11. Noll M. The Rise of Evangelicalism: The Age of Edwards, Whitefield and the Wesleys. Downers Grove: Inter-Varsity, 2003. 330 p.
12. Scougal H. The Life of God in the Soul of Man. Boston : R. C. W, 1867. 84 p.
13. Weld T. American slavery, as it is: testimony of a thousand witnesses. New York: American Anti-Slavery Society, 1839. 232 p.
14. Whittier J. Poems. Now York: Thomas Y. Crowell & Company Publishers, 1893. P. 61–63

УДК 94(41/49) 74.04

А. В. Нуруллина

***Отражение войны Англии с Наполеоновской Францией
(1803–1815) в творчестве Уильяма Тёрнера***

В статье рассматриваются особенности репрезентации конфликта Англии с Наполеоновской Францией в произведениях английского живописца Уильяма Тёрнера. Прослеживается

начало трансформации восприятия образа национального героя и войны под влиянием социокультурных перемен в английском обществе. Тёрнер характеризуется, как прогрессивный художник, который, одним из первых, предпринял попытку модифицировать принципы традиционной исторической и батальной живописи.

Ключевые слова: визуальная репрезентация; Уильям Тёрнер; английская живопись первой половины XIX века; Наполеоновские войны; образ героя.

A. V. Nurullina

*Reflection of the war of England with Napoleonic France
(1803–1815) in the works of William Turner*

The article considers the features of the representation of the conflict between England and Napoleon France in the works of the English painter William Turner. It studies the change in the perception of the image of the national hero and the war under the influence of socio-cultural transformations in English society. Turner is characterized as a progressive artist who was one of the first to attempt to modify the principles of traditional historical and battle painting.

Key words: visual representation; William Turner; English painting of the first half of the XIX century; the Napoleonic Wars; the image of the hero.

Противостояние Англии и Наполеоновской Франции началось в 1803 г., когда был расторгнут непродолжительный Аменский мирный договор, вынужденно заключённый Англией с Францией по окончании войн Второй коалиции. В то же время Наполеон, расширяя свои владения на континенте, всерьёз занялся планированием вторжения на Британские острова.

Планы Наполеона были окончательно сорваны 21 октября 1805 г. В этот день английский флот под командованием адмирала Нельсона разбил объединённый франко-испанский флот, созданный с целью захвата пролива Ла-Манш. Однако, до Ла-Манша он не дошёл, англичане решили пойти на опережение и практически полностью уничтожили флот противника у мыса

Трафальгар. Трафальгарское сражение имело большое значение: оно закрепило за Англией статус ведущей морской державы мира и навсегда разрушило военно-морскую мощь Франции и Испании [Knight, 2013, p. 353]. В этой битве англичане не потеряли ни одного корабля, но остались без своего командующего: адмирал Нельсон был убит, что воспринималось современниками как огромная утрата для британской нации.

Все слои английского общества были взволнованы происходящим у границ своей страны. Тема войны с Францией находит своё отражение в произведениях литераторов, художников и музыкантов – современников этих событий. В рамках данной статьи рассмотрим творчество одного из известных английских живописцев первой половины XIX в. Уильяма Тёрнера, в котором показательно отразились репрезентации военного конфликта Англии и Наполеоновской Франции.

Уильям Тёрнер (1775–1851) считается мастером английского пейзажа и марин, выходец из бедной семьи лондонского цирюльника. Несмотря на низкое по меркам английского общества того времени происхождение, Тёрнер в достаточно юном возрасте получил признание художественного сообщества, а в 27 лет уже был избран членом Королевской академии художеств [Акройд, 2012, с. 35].

Первая картина Тёрнера в жанре исторической живописи, посвящённая теме войны, «Битва на Ниле», изображающая победу адмирала Нельсона над французским флотом в Египте, не сохранилась [Акройд, 2012, с. 29]. Однако, нам известны две картины живописца, посвящённые другой победе адмирала, о которой шла речь выше: «Трафальгарская битва, вид с бизань-мачты «Виктории» по правому борту» (1806 г.) и «Трафальгарская битва 5 октября 1805 года» (1824 г.).

Осенью 1805 г. тело адмирала Нельсона на флагмане «Виктория» было доставлено в устье Темзы. Тёрнеру было позволено присутствовать при этом событии и подняться на борт корабля. Эскизы, сделанные им в тот день, легли в основу его будущей картины «Трафальгарская битва», которая была выставлена художником в его собственной галерее в 1806 г. [Акройд, 2012, с. 49]. Впоследствии Тёрнер переработал её, и спустя два года

картина была показана на ежегодной выставке Британского института по развитию изобразительного искусства в Великобритании, частной организации, целью которой была популяризация английской живописи (в особенности, исторической). Для Тёрнера это была возможность привлечь к работе внимание аристократии и повысить шансы на её скорую продажу.

На картине изображён ключевой момент битвы: победа англичан над французским и испанским объединённым флотом (об этом свидетельствует спущенный французский триколор). Однако, торжество английского флота омрачено гибелью адмирала Нельсона, сражённого пулей французского снайпера практически в тот же момент, когда французы признали своё поражение.

«Трафальгарская битва» сложна как с изобразительной точки зрения, так и с повествовательной. Композиция картины основана на пересечении линий, которые создают атмосферу хаотичного движения кораблей. Мачты и реи пересекаются в клубах дыма от выстрелов и взрывов, проблески неба затерялись в беспорядочном облаке парусов французских и английских кораблей, по палубам снуют группы людей: всё это передаёт хаос, царящий во время морского сражения [Costello, 2017, p. 25].

С точки зрения содержания, картина Тёрнера отражает противостояние таких тем, как роль личности в истории и масштаб исторических событий, в целом. Художник Джон Ландсир оставил подробный отзыв об этой картине, которую он увидел на выставке в 1808 г. Он назвал её «британской эпической картиной», первой в своём роде, которая сочетает в себе «смерть героя» с описанием «великого и ужасного морского сражения» [Costello, 2017, p. 16–17].

Стоит заметить, что двойной фокус на «индивидуальном» и «целом» заметен и в вербальных репрезентациях Трафальгарской битвы. Так, первая статья в «Таймс» о сражении вышла под заголовком «Славная и решительная победа над объединённым флотом и смерть Лорда Нельсона» [Aitchison, 2007, p. 77]. Последующие сообщения носили такой же характера: освещали как подробности битвы, так и обстоятельства смерти адмирала. Страна испытывала и ликование, и скорбь. Нельсон был включён в категорию военных героев, а Трафальгар, признанный са-

мым важным морским сражением со времён разгрома Испанской Армады, приобрёл неоднозначный статус: решающей победы, за которую Британии пришлось заплатить слишком высокую цену, а именно потерять такого значимого для страны человека [Costello, 2017, p. 41]. Это свидетельствует не только об исключительном статусе адмирала Нельсона, но и о значимости архетипа «героя» в британской культуре того времени.

Однако, вернёмся к сюжету картины Тёрнера. Первый взгляд на картину наводит на мысль о доминировании битвы как «целого», поскольку группа вокруг павшего Нельсона кажется незначительной по сравнению с масштабом окружающей битвы. Более того, Тёрнер располагает Нельсона и его людей удалённо от зрителя, черты их лиц несколько размыты. Такой способ изображения сцены «смерти героя» был не характерен для традиционной исторической живописи конца XVIII – начала XIX вв.

Для сравнения обратимся к картинам художника Бенджамина Уэста, современника Тёрнера, «Смерть генерала Вольфа» (1770 г.) и «Смерть Нельсона» (1806 г.). На картинах Уэста зритель находится на одном уровне с фигурами на холсте, очевидно, что повествование сконцентрировано вокруг гибели героя, что является смысловым центром картины. Сцены сражения являются своеобразным фоном и не конкурируют за внимание зрителя. Данный способ изображения отвечает господствующей в то время в Британии форме репрезентации: нация характеризуется подвигами и свершениями её лучших сынов [Costello, 2017, p. 36].

Однако, что мы видим на «Трафальгаре» Тёрнера? Масштаб и важность исторических событий приобретают большее значение, чем отдельная сцена, сцена гибели адмирала. Возможная причина этого художественного решения кроется в трансформациях, которое переживало английское общество начала XIX в. Развитие индустриальной экономики, общее стремление к реформам, изменение представления о политическом участии, прогресс внепарламентской общественности и включённость большего числа людей в социальные и политические процессы, – всё это подрывало устоявшееся убеждение о доминирующей роли личности в историческом процессе. Тёрнер, будучи

человеком «из народа», тонко чувствующим изменения в настроениях общества, возможно, бессознательно, отобразил на своей картине начало формирования новых визуальных представлений. Трафальгар в его исполнении – это не только скорбь по погибшему национальному герою, но, главным образом, победа всей нации, которую он стремился изобразить во всей полноте.

Некоторая амбивалентность смыслов заметна и в картине «Трафальгарская битва 21 октября 1806 г.», написанной Тёрнером в 1823–1824 гг. уже по заказу короля Георга IV. Это был первый и последний подобный заказ для художника, который был заинтересован в королевской благосклонности и приложил все усилия, чтобы оправдать ожидания монарха [Moyle, 2016, p. 398]. Георг IV планировал выставить картину Тёрнера в Сент-Джеймском дворце рядом с картинами других живописцев, посвящённых битвам с Наполеоновской армией. Написание Трафальгарской битвы доверили именно Тёрнеру благодаря рекомендации сэра Томаса Лоуренса, президента Королевской академии художеств и друга живописца. В отличие от первой версии «Трафальгара» это полотно более консервативно с точки зрения композиции. Более того, Тёрнер обязан был работать в соответствии с традициями морской батальной живописи. Но даже несмотря на это, работа одобрения не получила и вскоре была отправлена в «почетную ссылку» в Королевский военноморской госпиталь в Гринвиче [Шэйнс' 2009' с. 166].

Тёрнер остался непонятым королевской и военной аристократией, которая ожидала увидеть один конкретный момент Трафальгарского сражения. Художник, в свою очередь, желая обойти временные ограничения, изобразил на холсте несколько значимых моментов боя, произошедших с разницей в несколько часов. Зрители этого приёма поэтической живописи не поняли и не оценили. Но ещё больше их волновал вопрос: «А где же Нельсон?». Действительно, Тёрнер адмирала на картине не изображает, но символами указывает на его присутствие и командование боем [Costello, 2017, p. 53]. Этим символом служит изображение художником флажного сигнала «Англия ждёт, что

каждый выполнит свой долг», поднятого на «Виктории» по приказу Нельсона перед началом сражения.

Вместо Нельсона и других известных офицеров Тёрнер изображает множество анонимных героев: моряков в спасательных шлюпках на переднем плане картины, часть из которых борется за жизнь, в то время как другие в ликования поднимают руки вверх, радуясь победе. Эта сцена выглядит достаточно разобщённой и хаотичной, что особенно не понравилось капитану Харди, бывшему вместе с Нельсоном на «Виктории», который сравнил её с «уличной сценой» а не с битвой [Costello, 2017, p. 55]. Тем не менее, как бы не критиковали Тёрнера за художественное и смысловые исполнение картины, очевидно, что в этой работе, как и в первом исполнении «Графальгара», он делает акцент на масштабе события в целом.

Кроме того, данное произведение демонстрирует, что для Тёрнера живопись носит не только эстетическую, но и информативную функцию, о чём свидетельствует его стремление к отражению на картине не только одного момента боя, а синтезу нескольких ключевых событий. Таким образом, картина приобретает более сложный смысл и несёт в себе значительную ценность для исторических исследований.

Ещё одно знаменательное для Англии и всей Европы сражение с войсками Наполеона, которое нашло своё отражение в творчестве Тёрнера, – битва при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Тёрнер посвящает этому событию картину «Поле Ватерлоо», написанную в 1817 г. Не было бы удивительным, если бы художник изобразил на своей картине готовящихся к бою гренадёров армии Веллингтона, но он рисует место кровавой резни: страшный ковёр трупов, к которому пришли жёны и дети погибших воинов.

В момент написания Тёрнером картины Британия ещё праздновала Ватерлоо как монументальную победу. Художник не оправдал ожидания современников: вместо патриотической картины, восхваляющей подвиг англичан, Тёрнер показывает трагические последствия войны для всех её жертв. Эта картина иллюстрирует известное высказывание самого Веллингтона: «Хуже, чем сражение проигранное, может быть только сражение выигранное» [Muir, 2008, p. 254].

Образ, созданный Тёрнером на полотне, разрушает идеологию, которая увековечивает войну, и бросает вызов культу «героя» и самопожертвования во имя нации [Shaw, 2002, p. 21]. Патриотическая помпезность мундиров, барабанов и сабель теряется в грязи искалеченного сражением поля. Тёрнер увековечил не полководцев и офицеров, которые вернулись на Родину с победой, а тех, чьи имена не будут вписаны в историю, чьи тела так и останутся на поле Ватерлоо.

В заключении, хотелось бы сделать вывод о личности Тёрнера. Его попытки отобразить в своих картинах изменяющиеся визуальные представления общества и модифицировать в соответствии с ними традиции исторической живописи свидетельствуют о прогрессивном таланте живописца, его желании идти по собственному пути, а не копировать опыт предшествующих поколений художников. Тёрнер, отражая в своём творчестве противостояние Англии и Наполеоновской Франции, обращается к «неудобным» для нации фактам её исторического пути: имперский прогресс и величие основаны не только на заслугах и действиях великих личностей, но и на потерях, смертях массы людей, которые так же, как и знаменитые полководцы, способствовали достижению блестящих побед. Он обращает внимание сильных мира сего на проблемы простых людей, которые в массе своей обладают силой и могуществом, способным обеспечить процветание нации не меньше, чем отдельно взятые герои.

Библиографический список

1. Акройд П. Тернер : монография. Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. 224 с.
2. Тёрнер Д.М.У. Трафальгарское сражение 21 октября 1805 года, 1824: холст, масло.// Артхив. URL: https://artchive.ru/williamturner/works/403893~Trafal'garskoe_srazhenie_21_oktjabrja_1805_goda (дата обращения: 10.03.2023).
3. Шейнс Э. Джозеф Мэллорд Уильям Тернер. Жизнь и шедевры: монография. Москва : Бертельсманн, 2009. 256 с.
4. Aitchison J. The Word Weavers: Newshounds and Wordsmiths: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 257 p.

5. Costello L. J.M.W. Turner and the Subject of History: monograph. Abingdon : Taylor & Francis, 2017. 306 p.
6. Knight R. Britain Against Napoleon. The Organization of Victory, 1793-1815: monograph. London : Penguin Books Limited, 2013. 720 p.
7. Kooy D. V. Shelley's Radical Stages: Performance and Cultural Memory in the Post-Napoleonic Era: monograph. Abingdon: Taylor & Francis, 2016. 230 p.
8. Moyle F. Turner: The Extraordinary Life and Momentous Times of J.M.W. Turner: monograph. New York : Viking, 2016. 528 p.
9. Muir R. Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon: monograph. New Haven : Yale University Press, 2008. 353 p.
10. Shaw P. Waterloo and the Romantic Imagination: monograph. London : Palgrave Macmillan UK, 2002. 260 p.
11. Turner J.M.W. The Battle of Trafalgar, as Seen from the Mizen Starboard Shrouds of the Victory, 1806-1808: oil paint on canvas. // Tate gallery: official website. URL: <https://www.tate.org.uk/art/artworks/turner-the-battle-of-traffic-far-as-seen-from-the-mizen-starboard-shrouds-of-the-victory-n00480> (дата обращения: 10.03.2023).
12. Turner J.M.W. The Field of Waterloo, 1818: oil paint on canvas. // Tate gallery: official website. URL: <https://www.tate.org.uk/art/artworks/turner-the-field-of-waterloo-n00500> (дата обращения: 10.03.2023).
13. West B. The Death of General Wolfe, 1770: oil paint on canvas. // National gallery of Canada: official website. URL: <https://www.gallery.ca/collection/artwork/the-death-of-general-wolfe-0> (дата обращения: 10.03.2023).
14. West B. The Death of Nelson, 1806: oil paint on canvas. // National Museums Liverpool: official website. URL: <https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/death-of-nelson-0> (дата обращения: 10.03.2023)

Ю. М. Мичу

*Использование антисемитских идей Мартина Лютера
в нацистской пропаганде*

Статья посвящена вопросу антисемитизма Лютера и его роли в учении. Сделаны выводы относительно того, что антисемитизм Лютера не являлся антропологическим и потому не тождественен нацистскому взгляду на вопрос. Успешное использование идей Лютера в пропаганде Третьего рейха не является и исторической случайностью. Националистический характер проекта церкви и антикоммунизм лютеранства сделали учение перспективным инструментом пропаганды нацистских идей.

Ключевые слова: лютеранство; нацизм; фашизм; антисемитизм; пропаганда.

Yu. M. Michu

Martin Luther's use of anti-semitic ideas in Nazi propaganda

The article is devoted to the issue of Luther's anti-Semitism and its role in teaching. Conclusions are drawn regarding the fact that Luther's anti-Semitism was not anthropological and therefore not identical to the Nazi view of the issue. But the successful use of Luther's ideas in the propaganda of the Third Reich is no historical accident. The nationalistic nature of the project of the church and the anti-communism of Lutheranism made the doctrine a promising tool for propagating Nazi ideas.

Key words: Lutheranism; Nazism; fascism; anti-Semitism; propaganda.

Вопрос о роли протестантских религиозных организаций и учения в становлении и поддержании национал-социалистического режима в Германии в 1933–1945 гг. является, с одной стороны, достаточно широко изученным, а с другой –

всё ещё остаётся неоднозначным и дискуссионным. В послевоенном общественно-политическом дискурсе сложился консенсус относительно признания нацизма беспрецедентным злом. Время от времени, увы, осуществляются попытки ревизии, пересмотра этого консенсуса (см., напр.: о «Споре историков» в Германии в 1980-е гг. [Рулинский, 2013]; пример современных попыток ревизионизма [Снайдер, 2015]). Однако, обвинение в сотрудничестве с преступным гитлеровским режимом является весьма серьёзным, а утверждение о сущностном с ним сродстве – тем более.

Магистральным в рассмотрении проблемы является вопрос антисемитизма Лютера. Анализ литературы позволяет выделить две полярные позиции. В соответствии с первой, наиболее ярко представленной в широко цитируемой работе немецкого теолога Даниэля Грубера «Теолог Холокоста» [Грубер], антисемитизм лежит в основе проповеди Лютера, выступает краеугольным принципом учения, неотделим от лютеранства. В подтверждение приводится масса аргументов, самые сильные из которых – цитаты из трудов самого Лютера, в самом деле поражающие порой бесчеловечностью и сходством с практикой преследования евреев в Третьем рейхе. Так, в трактате «О евреях и их лжи» Лютер призывает:

1. «уничтожить еврейские синагоги и школы;
2. уничтожить дома евреев с последующим их расселением в неблагоприятных для жизни условиях;
3. отбирать молитвенники и Талмуды;
4. запретить обучение раввинами;
5. лишить евреев охранного свидетельства при передвижении;
6. запретить ростовщичество с последующим изъятием у евреев всех наличных денег, а также золота и серебра; финансовые средства выдавать только в случае искреннего обращения в христианскую веру;
7. ввести обязательную трудовую повинность в отношении евреев» [Лютер].

И это далеко не единственный памфлет Лютера, направленный против евреев. Например, его же авторства «Комментарий к

римлянам» [Лютер, 1996] ничуть не менее беспощаден и радикален.

В рамках другой позиции антисемитские эскапады Лютера рассматриваются как нечто внешнее, не имманентное по сути его учению. Использование же его тезисов в пропаганде Третьего рейха – грубая манипуляция. Так, канадский историк Роберт Вайт утверждает, что «Лютер был бы потрясен Третьим рейхом... он бы осудил Гитлера... был бы одним из первых казненных» [Waite, 1977]. Для аргументации используется ряд тезисов.

Отмечают, что отношение Лютера к евреям не было константным. На ранних этапах он скорее лоялен к евреям и критикует папскую церковь за жесткое отношение к ним. Рафинированный антисемитизм возникает только у позднего Лютера. Краткий обзор эволюции взглядов Лютера на «еврейский вопрос» представлен в докладе В. Ю. Кудрявцева [Кудрявцев, 2020]; более обстоятельно вопрос рассматривает И. Л. Фокин. Он выделяет 3 этапа этой эволюции: 1) период безразличия Лютера к еврейскому вопросу – до 1523 г.; 2) период активного преобразования иудейства – до 1546 г. (тут автор выделяет два его этапа – этап надежды на крещение иудеев и пришедший на смену ему в 1531–1535 гг. этап разочарования); 3) период активной борьбы с иудейством и полного его отрицания (от 1535 до смерти Лютера в 1546 г.) [Фокин, 2007, с. 26]. Это, разумеется, подкупает возможностью списать антисемитизм на внешние биографические факторы: возрастные изменения психики, испорченные многолетней борьбой нервы, опыт анархии Крестьянских войн, укрепивший Лютера как уверенного государственника и убеждённого обличителя ересей.

Не следует забывать и о том, что антисемитизм в западной культуре возникает задолго до Реформации. Основные его тезисы выдвинуты ещё в поздней античности, причём не христианами, а язычниками. Именно они впервые заявили о вырождении евреев, их высокомерности и лицемерии, обвиняли их в природных катаклизмах и бедствиях. Даже «великий навет» (обвинение в ритуальных убийствах младенцев-иноверцев) впервые озвучен именно в языческом Риме [Поляков].

Наиболее же сильным аргументом видится то, что лютеровское неприятие евреев никогда не было расовым. Полностью отрицая ритуализм иудейской веры (критика последнего у Лютера во многом тождественна критике папизма), он всячески приветствует случаи искреннего перехода иудеев в христианство.

Несмотря на все старания руководства Третьего рейха инкорпорировать в себя институции немецкого протестантизма, доля «коричневых священников» никогда не составляла абсолютное большинство. Притом, среди деятелей и даже героев Сопротивления были широко представлены рядовые лютеране и функционеры церкви [Мордзилович]. Вместе с тем, лютеранству в Германии времён Третьего рейха так или иначе приходилось устанавливать отношения с национал-социалистическим режимом. И, в этом плане, реализуется заряд государственнического национализма Лютера, который стремился к созданию в первую очередь «национальной религиозной идеи» [Хавкин, 2019, с. 173]. В этом свете, например, «28-ми тезисов Немецких христиан» Вальтера Грудмана [Грудман], принятые единогласно Синодом Саксонской земельной церкви в 1933 г. (т. н. «Коричневым Синодом») – симптоматичны.

Общеизвестная ориентация Третьего рейха на дохристианские «арийские» верования, интерес к оккультизму и влияние антихристианской философии Ницше на формирование умонастроений нацизма также несколько противоречат радикальному тезису о том, что «Гитлер делал то, что Лютер советовал, разве что кроме убийств в газовых камерах» [Ионкис]. Более того, тот факт, что откровенно пронацистские группировки в рамках немецкого протестантизма (например, «Религиозное движение Немецкие христиане») шли на серьёзнейшую ревизию учения, граничащую с ересью, также является широко известным (см., напр. [Бровко, 2014]). Всё это говорит скорее не о «вырастании» национал-социализма из учения Лютера, но о попытках Третьего рейха использовать лютеранство как широко популярное у масс вероучение.

Эти попытки, однако, были систематическими и вполне успешными: начиная от того, что 450-тилетний юбилей рождения Лютера в 1933 г. был объявлен общенациональным «Немецким

днём Лютера», заканчивая тем фактом, что отправная точка Холокоста, «Имперская хрустальная ночь» датируется кануном лютеровского дня рождения. Не говоря уже о широком использовании цитат из текстов Лютера в разнообразнейших пропагандистских материалах – от многочисленных плакатов и листовок, до выпуска под руководством министра пропаганды Й. Геббельса отдельного пропагандистского фильма «Еврей Зюсс» (реж. Ф. Харлан, 1940 г.), в котором использованы цитаты из «О евреях и их лжи» [Кудрявцев, 2020]. Памфлеты позднего Лютера в активно издавались значительными тиражами, снабженные соответствующими вступительными статьями от иерархов «коричневого священничества».

Принимая это всё во внимание, мы выскажем мнение, рискующее показаться тривиальным: истина находится где-то посередине между двумя полярными позициями. Антисемитские идеи и отдельные высказывания Лютера в самом деле активно и успешно использовались в нацистской пропаганде. Более того, как отмечает Б. Л. Хавкин, они продолжают вызывать интерес у современных неонацистских организаций и течений [Хавкин, 2019].

Однако, делает ли Лютера исключительным антисемитом (а лютеранство – учением, один из краеугольных камней которого – оголтелый антисемитизм) тот факт, что пропаганда в нацистской Германии успешно черпала вдохновение в некоторых из его трудов? Ведь и католическая церковь имеет долгую историю антисемитизма. Более того, и у православной церкви имеется антисемитская традиция, а в бурные и драматические события Первой и Второй русской революций именно в православии черпали вдохновение протонацистские черносотенные движения (показательной тут видится дискуссия вокруг антисемитизма св. Иоанна Кронштадтского, особенно попытки обелить черносотенцев и представить их в хоть сколько-нибудь человеческом свете [Иоанн Кронштадтский]).

Наглядно заметный и отмечаемый Л. Поляковым полемический накал и страсть в изложении тезисов [Поляков] (неотъемлемые черты стиля Лютера) способны затмить тот факт, что обличению у него подлежит еврейство не как антропологическая

группа, а сугубо как религиозное и социокультурное сообщество. То есть имеет смысл говорить не столько об антисемитизме, сколько об антииудаизме Лютера. Проект же крещения евреев пусть и привёл самого Лютера к глубокому разочарованию, сам по себе противоречит принятой национал-социалистами рабовой парадигме антисемитизма.

Разумеется, никаких намёков на веротерпимость и признание прав иудеев оставаться иудеями у Лютера найти невозможно. Однако веротерпимость – сама по себе проблема для любого традиционного учения. Тем более, сложно требовать следования современным представлениям о религиозной толерантности от мыслителя, творившего в первой половине XVI в., то есть как минимум за столетие до начала эпохи Просвещения, заложившей теоретические основы этой терпимости и толерантности. Антисемитизм Лютера, следовательно, не уникален и не эксклюзивен и должен рассматриваться скорее в контексте общего культурного фона эпохи.

Разумеется, это не означает и того, что факт успешного применения тезисов Лютера нацистской пропагандистской машиной следует рассматривать как случайность и не придавать ему внимания. Как уже отмечалось, не только антисемитизм делает Лютера привлекательным для разного рода фашистских течений. Не менее созвучен им его выраженный антикоммунизм, сформировавшийся в ходе сопротивления коммунитаристским ересям времён Крестьянских войн. Этот вопрос, впрочем, отдельная проблема, которая не может быть рассмотрена в рамках настоящей статьи. Некоторую важную информацию на этот счёт можно обнаружить в классической работе Теодора Адорно «Исследование авторитарной личности», эмпирическая часть которой в значительной мере построена на анализе фашизоидного дискурса в радиопроповедях американского протестантского проповедника Мартина Лютера (!) Томаса [Адорно].

Таким образом, детальное изучение практики использования идей Мартина Лютера в нацистской пропаганде является насущной необходимостью. Только оно может дать нам гарантии того, что в будущем лютеранское учение сможет дать достойное сопротивление попыткам спекуляции и применения его тезисов

для однозначно преступных и человеконенавистнических целей, противоречащих самой сути христианства. При всём очевидном искушении «закрыть» эту тёмную страницу в истории лютеранской церкви и представить факт успешного использования тезисов Лютера в антисемитской пропаганде как не более чем недоразумение, этот путь нам видится тупиковым. Эти драматические события однозначно и наглядно вскрыли проблемные моменты и противоречия в учении и религиозной практике и, соответственно, должны быть подвергнуты всесторонней рефлексии.

Библиографический список

1. Waite R. G. L. The Psychopathic God Adolf Hitler. New York : Basic Books, Inc., 1977. 249 p.

2. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Adorno (дата обращения 14.03.2022).

3. Бровко Л. Н. Протестантизм и национал-социализм // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 208–220.

4. Грубер Д. Теолог Холокоста. URL: <http://www.vehi.net/asion/martin.html> (дата обращения 28.02.2022).

5. Грудман В. 28 тезисов немецких христиан. URL: https://tradio.wiki/Текст:28_тезисов_Немецких_христ (дата обращения 10.03.2022)

6. Иоанн Кронштадтский; о евреях цитаты. «Они нарочито пытаются подменить противостояние Иоанна Кронштадтского революционерам антисемитизмом». По книге «Царствование Николая II» Сергея Сергеевича Ольденбурга. URL: <https://gidgrowth.com/children-4-to-5-years/ioann-kro> (дата обращения 09.03.2022).

7. Ионкис Г. Реформатор Мартин Лютер и евреи. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2002/1113/win/ionkis.htm> (дата обращения 05.03.2022).

8. Кудрявцев В. Ю. Использование идей Мартина Лютера в антисемитской идеологии Третьего Рейха // Инновационные направления социально-гуманитарных исследований : сборник научных трудов по материалам Международной научно-

практической конференции 12 февраля 2020г. : Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 10–15.

9. Лютер М. Лекции по посланию к Римлянам. Фонд «Лютеранское наследие», 1996. 582 с.

10. Лютер М. О евреях и их лжи. URL: <http://www.vehi.net/asion/martin2.html> (дата обращения 25.02.2022).

11. Мордзилович А. А. Феномен «коричневых» священников в Третьем рейхе: причины возникновения. URL: <http://sthum.ru/content/mordzilovich-aa-fenomen-kori> (дата обращения 28.02.2022).

12. Поляков Л. История антисемитизма. Т. 1. Эпоха веры. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=43637> (дата обращения 01.03.2022).

13. Развитие антисемитизма в Европе и его значение в нацистской идеологии. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/education/projects/phoen> (дата обращения 18.02.2022).

14. Рулинский В. В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. 2013. № 1 (27). С. 46–56.

15. Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. Киев : изд. “Дулибы”, 2015. 655 с.

16. Фокин И.Л. Мартин Лютер и немецкая реформация. Москва : Мирь, 2007. 175 с.

17. Хавкин Б. Наследие Мартина Лютера и еврейский вопрос в современной Германии // Современная Европа. 2019. № 4. С. 174–184.

Е. Р. Чижова

*Десятилетие женщин ООН 1975–1985 гг.:
дискурсы, акторы, практики*

В данной статье рассматриваются дискуссии о женщинах и их правах на глобальном уровне в рамках программы Десятилетия женщин ООН, реализованной в 1975–1985 гг. Основными источниками стали отчеты с заседаний глобальных и национальных структур Организации Объединенных Наций, а также публикации акторов, непосредственно участвовавших в мероприятиях на международном и национальном уровнях.

Ключевые слова: ООН; Десятилетие женщин; Всемирный год женщин; Всемирные конференции по положению женщин; равноправие.

E. R. Chizhova

*The United Nations Decade for Women:
discourses, actors, practices*

This article examines the discussions about women and their rights at the global level within the framework of the Decade of Women. The main sources are reports from meetings of United Nations structures, as well as actors directly involved in the events held in 1975–1985.

Key words: UN; Decade of Women; International Women's year; word conferences on women; equality.

Организация Объединенных Наций была основана 24 октября 1945 г. В преамбуле устава ООН прописано о равноправии мужчин и женщин и для реализации этого 21 июня 1946 г. создается комиссия по положению женщин при ООН. Одним из основных направлений данного подразделения было установление стандартов и формулирование международных конвенций для изме-

нения дискриминационного законодательство и повышение осведомленности о проблемах женщин во всем мире. Комиссия выпустила ряд документов, одним из основных стала «Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин» 1967 г. В ней провозглашены основные принципы защиты прав женщин во всех областях жизни, но она не имеет обязательной силы, являясь только рекомендацией для правительств национальных государств. Кроме того, Комиссия тесно сотрудничала с другими структурами ООН в вопросах совместной разработки международных договоров.

Тем не менее, все созданные документы едва ли приблизили женщин к реальному уравниванию в правах с мужчинами, а сама проблема дискриминации не стала основной в деятельности ООН. В этом признаются сами члены данной организации: «Несмотря на похвальную работу, проделанную Комиссией по положению женщин за последние 27 лет, до сих пор не было всеобщего признания принципа юридического и фактического равенства мужчин и женщин» [Commission on the Status of Women..., 1974, p. 33]. У этого феномена было несколько причин, включая нежелание самих женщин менять свои «жизненные миры». Зачастую, они были подвержены влиянию стереотипов и пропаганды со стороны государства, которое говорило, «что больше всего пользы стране вы принесете, занимаясь устройством счастливого быта» [Доэрти, 2021, с. 12]. Те, кто хотел перемен, не всегда могли позволить себе заниматься ведением хозяйства и воспитанием детей и параллельно участвовать в борьбе за женские права. Отсюда чаще всего руководителями и активистками женского движения становились представительницы обеспеченных слоев. Правительства многих стран не проводили мероприятия для вовлечения домохозяек в жизнь страны, что говорит об отсутствии политической воли к улучшению статуса женщин.

18 декабря 1972 г. на 27-й сессии резолюцией 3010 Генеральной Ассамблеей ООН 1975 год был объявлен Международным годом женщин. Генеральному секретарю было поручено подготовить примерный план мероприятий. На 25-й сессии Комиссии по положению женщин в 1974 г. проходило обсуждение плана,

где члены-участники высказывали свои предложения по улучшению. Например, Индия выдвинула общее для всех развивающихся стран предложение о создании «некоммерческих децентрализованных производств, которые обеспечат занятость для женщин. Такие предприятия могут производить ремесленные изделия и готовую одежду, а также продукты питания» [Commission on the Status of Women..., 1974, p. 32]. Основным лейтмотивом всех предложений – проведение большего количества мероприятий по осведомлению женщин об их возможностях, информированию всех социальных групп о неравном положении женщин и их правах. Ограниченность дискурса деколонизации привела к доминированию в международных дискуссиях представлений о необходимости трансляции парадигм гендерного равенства «развитых стран» на общества глобального Юга. Документы Комиссии полностью созданы в русле подобной риторики: «Таким образом, женщины в богатых странах были бы вовлечены в работу по ускорению развития в менее развитых частях мира» [Commission on the Status of Women..., 1974, p. 50].

Острым оставался вопрос, как совместить в одной программе проблемы, касающиеся разных стран, как учесть не только неоднородное положение женщин внутри страны, но и неравные роли самих государств в мировом контексте, так как все изменения тесно связаны с экономическим состоянием государства. «Основной целью программы должно быть составление полезного списка идей, на которые люди и правительства могли бы опираться в зависимости от обстоятельств» [Commission on the Status of Women..., 1974, p. 50]. И в этом случае доминирующими в подобных списках оставались западные практики женской эмансипации.

Одним из пространств диалога между женщинами разных стран стали женские Всемирные конференции, которые являлись еще одним доказательством актуальности и глобального характера проблемы гендерного неравенства. Первая Всемирная конференция по положению женщин проходила с 19 июня по 2 июля 1975 г. в г. Мехико (Мексика). Существование этого мероприятия было санкционировано Экономическим и Социальным советом в 1974 г. в контексте Международного женского года.

На организацию конференции было выделено 250 000 долларов, что являлось малой суммой для подобных целей. «Всемирная конференция по народонаселению, например, готовилась в течение четырехлетнего периода, и ее бюджет составлял более 2 миллионов долларов» [Economic and Social Council..., 24 July 1974, p. 128], – отметила Хельви Сипила, генеральный секретарь Международного женского года и Всемирной конференции, подчеркивая высокий уровень организации, несмотря на ограниченность во времени и ресурсах.

В Конференции приняли участие 132 делегации из государств-членов. Женщины возглавляли 113 представительств и составляли 73 % из 2000 участников. Параллельно с конференцией, организованной ООН, проходило собрание Неправительственных организаций «Трибуна Международного Женского года» и для многих женщин собрание НПО стало преобразующим опытом. Это привело к осознанию того, что их проблемы, далеко не уникальные, а разделяются женщинами всего мира, – и что ключом к удовлетворению их потребностей является международное сотрудничество [The United Nations..., 1996, p. 34].

Первую конференцию признали неоспоримым успехом, поскольку впервые проблемы женщин были поставлены на один уровень с другими серьезными экономическими и социальными вопросами того времени. Делегации разных стран, говоря о триумфе мероприятия, так же выражали свои надежды на объявленное «Десятилетие женщин 1976–1985 гг.» и отмечали, что необходимы и в дальнейшем совместные усилия для достижения цели: «результаты Всемирной конференции Международного женского года заложили хорошую основу для национальных и международных действий по устранению невыносимых препятствий на пути к равенству между мужчинами и женщинами во всех сферах...» [Economic and Social Council..., 25 July 1975, p. 136].

За фасадом официальной риторики конференции четко просматривается контекст холодной войны и противостояние двух систем. На конференции обсуждались, в том числе, политические вопросы – были осуждены сионизм, апартеид, колониализм, оккупация США Панамы. Представитель Великобритании

отметил, что «вместо того, чтобы сосредоточиться на разработке практических и реалистичных мер по улучшению положения женщин, Конференция, как представляется, чрезмерно акцентировала внимание на политических проблемах...» [Economic and Social Council..., 25 July 1975, p. 137]. Противоположное мнение высказала представительница Египта: «Если бы женщины действительно стремились в полной мере участвовать в социально-экономическом развитии, как можно было бы игнорировать тревожную политическую ситуацию на юге Африки, в Палестине и в других частях мира?» [Economic and Social Council..., 25 July 1975, p. 13]. То есть означивание определенных событий и локаций как актуальных для глобального женского движения приобрело несомненную политическую окраску.

Биполярное противостояние проявилось и в презентации достижений блоков и стран в деле установления гендерного равноправия. Представительницы социалистического блока подчеркивали отсутствие противоречий в рамках существующего в их государствах режима, указывая на явное преимущество их системы в установлении равноправия между женщинами и мужчинами и указывая на некомпетентность капиталистических стран в данном вопросе: «В Чехословакии, как и во всех социалистических странах, женщины имеют тот же статус, что и мужчины, но в остальном мире это не так» [Economic and Social Council..., 24 July 1975, p. 134]. Данные примеры показывают, насколько конференции были пространством политизированной коммуникации, в котором происходит конкурентная борьба систем в продавливании своих моделей как единственно правильных и передовых.

Одним из итогов конференции в Мехико и ее наиболее важным документом стал Всемирный план действий по реализации целей Международного женского года, который предлагал всеобъемлющий набор руководящих принципов по улучшению положения женщин до 1985 г. Его общая цель была тройственной: содействовать равенству между мужчинами и женщинами; обеспечить интеграцию женщин в общие усилия в области развития; увеличить вклад женщин в укрепление мира во всем мире. Развивающиеся страны, в таком случае, смогли настаивать на

пересмотре существующих международных экономических отношений и формировании нового экономического порядка, который будет основан «на равенстве, взаимозависимости, сотрудничестве и постоянном суверенитете над природными ресурсами» [Economic and Social Council..., 25 July 1975, p. 139]. Страны-лидеры миропорядка получили возможность использования площадки ООН для укрепления своих позиций и распространения идеологии.

Делегаты подчеркнули взаимосвязанность целей; по их словам, без прогресса в каждой из них не может быть успеха ни в одной. Минимальные целевые показатели, которых следовало достигнуть к 1980 г., включали равный доступ женщин ко всем уровням образования и профессиональной подготовки; принятие законодательства, гарантирующего участие женщин в политической жизни; расширение возможностей трудоустройства; и улучшения в области здравоохранения, жилья, питания и планирования семьи. При этом, «каждая страна, – говорилось в Плане, – должна принять решение о своей собственной национальной стратегии и определить собственные цели и первоочередные задачи в рамках настоящего Всемирного плана» [Доклад Всемирной конференции..., 1975, с. 18]. План действий оказался самым прочным наследием конференции. С другой стороны, отсутствие механизмов воздействия на отдельные страны поставило его реализацию в зависимость от национальной рецепции провозглашенных парадигм.

1979 год стал важной вехой в истории «женского движения»: 18 декабря Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». Это наиболее всеобъемлющий и центральный документ в борьбе против дискриминации по половому признаку, он устанавливает международно-признанные принципы равенства мужчин и женщин и запрещает любое ограничение или исключение женщин по признаку пола или семейного положения.

Заслуга ООН заключалась прежде всего в создании коммуникативных рамок для обсуждения проблемы гендерного неравенства и обмена опытом по борьбе с ним. Ограниченность этого пространства осознавалась и самими активистками: «Я думаю,

единственной пользой от этого было то, что некоторые из нас установили хорошие контакты с единомышленниками» [Kolb, 1981, p. 110]. Конференции были повержены политизации, усугубленной холодной войной, отчего каждая из них сопровождалась конфликтами и количественным доминированием представительниц социалистического лагеря. «Среди правительств этот спор был заложен в подзаголовке мероприятия: равенство, развитие и мир. Равенство является западной парадигмой для женских проблем, развитие рассматривается как ключ для жизни стран третьего мира или Глобального Юга, а Восточный блок сосредоточен на мире» [Bunch, 2012]. Конфликт в этом случае можно рассматривать с двух сторон: с одной, конфликт – это прогресс. Конференции заставили услышать голоса женщин со всего мира, в каждой точке которого гендерная проблематика обуславливалась национальными особенностями. С другой, высокая степень политизации конференций привела к возникновению новых линий разделения уже между представительницами разных политических систем.

Библиографический список

1. Доклад Всемирной конференции в рамках Международного г. женщины, город Мехико, 19 июня – 2 июля 1975 г. E/CONF.66/34. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/586225?ln=ru> (дата обращения: 1.03.2023).
2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. URL: <https://www.un.org/ru/ga/34/docs/34res.shtml> (дата обращения: 1.03.2023).
3. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 1.02.2023).
4. Bonfiglioli C. The First UN World Conference on Women (1975) as a Cold War Encounter: Recovering Anti-Imperialist, Non-Aligned and Socialist Genealogies. URL:

<https://core.ac.uk/download/pdf/162654401.pdf> (дата обращения: 15.10.2022).

5. Bunch C. Opening doors for feminism: UN world conferences on women // *Journal of Women's History*. 2012. URL: https://www.academia.edu/11578092/Opening_Door_for_Feminism_UN_World_Conferences_on_Women (дата обращения: 1.03.2023).

6. Commission on the Status of Women, 25th session. Volume 1: summary records of the 599th to 612th meetings, held at Headquarters, New York, from 14 to 22 January 1974. E/CN.6/SR.599-612. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/733837?ln=ru> (дата обращения: 1.03.2023).

7. Economic and Social Council summary records, 59th session: 1974th meeting, Thursday, 24 July 1975. E/SR.1974. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/825010?ln=fr> (дата обращения: 1.03.2023).

8. Economic and Social Council summary records, 59th session: 1975th meeting, Friday, 25 July 1975. E/SR.1975. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/825008?ln=en> (дата обращения: 1.03.2023).

9. Kolb F. Tully-Crenshaw feminist oral history project. Interview with Karen DeCrow. February 15, 1981. URL: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:491747387\\$1i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:491747387$1i) (дата обращения: 10.12.2022).

10. Gradskova Y. Women's international Democratic Federation, the 'Third World' and the Global Cold War from the late-1950s to the mid-1960s // *Women's History Review*. 2020. P. 270–288.

11. Peper Mooney J. E., Lanza F. De-Centering Cold war history: local and global change. Routledge : 2012, 26 p.

12. The United Nations and the Advancement of Women, 1945–1996 // *The United Nations Blue Books Series*. Volume VI. United Nations Publication, 1996, 845 p.

13. Winslow A. *Women, Politics, and the United Nations*. Greenwood Publishing Group, 1995, 213 p.

А. А. Огороднова

*Идея альтернативности исторического развития
в американской художественной литературе второй
половины XX в.*

В статье рассматриваются особенности бытования, средств формирования и использования идеи альтернативности исторического развития в американской художественной литературе второй половины XX в. Выявляется социокультурный контекст возникновения произведений альтернативной истории США, выявляются различия жанров фантастики и «what if History». Кроме того, определяется потенциал изучения произведений альтернативной истории как источника по истории Холодной войны.

Ключевые слова: альтернативная история; what if history; американская художественная литература; США; Вторая мировая война.

А. А. Ogorodnova

*The idea of alternative historical process in American fiction
of the second half of the XX century*

The article discusses the peculiarities of existence, means of formation and use of the idea of alternative historical process in American fiction of the second half of the XX century to reveal the emergence of «what if?» history's works about the USA and its socio-cultural context.

Key words: Alternative history; what if history; American fiction; the USA; the World War II.

Альтернативная история как жанр историописания берет свое начало во второй половине I в. до н. э., когда римский историк Тит Ливий выдвинул собственную интерпретацию событий,

предполагая «что было бы», если бы Александр Македонский не умер в 33 года. Однако как особый литературный жанр альтернативная история сформировалась во второй половине XX в. Событием, предположительно послужившим импульсом для написания произведений, которые на основе анализа прошлого предпринимали попытки представить альтернативную реальность, стала Вторая мировая война. Вопрос «Что было бы, если страны Оси победили во Второй мировой войне?» до сих пор остается одним из самых популярных в альтернативной истории. Причиной этому видится то, что Вторая Мировая война, была событием глобального масштаба, которое захватило весь мир, вызвало огромное количество жертв и столь травматический опыт. Произошедшая не так давно, она ярко запечатлена в памяти людей и к тому же довольно подробно исследована.

В период расцвета ранкианского подхода к изучению истории Карл Хампе (1869–1936) произносит свой знаменитый афоризм: «Die Geschichte kennt kein Wenn» («История не знает слова «Если» – нем.). Отсюда скептицизм и табуирование профессиональных историков по отношению к сослагательному наклонению в изучении прошлого. Однако жанр альтернативной истории остается достаточно популярным и находит свою категорию читателей.

Альтернативная история как особый жанр литературы подчиняется определенным принципам: описываемые события до точки расхождения должны соответствовать реальным обстоятельствам, а не основываться на гипотезах и вымышленных персонажах. Альтернативная история, на первый взгляд являющаяся синонимом фантастики, кардинально от нее отличается. Различные ответвления фантастики ставят в центр повествования будущее: авторы стремятся спрогнозировать события, опираясь на факты настоящего. Принципом альтернативной истории является описание нереального будущего из перспектив прошлого, возможного исхода событий, которые уже произошли.

В условиях современного общества с множеством неверифицируемых версий прошлого, альтернативная история становится вызовом в адрес экспертной монополии исторической науки. Вопрос о том, как с этим отражением общественных настроений эпохи в качестве самостоятельного исторического источника

могут работать профессиональные историки, остается открытым и ждет детального рассмотрения.

Целью данной статьи является выявление специфики бытования, средств формирования и использования идеи альтернативности исторического развития в американской художественной литературе второй половины XX в.

Со второй половины XX в. идея альтернативности исторического развития получила широкое распространение в беллетристике. В рамках отдельного литературного жанра, альтернативная история относится лишь к фантастике и описывает вымышленные события, но с точки зрения исторической науки, идею альтернативности стоит рассматривать более широко. Само понятие «альтернатива», происходящее от латинского слова «alternatus» и означающее «другой», определяется как «необходимость выбора одной из двух или более исключаящих друг друга возможностей; каждая из этих возможностей», то есть это варианты, которые в определенный момент времени являлись возможными и могли быть потенциально реализованы.

Особый отклик идея альтернативности исторического развития за рассматриваемый период нашла в художественной литературе США – страны, являющейся активным участником международных отношений второй половины XX в. и определяющей глобальную идейную повестку. Одной из центральных проблематик американской художественной литературы стала тема национал-социализма и Второй мировой войны. Такие особенности развития США в рассматриваемый период, как активная борьба с гитлеровским режимом и отсутствие боевых действий на собственной территории, определили складывание особого мировоззрения американского населения, которое выступало в качестве борца против фашизма, не испытывавшего на себе ужасов его преступлений в той мере, в которой испытало их европейское население. Соответственно, описание альтернатив исхода глобального конфликта служит укреплению коллективной идентичности в качестве сообщества, предотвратившего катастрофу воцарения бесчеловечной идеологии нацизма.

Показательны в ракурсе данного исследования биографии авторов в США в жанре альтернативной истории. Так, например,

Гарри Гаррисон, автор книги «Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура», во время Второй Мировой войны служил в ВВС США инструктором по стрельбе. Впоследствии, находясь в более осознанном возрасте, в своих интервью он неоднократно выражал недовольство политикой руководства США [Гаррисон, 2011]. Все это нашло отражение в его произведениях, основной тематикой которых были политические и экономические аспекты развития, как собственной страны, так и других государств. В произведениях Ф. Дика и Ф. Рота также прослеживается влияние событий Второй Мировой войны, пришедшейся на период детства писателей [Красавченко, 2020]. Взгляд авторов на глобальное развитие через призму детского восприятия находит свое отражение в повествовании. Так, Рот, обнажая проблемы современного ему общества, подчеркивает нежелание людей «гибнуть в европейской войне, не имеющей к ним отношения» [Красавченко, 2020]. Ф. Дик, напротив, описывает вымышленное развитие событий в случае проведения руководством США политики изоляционизма перед лицом надвигающейся войны. Возросший интерес к историческим событиям как прошлого, так и настоящего, провоцировал литераторов на поиск культурной доминанты, решающего или поворотного момента истории, служившего переломной точкой развития определенного процесса.

Проблема альтернативности исторического развития, являясь одной из наиболее спорных и обсуждаемых в исторической науке, в художественной литературе сводится к выражению собственного мнения и идеи отдельного писателя, который предлагает читателю самостоятельно поразмышлять, согласиться или отвергнуть предложенную трактовку возможного развития событий. Такая особенность художественных произведений американской литературы в жанре альтернативной истории позволяет говорить о субъективности источника, не отвергая при этом его общественное значение, способность формировать общественное сознание и представления людей об определенных событиях как прошлого, так и настоящего.

Вместе с тем, произошедшее во второй половине XX в. привлекло внимание писателей к вариативности истории более ран-

него периода. Так, интерес американских авторов вызвали события Войны за независимость США и Гражданской войны 1861–1865 гг. Следует также отметить, что тематические границы произведений жанра «what if history» все же ограничивались национальными событиями и редко выходили за рамки истории США.

Таким образом, популярность произведений жанра альтернативной истории обусловлена рядом факторов. Конструирование повествования в стиле «а что бы было, если...» позволяет писателям выразить свою неудовлетворенность современным положением дел. Пытаясь изменить настоящее, они обращаются к прошлому и ищут поворотный момент, постфактум рассуждая об упущенных возможностях или неправильном политическом выборе. Г. Гаррисон прямо заявлял, что «альтернативная история – это возможность конструировать различные варианты исторического развития, создавая миры, которые весьма сильно отличаются от того, в котором мы привыкли жить. У любого исторического процесса существует точка бифуркации, изменение результата в которой могло бы привести к совершенно иным последствиям» [Гаррисон, 2008]. Читатели, с другой стороны, получают предложение критически отнестись к общепринятой интерпретации событий и оценить существующую реальность с точки зрения упущенных возможностей. Совокупность этих факторов позволяет сделать важные выводы о значимости произведений альтернативной истории для современных коммеморативных практик, нацеленных на сохранение в общественном сознании памяти о ключевых событиях прошлого и создании возможности для их переосмысления в современном контексте.

Библиографический список

1. Гуларян А. Б. Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта / А. Гуларян, О. Третьяков // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур. Материалы Международной научной конференции 21–23 марта 2006 года. Москва : Изд-во МГУ, 2007.
2. Давыдов А. И. Альтернативная история: методологические возможности // Научная электронная библиотека «КиберЛенин-

ка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnaya-istoriya-metodologicheskie-vozmozhnosti> (дата обращения: 03.01.2023)

3. Давыдов А. И. История «как если бы»: методологические перспективы // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kak-esli-by-metodologicheskie-perspektivy> (дата обращения: 03.01.2023)

4. Дик Ф. Человек в Высоком замке [пер. с англ. Г. Корчагина]. Москва : Издательство «Э», 2016. 384 с.

5. Кинг С. 11/22/63: [роман] [пер. с англ. В. Вебера]. Москва : Издательство АСТ, 2021. 800 с.

6. Красавченко Т. Н. «Заговор против Америки» – роман Филиппа Рота об альтернативной истории // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagovor-protiv-ameriki-roman-filippa-rot-ob-alternativnoy-istorii> (дата обращения: 19.03.2023)

7. Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было [научно-популярное издание]. — [пер. с англ. Ю. Яблокова]. Москва : АСТ, Люкс, 2004. 476 с.

8. Рот Ф. Заговор против Америки [пер. с англ. В. Л. Топорова]. Москва : Книжники, 2022. 784 с.

9. Рыльщикова Л. М. Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса / Л. М. Рыльщикова, В. М. Худяков // *Lingua mobilis*. 2011. № 7 (33). С. 34–39.

10. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А—Й. 702 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01.htm?cmd=0> (дата обращения: 18.03.2023)

11. Ткаченко Н. А. История в сослагательном наклонении: опыт альтернативной истории // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-v-soslagatelnom-naklonenii-opyt-alternativnoy-istorii> (дата обращения: 03.01.2023)

12. Harrison H. A Transatlantic Tunnel, Hurrah! New York : G.P. Putnam's Sons, 1972. 192 p.

13. Kantor M. If the South Had Won the Civil War. New York : Forge Books, 2001. 128 p.
14. Moore W. Bring the Jubilee. New York : Ballantine Books, 1953. 194 p.
15. Turtledove H. The Guns of the South. London : Book Club Associates, 1997. 564 p.
16. Compton S. Russian Amerika. New York : Baen, 2007. 320 p.

УДК 930.85

М. В. Талашов

«Жизнь за металл»: к вопросу о социокультурных истоках тяжелой музыки на Западе в конце 1960-х – 70-х гг.

В статье освещаются социокультурные истоки зарождения жанра тяжелой музыки в Западной Европе в конце 1960-х гг. Автор исследует влияние разнообразных социальных, экономических и культурных факторов на формирование характера и развитие личности основателей британской тяжелой сцены, что обусловило успешный старт их музыкальной карьеры в 1970-е гг. прошлого столетия.

Ключевые слова: хэви-метал; музыкант; группа; семья; завод.

М. V. Talashov

«Life for Metal»: on the Question of the Socio-Cultural Origins of Heavy Music in the West in con. 60s – 70s of the 20th century

The article highlights the socio-cultural origins of the heavy music genre in Western Europe in con. 60s of the 20th century. The author explores the influence of various social, economic and cultural factors on the formation of the character and personality of the founders of the British heavy metal scene, which led to the successful start of their musical career in the 70s of the last century.

Key words: heavy metal; musician; band; family; factory

Понятие «хэви-метал» / «тяжелый металл» далеко не сразу стало ассоциироваться с определенным направлением рок-музыки. В течение длительного времени оно использовалось исключительно в промышленной и химической отраслях. В 1959 г. американский писатель У. Берроуз в своем романе «Голый завтрак» впервые упомянул о «металлическом» звучании музыки, но применительно к би-бопу и в своеобразном для этого произведении контексте. В первой половине 1970-х гг. термин «хэви-метал» употреблялся применительно к имиджу и творчеству британского рок-коллектива «Judas Priest», но при этом сами музыканты до 1978 г. никак себя с ним не соотносили. Лишь с середины 1970-х гг. словосочетание стало употребляться в музыкальной индустрии, причем, по отношению к целому ряду групп, играющих мощно, громко и действительно тяжело, включая представителей так называемой «новой волны британского хэви-метал» (NWOBHM). В 1980-е гг. существование жанра не вызывало сомнений: появились стилистические разновидности, музыка «обросла» толпами поклонников, сформировавших особую субкультуру.

Первый серьезный всплеск интереса к истории и творчеству зарубежных тяжелых групп в России произошел в 1990-е гг. Ответом стал выход первых весьма поверхностных изданий, посвященных биографиям известных музыкальных коллективов, что, безусловно, не могло удовлетворить возрастающий спрос отечественных меломанов на подобную продукцию. Начало XXI столетия ознаменовало определенный прорыв в этом направлении. В стране начал издаваться целый ряд крупных журналов, освещающих знаковые события в мире рок-индустрии. С начала 2000-х гг. в стране выходит ряд добротных и качественно оформленных биографий наиболее ярких представителей тяжелой зарубежной сцены, авторами которых выступают В. Дрибуцк и А. Галин. Нельзя не отметить вклад И. Грачева, подготовившего к печати несколько энциклопедических изданий, посвященных разным жанрам хэви-метал. Со второго десятилетия XXI в. с завидной регулярностью на радость российским меломанам выходят монографии ряда известных зарубежных журналистов, музыкальных критиков и писателей: Джоэла Макайвера,

Мика Уолла, Мартина Попоффа, Эндрю О'Нила и др. Они содержат описание жизненного пути известных рок-групп, однако слабо отражают исторический контекст, не учитывают всей совокупности социальных факторов, влиявших на становление характера и развитие личности музыкантов. Вместе с тем, выход в 2000-х гг. мемуаров и автобиографий родоначальников тяжелой сцены (Тони Айомми, Оззи Осборна, Роба Хэлфорда, Лемми Килмистера) позволяет заострить внимание именно на данном вопросе. В этой связи важно отметить, что именно они и представляемые ими коллективы (Black Sabbath, Judas Priest, Motorhead) традиционно считаются пионерами хэви-метал.

Биографии рокеров позволяют обнаружить ряд общих моментов. Все четверо родились в индустриальных районах послевоенной Британии, при этом детство двоих (Айомми и Осборна) было связано с Бирмингемом, промышленная часть которого серьезно пострадала во время бомбежек в период Второй мировой войны. «Когда мне было около десяти, мы переехали на Парк Лейн в Астоне, – вспоминает Айомми. – Это была жуткая, кишачья бандитами, неустроенная часть Бирмингема» [Айомми, 2023]. «У молодежи в Астоне не было перспектив на будущее – ну, разве что чьим-то призванием было горбатить в ночную смену на конвейере. Только там требовались рабочие руки, – отмечает Осборн, – Люди тогда жили в убогих лачугах... Когда я был маленьким, практически на каждом углу были „развалины“, то есть дома, которые немцы сравняли с землей...» [Осборн, 2018, с. 13]. «У моих предков были причины беспокоиться, – развивает ту же тему Айомми. – Наша лавка была обращена к трем или четырем домам..., следом за которыми находился большой пустырь, на котором ничего не было, кроме булыжников. Было ли это из-за бомбы Второй Мировой Войны, я не знаю; это мог быть просто разваленный дом, но мы звали это „разбомбленными зданиями“. И на этой территории собирались бандиты... Тогда я стал упражняться, таскать тяжести и все такое, я хотел быть способным защититься. Я начал ходить на дзюдо и каратэ, пока не занялся боксом» [Айомми, 2023]. Лемми Килмистер с сарказмом отмечает: «В Сток-он-Тренте объединились шесть городков. Самый неприглядный из них – Берслем,

неудивительно, что именно там я и родился... Повсюду, куда ни помотришь, уродливые кучи шлака, а воздух грязный от печного дыма» [Килмистер, 2017, с. 14]. Не менее удручающую картину родного Уолсолла описывает и Роб Хэлфорд: «Ужасный, тошнотворный и вонючий свинарник, в котором проводили будни местные работяги... Ежедневный путь в школу был настоящим испытанием на выносливость... Удушающая гарь... была ужасно токсичной. Если ветер дул не в том направлении..., мелкие песчинки, попавшие в смог, летели прямо в глаза... Боль была невыносимой. Я всегда говорил, что почувствовал запах и вкус тяжёлого металла еще до того, как изобрели эту музыку» [Хэлфорд, 2022, с. 14–15].

Безрадостное описание индустриальных ландшафтов не оставляет надежд на материальное благополучие в семьях будущих гуру хэви-метал. Наиболее тяжелым было положение Оззи Осборна, родители которого воспитывали еще пятерых детей. Доходов слесаря-инструментальщика и работницы завода «Lucas» было недостаточно, чтобы содержать такую ораву. «Довольно быстро я смекнул, – вспоминает певец, – что у стариков бабок меньше, чем у родителей моих товарищей... Признаков нищеты было гораздо больше... Калоши, в которых я был вынужден ходить летом, не было обычных туфель. И то, что мама никогда не покупала мне нижнего белья» [Осборн, 2018, с. 22]. Нужда вынудила Осборна заняться мелким воровством, а потом и взломом магазинов, на чем он, в итоге, был пойман полицией и получил реальный тюремный срок.

С не меньшей печалью вспоминал о детстве Килмистер, еще в младенчестве брошенный отцом: «Мама тащила на себе всю семью, и ей пришлось трудно. Сперва она устроилась медсестрой к туберкулезникам, кошмарная работа: в те дни это было не лучше терминальной стадии рака, и она, по сути, просто проводила пациентов в последний путь. В конце концов, она оставила это место и работала в библиотеке...» [Килмистер, 2017, с. 14–15]. Материальное положение Айомми и Хэлфорда было более устойчивым, но оба вынуждены были работать. И если сын инженера Хэлфорд сначала занимался мойкой машин, а потом попытался обрести себя в театре, то Айомми, выросший в семье

мелких лавочников, сменил 4 работы до того, как принял решение заниматься исключительно музыкальной карьерой. «Я испробовал все с тех пор, как в пятнадцать лет ушел из школы. Я поработал сантехником... Я был чернорабочим, изготавливая кольца с винтом, которые одеваются на резиновые трубы... У меня была работа в музыкальном магазинчике, ... но меня обвинили в воровстве. Я ничего такого не делал, но черт с ними... Я трудился сварщиком на сталелитейном заводе» [Айомми, 2023]. Именно здесь с музыкантом произошло роковое несчастье: тяжелым прессом ему отсекло подушечки двух средних пальцев. Травма катастрофическая для гитариста. Айомми вынужден был использовать специальные напальчники собственной конструкции и существенно понизил строй гитары, разработав абсолютно новый подход к исполнению музыки на инструменте. Так появилось классическое звучание хэви-метал.

Бытовая неустроенность закономерно приводила к нездоровому климату в семье и вспышкам домашнего насилия. Больше всех доставалось Айомми: «Если я делал что-то не так, то сильно получал за это. Я опасался делать хоть что-то, всегда боялся порки». «Он [отец – *прим. авт.*] считал меня никчемным, а потом и матушка к нему присоединилась... Доказать им, что чего-то стою – одна из причин, по которым я так жаждал успеха», – признавался музыкант [Айомми, 2023]. Осборн никогда не получал от родителей больше подзатыльника, но над ним издевалась бабушка: «Беспрестанно надо мной глумилась, хотя повода я не давал. Никогда не забуду, как она лупила меня по заднице» [Осборн, 2018, с. 15]. В семьях Осборна, Айомми и Хэлфорда случались ссоры между родителями, доходящие до рукоприкладства. Насилие над детьми было чуждо семье Хэлфорда и, очевидно, Лемми Килмистера, однако первый страдал от «полового замешательства», вызванного осознанием своей нетрадиционной ориентации и неприятием данного факта отцом, а второй рос «безотцовщиной» даже после вступления матери во второй брак: отчим, занимавшийся аферами с бытовой техникой, регулярно оставлял своих близких для того, чтобы выяснить отношения с законом.

Семейная драма усугублялась в школе. Никому из музыкантов она не дала компенсации их личностных переживаний, вызванных проблемами с близкими. Большинство из них восприняли школьное обучение как еще одно тяжелое и бессмысленное испытание, которое необходимо было преодолеть. Мемуары рокеров полны горестных воспоминаний о пережитом. Осборн эмоционально рассказывает о конфликте с тренером школьной команды по регби мистером Джонсом. «Как же он меня ненавидел! – восклицает певец. – Заставлял меня оставаться после уроков и издевался надо мной на глазах других детей. Но самое большое удовлетворение ему приносило наказание ботинком. Мистер Джонс посылал меня... к полке со спортивной обувью, откуда я должен был принести ботинок самого большого размера. Потом мучитель направлялся туда сам..., и если находил теннисные туфли большего размера, то я получал... по двойному тарифу. Никто не издевался надо мной, так как он» [Осборн, 2018, с. 21].

Осборна унижали изошрённое остальных: от рождения он страдал дислексией, что создавало дополнительные трудности в учебе, вызывало раздражение преподавателей и насмешки одноклассников. Жестоким наказаниям в школе подвергался и Айомми: «Директор мог ... задать тебе трёпку собственной рукой, или он мог согнуть... и отстегать тебя по задней части тростью или туфлей. Один из учителей даже применял здоровенный компас... Учителя, ответственные за наказания, фиксировали их в черный список» [Айомми, 2023]. «Мне регулярно доставалось... специальной математической линейкой в форме молотка... Учитель заходил тебе за спину – и шмяк по затылку», – вспоминал Килмистер [Килмистер, 2017, с. 16]. При таких методах и речи быть не могло о качестве образования. Единственным исключением являлся Хэлфорд, преуспевший в литературе, географии и музыке, но даже он прошел через унижительную экзекуцию, учиненную над ним учителем английского языка, а занятия на заводской территории обернулись для него серией сексуальных домогательств со стороны педагога [Хэлфорд, 2022, с. 36–37, 41].

Пережитое создавало мощный стимул скорее закончить либо бросить школу, войти во взрослую жизнь независимым самостоятельным человеком. Это желание объединяло всех «отцов» хэви-метал. Будучи очень юными и неопытными, они прекрасно осознавали то незавидное место, которое им было предуготовлено от рождения в современном британском обществе. Они не могли мириться с постоянным недостатком финансовых средств, неустроенным бытом, низким социальным статусом, и потому не желали повторять жизненный путь, проложенный их родителями. Для них это был тупик, не позволявший «выбиться в люди», но именно такую заманчивую возможность открывала для них музыкальная индустрия.

Британская музыкальная сцена конца 1960-х – нач. 1970-х гг. прошлого века «бурлила», радушно открывая путь к славе и достатку одаренным исполнителям. Однако, чтобы удержаться на ней, необходимо было отличаться от других, шокировать, удивлять и притягивать: хэви-метал обладал всеми этими качествами, обеспечивая выброс эмоций и эскапизм от реальных социальных проблем. «Вы должны стойко держаться того, во что верите. – советует Тони Айомми. – Гните свою линию и не меняйтесь только потому..., что так хотят люди. Именно так получается что-то новое» [Айомми, 2023]. В течение десятилетий этому совету следовали тысячи исполнителей хэви-метал.

Библиографический список

1. Айомми Т. Железный человек. Моё путешествие сквозь Рай и Ад вместе с Блэк Саббат // Электронная библиотека coollib.com : сайт. 2023. URL: <https://coollib.com/b/438076/read> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Беспмятнов А., Грачев И., Троегубов В. Judas Priest. Москва : Нота-Р, 2004. 312 с.
3. Беспмятнов А., Троегубов В. Ozzy Osbourne. Москва : Нота-Р, 2004. 400 с.
4. Галин А. Black Sabbath. Никогда не говори о смерти. Москва : Трансстройсервис, 2003. 352 с.
5. Галин А. Black Sabbath. Рожденные заново. Москва : Трансстройсервис, 2007. 272 с.

6. Килмистер Лемми. Motorhead. На автопилоте. Москва : Аст, 2017. 320 с.
7. Макайвер Джоэл. Black Sabbath. История группы. Москва : Амфора, 2009. 589 с.
8. Новгородцев Сева. Рок-посевы. Том 1. Москва : Скит, 1995. 272 с.
9. О'Нил Эндрю. Голос зверя. Дикая история хеви-метала. Москва : Рипол-Классик, 2021. 304 с.
10. Осборн Оззи: Я – Оззи. Все, что мне удалось вспомнить. Москва : Бомбора, 2018. 416 с.
11. Уолл Мик. Black Sabbath. Симптом вселенной. Москва : Бомбора, 2022. 352 с.
12. Хэлфорд Роб. Моя исповедь. Москва : Бомбора, 2022. 448 с.

УДК 94

А. Ю. Парфененко

Индивидуальные нарративы еврейских узниц нацистских лагерей: взаимоотношения в лагерном сообществе

В статье предпринимается попытка на основе анализа видео- и аудиointервью женщин, переживших Холокост, исследовать проблематику отношений между узницами в нацистских концентрационных лагерях. Выявляется специфика женских нарративов о травматическом опыте, роль в их складывании дискурсов Холокоста, развивавшихся в стране пребывания после Второй мировой войны. Определяются реперные точки, вокруг которых выстраиваются воспоминания.

Ключевые слова: Холокост; устная история концентрационного лагеря; бараки; лагерные конфликты; лагерное товарищество.

A. Yu. Parfenenko

*Individual narratives of Jewish female prisoners of the Nazi camps:
relationships within the camp community*

The article attempts to explore the problematic of relationships between female Holocaust survivors in Nazi concentration camps through the analysis of video and audio interviews with female Holocaust survivors. The specifics of women's narratives of traumatic experiences and the role of Holocaust discourses that developed in the host country after World War II in shaping them are revealed. The rapport points around which memories are constructed are identified.

Key words: The Holocaust; oral history concentration camps; barracks; camp conflicts; camp camaraderie.

Одной из самых трагических страниц Второй мировой войны является политика Холокоста. По оценкам исследователей, общее число погибших евреев составляет 6 миллионов человек, примерно два миллиона из которых составляли женщины еврейской национальности. Опыт женских лагерей был в значительной степени упущен из виду учеными и публицистами, превратившись в жертву монолитного повествования о геноциде, которое обычно ведется из мужской перспективы. Недостаток подобного подхода в 1993 г. отметили Д. Рот и К. Ритнер: «...воспоминания о Холокосте являются неполным актом, если услышанные голоса и отмечаемое молчание – преимущественно мужские... То, что помнят женщины и мужчины, не идентично...» [Waxman, 2017, с. 3]. Эту же мысль подтверждает Р. Лентин: «...женский опыт Холокоста, как правило, нейтрализуется в так называемой „человеческой“ перспективе, которая при рассмотрении оказывается мужской» [Lentin, 2000, с. 9].

При реконструкции событий периода Шоа важное значение имеют устные индивидуальные нарративы выживших узниц концентрационных лагерей. Биографические интервью раскрывают не только многогранность исторического процесса, но и место в нем «маленького человека». Согласно В. Н. Бутько, уязвимой чертой интервью как источника является их возможная недостоверность и субъективность: «...человеческая память

редко способна сохранить такие детали безошибочно» [Бутько, 2011, с. 119]; существует проблема влияния «матричных текстов» [Бутько, 2011 с. 120]. С другой стороны, исследовательский потенциал этих повествований заключается в возможности реконструировать перспективу травматического опыта в переживаниях подлинных участников событий. Специфичность женских воспоминаний отметила Е. Ю. Рождественская: «...женщины обладают более „богатой“ оценкой времени. Женщины склонны вспоминать в режиме хроники их собственного жизненного опыта, а также отслеживать жизненный опыт значимых других» [Рождественская, 2014, с. 335]. На наш взгляд, ошибочно каждой женщине приписывать врожденную способность к яркой эмоциональной окраске воспоминаний, так как это, прежде всего, зависит от социализации, личностных особенностей. Именно они были положены в основу отбора и верификации источников.

В рамках данного исследования интерес представляет вопрос о специфике взаимоотношений в женском лагерном сообществе по материалам аудио- и видеоинтервью из онлайн-архивов израильского мемориального комплекса «Яд Вашем» и исследовательского проекта «Принудительный труд 1939–1945». Индивидуальные нарративы были отобраны по следующим критериям: возраст, наличие информации о микроклимате в женских лагерных коллективах, место проживания до начала депортаций и после освобождения. География отобранных нарративов обширна. Важно отметить, что место (страна) проведения интервью и место жительства до войны зачастую отличается. В предвоенное время узницы проживали на следующих территориях: Румыния (П. Боумен), УССР (Ю. Альтманн), Венгрия (Ж. Удварди), Хорватия (М. Гросс), Италия (С. Ерузальми). Место рождения Б. Миер неизвестно. К сожалению, в онлайн-архивах нет информации о месте проведения интервью. Очевидно лишь, что большинство евреек отвечали на вопросы интервьюера в домашней обстановке, только интервью Б. Миер проводилось на территории лагеря Берген-Бельзен.

Избранные респондентки пережили опыт пребывания в следующих лагерях: Освенцим (П. Боумен); Освенцим, Гельзен-

берг, Берген-Бельзен (Ю. Альтманн); Освенцим (Ж. Удварди); Бухенвальд, Равенсбрюк (М. Гросс); Хайдари, Освенцим, Дахау (С. Ерузальми); Берген-Бельзен (Б. Миер). Возраст женщин на момент прибытия в лагерь варьируется от 15 до 23 лет.

В основном, в воспоминаниях превалирует общая информация о трудовых буднях, голоде, антисанитарии, за редким исключением – о взаимоотношениях в женском коллективе. Перспективным представляется выявление микроклимата в коллективах в лагерных условиях, взаимоотношений евреек с узницами других национальностей. Представляется важным в данном исследовании на основе нарративов выявить специфику коммуникативной памяти узниц лагерей.

Взаимодействие между женщинами в лагерях имело важное значение при создании мотивации для выживания. Первое знакомство узниц происходило в ходе селекции: в малые группы входили друзья и родственники узниц (если они депортированы в один лагерь). Важно понимать, что прибытие с родственниками в лагерь не означало, что все члены семьи останутся вместе. Селекция проводилась по полу и возрасту. Из воспоминаний П. Баумен: «...когда приехала моя мама и тётя с двумя детьми, я в последний раз их видела. Вероятно, ей пришлось встать на сторону стариков, она была убита. Меня с двумя сестрами отправили в другую сторону. Нам сбрили волосы на голове, подмышках и в области гениталий. Я сказала своей сестре: „Подумай, теперь нам не нужно мыть волосы и беспокоиться об этом... Теперь мне больше не нужно расчесывать твои волосы, и ты больше не должна мне платить. Ее волосы были вьющимися, и она всегда мне платила, чтобы я их расчесывала... Мы начали шутить по этому поводу, чтобы найти что-то позитивное в этой ситуации”» [Интервью Боумен, 2006]. Подобные свидетельства крайне редки, так как сохранение позитивного настроения в таких условиях не было распространенным явлением, да и наличие родственника в одном лагере зачастую намеренно предотвращалось: «... если он [*Менгеле-врач нацистского лагеря Освенцим – А.П.*] увидит мать и дочь, то вытащит одного из них и сделает так, чтобы они больше не увиделись» [Интервью Альтманн,

2005]. Объяснение такой практике нацистов обосновывалось стремлением предотвратить побег.

После дезинсекции происходило распределение по баракам. А. Вишнивецкий отмечает: «Заклученных с общей национальностью, этнической принадлежностью или языком разбрасывали по разным баракам» [Вишнивецкий, 2017]. Просторностью бараки не отличались. Из воспоминаний: «Мы лежали друг на друге, либо сидели в позе „лотоса“. Постоянно ругались: „Ты ударила меня по голове! Как ты можешь так делать?! Но в этой массе ничего не поделаешь. Мы знали, где мы находимся”» [Интервью Удварди, 2005].

Борьба за выживание было основой лагерной жизни. Происходили постоянные ссоры за койку в бараке, еду, личное пространство. В таких нечеловеческих условиях узницы сходили с ума. В интервью узница Б. Миер отметила: «...вы должны понять, что в концлагере нормальные человеческие чувства и рефлексии атрофируются...» [Интервью Миер, 2010].

Если в лагере отсутствовали родственники, то еврейки старались держаться в кругу людей своей национальности. Взаимоотношения между женщинами разных конфессий могли осложняться следующими факторами: национализмом (антисемитизмом), стремлением к выживанию за счет других, разным культурным опытом. Из воспоминаний Ю. Альтманн: «...если вы не держались вместе со своим собственным народом, то это было опасно для жизни, так как некоторые были очень злыми. Венгерские девушки были очень злы к нам. Если шел дождь, то нас выталкивали из палаток. Поэтому мы держались вместе...Мы дали защиту друг другу» [Интервью Альтманн, 2005]. Бесспорным является то, что под действием лагерных условий происходила нравственная деформация личности. Но, важно отметить, что это было присуще не каким-то конкретным народам, а отдельным личностям из абсолютно любой конфессии. В своих нарративах узницы старались передать силу духа своего народа, показать более уязвимое свое положение, глубину страданий. В какой-то степени, допускается предположение, что еврейки постфактум преувеличивали взаимопомощь внутри своей группы.

В лагерном сообществе поддержка внутри коллектива, особенно в случае отсутствия родных и знакомых, играла важное значение. Стремление женщин отразить в воспоминаниях опыт взаимовыручки обосновывается желанием противопоставить лагерное сообщество системе насилия и группе охранников, преодолеть собственные травматические переживания сексуального и физического насилия, восстановить постфактум человеческое достоинство и систему ценностей в глазах себя сегодняшних. Из воспоминаний узницы: «Однажды прибыло пять девушек из Родоса. Одна не могла видеть, другая не могла ходить, другие болели. Однажды я попробовала взять кусок мяса из супа для них...я работала на кухне. Я взяла этот кусок и положила в карман. Немец увидел меня и подозвал к себе. Я засунула руку в карман, чтобы не показывать, что у меня там мясо. Я ему сказала: „Гальюн“. Я из немецкого знала только это. „Гальюном“ называли туалет. Он прогнал меня. Когда я ушла от него, я чуть не умерла (от страха)» [Интервью Ерузальми, 2006].

Родственные связи, место проживания до войны, сфера довойной деятельности, язык, религия, – все это стало катализатором для формирования в лагерях небольших групп (2–8 человек). Внутри барака условно были распределены роли: духовный лидер; врач барака; переводчик и т. д.

В лагерных условиях было крайне нелегко поднимать моральный дух, особенно если учитывать каждодневный принудительный труд и насилие (физическое и эмоциональное). О чем говорили женщины для поднятия духа: о прошлом, о готовке еды, об учебе, семье, о том, что они выживут, пели песни (редко), молились (индивидуально или коллективно).

В период нахождения в концентрационных лагерях вера в Бога по-разному трансформировалась в сознании узниц. В этом отношении евреек можно условно разделить на три группы: глубоко верующие, атеистки (потеря веры в Бога), временно «верующие». В первую группу включены еврейки, на усиление веры которых повлияли события периода Шоа: «...мы старались держаться за свою веру и за свои убеждения. Мы были воспитаны религиозно, поэтому мы молились и старались отмечать праздники» [Интервью Боумен, 2006]. Вторая группа узниц потеряла

веру в Бога под действием сильного эмоционального потрясения: «...мы почувствовали, что справедливость умерла. Во всех отношениях, но также и с Богом. Немцы бросали малышей на стены, убивали. С тех пор я даже не верю в Бога...Бога нет» [Интервью Удварди, 2005]. Третья группа евреек выражает амбивалентность реакции на травматические переживания. С одной стороны, они – атеистки, но в момент наибольшей скорби обращаются к Богу. Ситуация напоминает подмену ценностных ориентиров под действием нацистского режима: «Самой страшной моей обязанностью было проверять, кто умер за ночь и выносить умерших. На весь только один лазарет. Однажды ночью я зашла в комнату медсестёр и разрыдалась. И хотя я не религиозный человек, я взмолилась: „Господи! Что я успела в жизни? Я лишь пару лет училась на медсестру. Если я сегодня умру, то ничего после себя не оставлю. Я молила Бога, чтобы он оставил меня в живых”» [Интервью Миер, 2010].

Помимо молитв, способом уйти от жестокой реальности стали кулинарные разговоры. Интернированные женщины вспоминали рецепты блюд, которые они готовили в своих семьях. Лагерные кулинарные книги до сих пор хранятся в Мемориальном музее Холокоста (США) и Сиднейском еврейском музее (Австралия). В них записаны все те рецепты, которыми делились узницы друг с другом. Это показательный пример поддержания структур лагерного сообщества, которое объединяло желание сквозь призму воспоминаний вернуться в жизнь до заключения.

Как отмечал С. В. Аристов, «...незнание иностранных языков представительницами различных стран осложняло процесс коммуникации между различными лагерными категориями» [Аристов, 2018, с. 93]. Нельзя не согласиться с утверждением исследователя, но нужно отметить, что данный барьер, при условии редких перемещений и активной коммуникации, зачастую быстро исчезал за счет помощи узниц-переводчиков.

Интересен вопрос существования лагерной культуры среди узниц. Известно, что женщины могли читать друг другу стихи, пересказывали известные в своей стране произведения и т. д.: «У каждого народа был свой любимый поэт. У француженок был Бодлер, у немок Мария Рильке, у русских, конечно, Пушкин» [Аристов, 2018, с. 93].

кин... Помню, там была маленькая бельгийка, которая рассказывала нам содержание романов...это было то, что придавало мне сил» [Интервью Гросс, 2005]. Данный пример иллюстрирует стремление вернуть долагерную жизнь, создать иллюзию безопасности и спокойствия.

Исследование гендерной проблематики Холокоста дает разностороннее представление о данном феномене, в частности, о специфике взаимоотношений еврейских женщин с женщинами других национальностей. То, как они справлялись с антисемитизмом внутри лагеря, борьба за выживание в коллективе, взаимопомощь в лагерных сообществах. В нарративах раскрывается и специфика воспоминаний еврейских узниц о лагерной жизни и коллективе: субъективность, эмоциональность, гиперболистичность повествования (исключительность еврейских групп, взаимовыручки).

Библиографический список

1. Альтманн Ю. / [Интервью с Д. Лауб]. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za570> (дата обращения 02.01.2023)
2. Боумен П. / [Интервью с С. Гитис]. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za563> (дата обращения 10.01.2023)
3. Гросс М. / [Интервью с К. Шёльцель]. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za134> (дата обращения 23.06.2023)
4. Ерузальми С. / [Интервью с Р. Лерер-Коэн]. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za421> (дата обращения 10.01.2023)
5. Меир Б. Рассказ о каждодневных трудностях в лагере Берген-Бельзен. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/video.html> (дата обращения 03.01.2023)
6. Удварди Ж. Биографическое интервью. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za556> (дата обращения 02.01.2023)

7. Аристов С. Жизнь вопреки: стратегии выживания в нацистском женском концлагере Равенсбрюк (1939–1945 гг.). Москва : «Т8 Издательские технологии», 2018. 270 с.

8. Бутько В. Н. «Устная история» в контексте изучения личности // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / редкол. В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2011. С. 118–123.

9. Вишневецкий А. Еврейские женщины и Холокост. URL: <https://proza.ru/2017/06/30/207> (Дата обращения 23.06.2022)

10. Рождественская Е. Ю. Гендерные особенности воспоминаний // Пути России. Новые языки социального описания : Сб. статей. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. С. 323–337.

11. Lentin R. Expected to Live: Women Shoah Survivors' Testimonials of Silence // Women's Studies International Forum. Elsevier : 2000. P. 1–26.

12. Waxman Z. Women in the Holocaust: A Feminist History. Oxford : Oxford University Press, 2017. 192 p.

УДК 94(100)

А. А. Абакумов

История древнего мира в серии видеоигр Total War

Total War – одна из популярных игровых серий в жанре «стратегия», особенно известная своей реализацией «кинематографичных» сражений в реальном времени. Античности посвящено несколько частей серии (Rome I–II, Attila, Troy), которые стали предметом внимания специалистов и оживлённых дискуссий вокруг реализма в видеоиграх на историческую тематику. Оценивается вклад игровых проектов в развитие пользовательских представлений о военных действиях в Древнем мире.

Ключевые слова: Total War (серия видеоигр); wargames; военное дело древнего мира; прикладная история; цифровая гуманитаристика.

A. A. Abakumov

Ancient History in Total War video game series

Total War is wide-known and popular strategy video game series, especially known for performing «cinematic» epic battles in real-time mode. Its Antiquity-based parts (“Rome I–II, Attila, Troy) have aroused attention of professional historians and caused lively discussions around realism in the «historical» video games. Assesses the contribution of game projects to the development of user perceptions of warfare in the Ancient World.

Key words: Total War (video game series); wargames; Ancient warfare; applied history; digital humanities.

Серия видеоигр Total War от британской студии The Creative Assembly является одной из самых популярных игр на историческую тематику, коммерчески успешных и уже с собственной весьма приличной по меркам индустрии историей (с 2000 г. и по сей день). Она сочетает два уровня геймплея – стратегического, где игрок в походевом режиме управляет своей фракцией (клан, народ или государство), развивая города и тренируя войска, и тактического, где он ведёт сражения в реальном времени. Стоит отметить, что такой подход отнюдь не является новшеством, как иногда утверждается [Ghita, Andrikopoulos, 2009, p. 114], и уже реализовывался ранее (например, в серии Lords of the Realm от Impressions Games, посвящённой средневековью). Визитной карточкой Total War является именно второй уровень – битвы огромных армий, где могут участвовать тысячи воинов, с различными построениями и манёврами визуально напоминают батальные сцены в кино. Первый уровень, в сравнении с другими играми жанра, весьма упрощён (в частности, в плане добычи и менеджмента ресурсов) и, по существу, сведён к заказу разных построек, которые открывают доступ к новым войскам или улучшают уже имеющиеся.

Тактический режим Total War можно отнести к особому жанру – варгейм, отыгрыш реальных или вымышленных битв по особым правилам. Это хобби за рубежом зародилось уже довольно давно как настольная игра. Большая часть компьютерных

варгеймов на тему древней истории является именно «оцифровкой» настольных версий (серии The Great Battles of History, Field of Glory, игры от студии HexWar) или некими вариациями на тему (серии Tin Soldiers или Ancient Warfare П. Браффелла). В этом плане игры Total War об античности занимают особое место, поскольку не имеют явной привязки к тем или иным настольным «прародителям». К тому же от настольных игр варгеймы производства The Creative Assembly отличает главное – перенос игрового процесса в реальное время.

Непосредственно античности на данный момент посвящены 4 игры серии: Rome (2004), Rome II (2013), Attila (2015) и Troy (2020), к каждой из которых вышло несколько дополнений, расширяющих хронологию и географию. Так, Rome II, изначально посвящённая войнам Римской республики, смогла охватить имперский период, а Attila – времена Карла Великого. Однако отсылки к древности появились уже в самой первой игре серии – Shogun (2000), историческим консультантом которой выступил известный британский историк-японист С. Тёрнбулл. По заявлению авторов, они «встроили» в игру любимую книгу средневековых самураев – древнекитайский трактат Сунь-цзы о военном искусстве, и компьютер действует согласно ему. Например, в зависимости от наличных сил он будет стараться окружать, атаковать или маневрировать [Ward, 1999]. Чтобы победить, игрок сам должен руководствоваться трактатом – грамотно подбирать армию, изучать сильные и слабые стороны разных её частей, выбирать поле боя с учётом местности, применять военные хитрости [Evans, 2000, p. 12, 20–22, 33–34 etc.] Поскольку в последующих играх серии менялась прежде всего тематика, а не игровой процесс (хотя и Shogun со временем получил продолжение), можно заключить, что времена меняются, а заветы Сунь-цзы по-прежнему актуальны, где бы ни происходило действие очередной части. Непосредственно истории Китая посвящена игра Three Kingdoms (2019), но вопрос о том, относить ли период Троецарствия ещё к древности или уже к средневековью, является дискуссионным.

Игры Total War, посвящённые Древнему Риму, предназначались для более массовой аудитории, чем поклонники средневе-

ковой Японии, и это сказалось на отношении разработчиков к историческим деталям, особенно в первой части. Упор был сделан не столько на достоверность отображаемого в игре, сколько на его узнаваемость: авторы полагали, что, поскольку рядовой покупатель не представляет себе Египта без фараонов, кельтов без друидов, а римлян без гладиаторов, всех их нужно включить в игру – причём, сразу целыми отрядами. Египет, на момент начала игры уже эллинизированный, был умышленно стилизован под времена фараонов.

Тем не менее, на популярности игры это не сказалось; авторитетный журнал PC Gamer поставил её на 6-е место в списке лучших игр за всю историю индустрии, а сайт IGN – на 14-е [The 100 Best PC Games of All Time, 2011; IGN's Top100 Games, 2005]. Среди аналитиков у такого подхода даже нашлись свои защитники [Lowe, 2009, p. 73–74, 76; Rollinger, 2016], которые ссылались на «кинематографичность» игры и понятное желание авторов добавить туда легко узнаваемые образы. Иные аспекты игры, как указывает К. Роллингер, разработчикам оригинального «Рима» пришлось сознательно упростить из соображений игрового баланса – чтобы можно было выиграть партию как за развитое государство, так и за племя варваров. Поэтому, например, доступ к осадным машинам и флоту был предоставлен всем [Rollinger, 2016, s. 322–323].

С другой стороны, те поклонники серии, кто с таким подходом не согласился, стали объединяться в любительские команды и пытаться самостоятельно модифицировать игру, исправить исторические несоответствия, перерисовать графику, добавить те или иные войска или целые фракции, отредактировать их характеристики. Участники разработки самых масштабных модификаций первого «Рима» (К. Гице из команды Total Realism и П. Джостоно из Europa Barbarorum) впоследствии защитили докторские диссертации по военному делу античности и стали профессиональными историками.

В статье о проекте Total Realism К. Гице указывает, что и из исходного варианта игры можно немало узнать о военном деле античности. На стратегическом уровне учитываются природные условия и доступ к ресурсам той или иной фракции (и египтяне

в этом плане будут отличаться от даков). На тактическом – войска разнятся по внешнему виду, вооружению, опыту, усталости, моральному духу, по-разному сражаются на разной местности. Учитывается и национальная специфика – так, галлы со своими длинными мечами сильны в первой атаке, нумидийские всадники крайне мобильны и мечут дротики, а македонская фаланга практически неуязвима с фронта, но нуждается в прикрытии флангов и тыла. Всё это игрок может проверить на практике. Тем не менее, авторы проекта проделали большую «работу над ошибками», добиваясь его большей реалистичности (отсюда и название Total Realism). В числе прочего они доработали карту мира, полностью переделали Египет и добавили терминологию и озвучку на разных языках [Ghita, Andrikopoulos, 2009, p. 114–116, 121–122].

Вместе с тем у серии Total War имеется один аспект, неустранимый с помощью модификаций и уязвимый для критики, – отсутствие системы руководства войсками и отдачи приказов. Игрок полностью контролирует всё поле битвы и может управлять любыми отрядами, где бы они ни находились; такой возможности античные полководцы, разумеется, не имели. В принципе, их главная роль сводилась к разработке плана сражения, а когда оно начиналось, их влияние на происходящее минимизировалось – они могли лишь надеяться, что командиры отдельных частей выполнят всё в точности. Генералы в игре есть, но фактически генерал является ещё одним «отрядом» с уникальными характеристиками; главная его задача – воодушевить соседние отряды. Безусловно, это является серьёзным упрощением, на что справедливо указывает доктор Дж. Макколл, автор ряда научных работ о римской армии и одновременно популяризатор исторических видеоигр [McCall, 2020, p. 118–121]. Вместе с тем конкретная серия в целом посвящена не только античности, и для каждой очередной (а это уже и средневековье, и колониальные захваты, и Наполеоновские войны) явно пришлось бы менять систему контроля и увеличивать время разработки. Вдобавок даже среди любителей настольных варгеймов (где представлены самые разные механики «команд и контроля») вовсе нет единодушия по поводу того,

нужны ли они вообще. Значительная часть игроков предпочитает чистую «битву умов», сродни шахматам, без учёта каких-либо случайных факторов [Wargames, 2008; Command and Control, 2016].

Сами разработчики серии предлагали своеобразную альтернативу в виде отдельной многопользовательской игры Total War: Arena, где друг против друга должны были сражаться две команды игроков, всего с несколькими отрядами у каждого. Предполагалось, что они будут взаимодействовать между собой для достижения общей победы. Такой подход к управлению армией в известном смысле ближе к идеалу в представлении Дж. Макколлы и других критиков оригинальной серии, однако судьба самой игры незавидна. Две попытки её запустить сначала на западном рынке (при участии компании Wargaming, создавшей популярную игру World of Tanks), затем на китайском, сами авторы сочли неудачными, и полная версия игры пока так и не вышла.

Стоит отметить, что отображение античности в играх Total War претерпевает известные изменения от части к части. Так, в Rome II разработчики отказались от слишком вольного в сравнении с первой игрой обращения с историческим контекстом, хотя и подчеркнули, что это всего лишь игра, целью которой является прежде всего развлекать [Brown, 2013]. Появились полноценные битвы на море. В игре Attila (2015), посвящённой Великому переселению народов и крушению Римской империи, авторы добавили драматизма за счёт переработки уличных боёв, пожаров, возможности полностью разорить тот или иной город. Отдельная механика «орды» лишает варварские фракции на старте постоянных поселений, они кочуют с места на место и разбивают временные стоянки. Впрочем, почти все впоследствии могут осесть и основать свои королевства – такой возможности нет только у гуннов. При этом, как отмечается, разработчики не стали сильно демонизировать воинов Аттилы: в игре они не выделяются большей, чем другие варвары, жестокостью и не приносят кровавых человеческих жертв, что приписывалось им античными писателями [Schulz, 2020, p. 165–166]. Последняя игра на античную тематику, Troy, содержит элементы фэнтези: в

ней участвуют гомеровские герои, боги и чудовища, причём игрок сам может выбрать степень этого участия из трёх вариантов – «мифологического», «исторического» и промежуточного. Чтобы дать возможность победить и троянцам, авторы не ограничились только поэмами Гомера (хотя в основе лежат, безусловно, они) и обратились к другим источникам о Малой Азии бронзового века [Takahashi, 2020].

Таким образом, создатели серии Total War за время её существования проделали большую работу по популяризации военной (и не только военной) истории в целом и истории древнего мира – в особенности. Они эффективно использовали современные технические возможности, позволяющие превратить игровой процесс в зрелищный (и при этом интерактивный) фильм о великих завоевателях, с яркими персонажами и масштабными битвами. Благодаря грамотно выстроенной маркетинговой кампании они сумели убедить как массового покупателя, так и значительное число критиков (в т.ч. и профессиональных историков) в справедливости своего подхода к соотношению «узнаваемости» и «точности». Наконец, игры серии внесли свой вклад в развитие жанра стратегий в первую очередь оригинальной (прежде всего для античной тематики) реализацией «варгейма в реальном времени». Полноценным симулятором античной битвы из-за отсутствия системы «команд и контроля» он не является, но в задачу разработчиков создание такового и не входило. Вместе с тем дать о ней неплохое представление (с известными оговорками) он, как представляется, вполне может.

Библиографический список

1. Brown F. Placing authenticity over accuracy in Total War: Rome II // PCGamesN: сайт. 2013: 23 авг. URL: <https://www.pcgamesn.com/totalwar/placing-authenticity-over-accuracy-total-war-rome-ii> (дата обращения: 18.02.2023)
2. Command and Control // BoardGameGeek: сайт. 2016, 26 апр. URL: <https://boardgamegeek.com/thread/1566004/article/22502031#22502031> (дата обращения: 17.02.2023).

3. Evans D. *Shogun: Total War. Prima's Official Strategy Guide*. Roseville, CA: Prima Games, 2000. 208 p.

4. Ghita K., Andrikopoulos G. *Total War and Total Realism. A Battle for Antiquity in Computer Game History // Classics for All: Reworking Antiquity in Mass Culture*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 109–126.

5. IGN's Top100 Games // IGN: сайт. 2005. 16 июля. URL: <https://web.archive.org/web/20050716045647/http://top100.ign.com/2005/011-020.html> (дата обращения: 18.02.2023).

6. Lowe D. *Playing With Antiquity. Videogame Receptions of the Classical World // Classics for All: Reworking Antiquity in Mass Culture*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 64–90.

7. McCall J. *Digital Legionaries. Video Game Simulations of the Face of Battle in the Roman Republic // Classical Antiquity in Video Games. Playing with the Ancient World*. London; New York: Bloomsbury Publishing, 2020. P. 107–123.

8. Rollinger C. *Phantasmagorien des Krieges: Authentizitätsstrategien, affektive Historizität und der antike Krieg im modernen Computerspiel // Krieg der Sinne – Die Sinne im Krieg. Kriegsdarstellungen im Spannungsfeld zwischen antiker und moderner Kultur =* *thersites*. 2016. No. 4. S. 313–341.

9. Schulz F. *Waging Total War playing Attila: A Video Game's Take on the Migration period // Ancient Violence in the Modern Imagination. The Fear and the Fury*. London; New York: Bloomsbury Publishing, 2020. P. 161–171.

10. Takahashi D. *Total War Saga: Troy interview – How Creative Assembly made the game bigger than Troy's battle // GamesBeat: сайт*. 2020, 21 июля. URL: <https://venturebeat.com/games/total-war-saga-troy-interview-how-creative-assembly-made-the-game-bigger-than-troys-battle/> (дата обращения: 17.02.2023).

11. *The 100 Best PC Games of All Time // PC Gamer: сайт*. 2011, 16 фев. URL: <https://web.archive.org/web/20110219012257/http://www.pcgamer.com/2011/02/16/the-100-best-pc-games-of-all-time/10> (дата обращения: 18.02.2023).

12. Ward T.C. Lessons on the Art of War. Shogun's Producer fills us in on all the details including multiplayer, AI, and games to come // IGN: сайт. 1999, 9 фев. URL: <https://www.ign.com/articles/1999/02/09/lessons-on-the-art-of-war> (дата обращения: 18.02.2023).

13. Wargames – command structure and simulation thereof // BoardGameGeek: сайт. 2008, 9 мая. URL: <https://boardgamegeek.com/thread/312163/article/2302192#2302192> (дата обращения: 17.02.2023).

УДК 908

Д. А. Мурашова

Цифровой архив воспоминаний работников Фабрики «Красный перекоп»: сохранение нематериального наследия советской эпохи г. Ярославля

В статье приводится описание проекта цифрового архива воспоминаний рабочих фабрики «Красный перекоп», выявляется эвристический потенциал подобного ресурса. На основе анализа существующих баз данных устных интервью, определена модель обработки и презентации массива «устных историй» фабричных рабочих, введения в научный оборот нематериального индустриального наследия советской эпохи. Выделены инструменты работы с различными целевыми аудиториями архива.

Ключевые слова: цифровой архив; интервью; советское нематериальное наследие; память места; устная история.

D. A. Murashova

Digital archive of memoirs of workers of the Factory «Krasny Perekop»: preservation of the intangible heritage of the Soviet era of Yaroslavl

The article describes the project of a digital archive of memories of the Factory «Krasny Perekop» workers and reveals the heuristic potential of such a resource. Based on the analysis of existing data-

bases of oral interviews, a model of processing and presentation of the array of «oral histories» of factory workers and introduction of intangible industrial heritage of the Soviet era into the scientific turn-over is defined. Tools for working with different target audiences of the archive are highlighted.

Key words: digital archive; interview; Soviet intangible heritage; memory place; oral history.

Интерес к истории повседневности в последние десятилетия обусловлен прежде всего прочным обоснованием в науке историко-антропологического подхода. Такое направление исследовательской деятельности дает возможность больше узнать о бытовой составляющей жизни человека, его каждодневных заботах. Нужно заметить, что в Советском Союзе в период позднего социализма труд и быт граждан был обусловлен не только положением человека в обществе и его личными достижениями, но еще и находился в прямой зависимости от социально-экономической политики государства. Особую нишу в социальной иерархии занимала такая категория граждан, как рабочие фабрик, которые, в большинстве своем, в далеком прошлом меняли крестьянский быт на фабрично-заводской.

Ярославль в 1960-е гг. был одним из крупных центров, производящих продукты нефтепереработки, текстиль, дизельные моторы и др. Большая часть населения города относилась к рабочему классу и работала на таких предприятиях как: Ярославский шинный завод, Ярославский электромашиностроительный завод, Ярославский автозавод и Ярославский комбинат технических тканей «Красный перекоп», который являлся старейшим предприятием города и имел самую развитую социальную инфраструктуру. Вокруг предприятия сложилась целая система из социальных объектов: рядом с рабочими кварталами еще в конце XVIII в. были выстроены клуб, больница, парк и баня В СССР продолжили подобную социальную политику. Соцгорода, которые были микрорайонами большого промышленного города, стали образцом советского быта и равенства, обеспечивали не только проживание рабочих, но еще и досуг. Можно сказать, что Красноперекопский район города Ярославля, сформировав-

шийся вокруг одноименной фабрики, был самодостаточным и обособленным городом внутри города, рабочие которого являлись членами трудовых династий предприятия.

Фабрика определила облик юго-западной части города, сформировав вокруг фабричных зданий и корпусов полноценную и развивающуюся инфраструктуру. История предприятия и района зеркально отражает специфику «большой истории» России на протяжении нескольких сотен лет. С другой стороны, уникальную информацию хранит именно взгляд снизу, история «маленького человека», вплетенная в макропроцессы. Советское нематериальное наследие разных периодов пока плохо изучено, его презентация в публичных пространствах часто не продумана, требует дополнительной рефлексии. Исходя из вышесказанного, цифровой архив биографических интервью старожилов Красного перекопа, дополненный письменными и визуальными источниками, может эффективно соединить все перспективы: ввести в научный оборот новые виды источников, дать исследователям возможность выстраивания сравнительных моделей, представить заинтересованным пользователям широчайшую палитру советского опыта и фабричной повседневности.

Для создания наиболее эффективной модели представления нематериального наследия советской эпохи в виде цифрового архива нами был проанализирован опыт предшественников. Целеполагание большинства интернет-архивов основывается на принципах сохранения памяти свидетелей единичных событий, явлений прошлого: воспоминания военнопленных, подневольных рабочих, ветеранов войн и др.

Существующие интернет-архивы, опыт которых может быть использован при моделировании архива интервью рабочих «Красного перекопа», можно подразделить на несколько категорий:

- Интернет-каталоги традиционных аудиовизуальных архивов, приступивших к оцифровке содержания каталогов (Российский государственный архив фонодокументов, проект «Ретро-архив. Аудио»); [Российский государственный ... ; Ретро-архив Аудио ...]

- Разделы устной истории крупных интернет-порталов (Цифровая коллекция звуков Британской библиотеки); [British Library Sounds]

- Тематические архивы документов (Архив еврейских женщин, «Память народа»); [Jewish Women's ... ; Память народа ...]

- Интернет-архивы фотодокументов и визуализированных вещественных источников (Фотоархив библиотеки Конгресса США, «Relikva», Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского»); [Digital Collections; Relikva; Открытый исследовательский ...]

- Цифровой архив эго-документов («Прожито»); [Прожито]

- Интернет-архивы проектов по устной истории («Та сторона», «Принудительный труд», «Устная история», «Последние свидетели»). [Та сторона ... ; Принудительный труд ... ; Устная история; Последние свидетели ...]

Выявленные группы цифровых архивов были проанализированы по следующему алгоритму:

1. Авторы проекта, включенность в программную деятельность, финансирование

2. Целеполагание цифрового архива

3. Содержание материала, выход на более широкие контексты

4. Интерфейс, система поиска и перекрестных гиперссылок

5. Наличие дополнительных материалов в виде научных статей, лент времени, глоссариев и т.д.

6. Наличие и качество методических материалов по использованию документов цифрового архива

Важным для анализа стало разделение цифровых порталов по признаку централизации на проекты, поддержанные в рамках государственных программ, и архивы, являющиеся результатом частной или исследовательской инициативы. Первую группу отличает специализированная тематика, разветвленная структура портала, наличие дополнительных интерактивных элементов. Вторая группа чаще всего специализируется на узкой тематике, не выходя на широкие научные обобщения.

Исследовательский интерес направлен на способы создания, обработки и описания архивного материала. Уникальные сведе-

ния о прошлом можно найти именно в тех проектах, что стартовали с нуля, а не основывались на уже существующих библиотечных или архивных системах.

Анализ актуальных практик архивирования показал, что для максимального удобства использования и поиска необходимого материала важную роль имеет интерфейс онлайн-платформы или страницы интернет-проекта. Облегчающими работу являются следующие элементы: вкладка «о проекте», поиск с наличием конкретизации запроса, карта сайта или инструкция пользования, возможность обратной связи.

Способ архивирования и система поиска имеет очень схожую структуру во всех интернет-архивах. Проекты, которые не несут в себе цели создания основы для будущих научных исследований, часто прибегают к литературной обработке текстов. Привлечение внимания, популяризация исторического знания, формирование исторической памяти населения ставится в таких случаях во главу угла. Образцом создания поисковой системы для исследовательской работы с индивидуальными нарративами представляется портал «Принудительный труд». При работе с интервью вы можете обратиться к поисковой системе архива: поиск по ключевым словам, выбрать группу (евреи, германизированные дети, итальянские военные и т. д.), поиск по сфере деятельности, место содержания (гетто, концентрационный лагерь и т. д.), язык, пол, по году рождения, по типу интервью (аудио и видео).

Уязвимым местом некоторых из проанализированных порталов является отсутствие дополнительных материалов в виде фотографий из личных архивов, а также аудио- или видеопредставления интервью. Уникальным примером является способ архивирования портала «та сторона»: «Специально для «Той стороны» была разработана система публикации текстовых источников «Archivist», которая позволяет удобно размечать расшифровки, создавая разные типы указателей и вспомогательных словарей». [Та сторона ...]

Что касается систематизации, корпус источников распределяется по тематическим разделам, в каждой единице материала (текст интервью, видео или аудио) выделяются ключевые слова,

персоналии, места или понятия характерные для рассматриваемой темы. Фильтр поиска позволяет ускорить процесс нахождения необходимых элементов. Материал располагается в алфавитном порядке.

В категории тематических архивов и на крупных интернет порталах в качестве приема обработки информации в последние годы часто применяется создание подкастов на рассматриваемую тему, интерактивной карты, создание ленты времени.

Дидактическая ориентированность выражена в наличии методических материалов, которые могут применять в работе учителя школ и педагоги вузов. Так «Архив еврейских женщин», к примеру, имеет отдельную вкладку «Образование». В данном разделе представлены адаптированные планы уроков, присутствуют обучающие инструменты для преподавателей (как использовать источники на своих занятиях), организуют семинары и курсы, которые созданы при помощи национального фонда гуманитарных наук; галерея, сами учителя могут добавлять свой материал для уроков; об организации.

На основе типологизации и анализа существующего опыта создания цифровых архивов по устной истории нами была разработана модель для собранных (и планирующихся в дальнейшем к сбору) материалов Фабрики «Красный перекоп». Основу сайта будут составлять расшифровки биографических интервью, совместно с их аудио версией, разбитые по тематическим пунктам. Систематически повторяющимися в большинстве интервью являются такие темы как: детство, семья, война, труд, образование и др. Для облегчения системы поиска в каждом материале выделяются тэги и индекс географических названий, и индекс имен. Перемещение по странице интервью осуществляется посредством гиперссылок. Дополнительный материал прикладывается к странице в виде галереи фото.

Так как главной целью создания интернет архива является введение собранного материала в научный оборот обязательным условием цифровизации является наличие атрибуции нарратива с максимальной информацией об условиях проведения опроса. Научный интерес будет подогревать наличие экспертных статей по поднимаемым в индивидуальных нарративах проблемам,

например, анализ контекста советского времени или исследования женского труда, а также наличие методических рекомендаций по использованию материалов в педагогической деятельности и проектной деятельности в школе.

На главной странице сайта будет размещаться ссылка на оцифрованный материал, ФИО респондента будет выступать в качестве заголовка интервью, ниже дается краткая аннотация с наиболее привлекательными пунктами автобиографии человека, приводится цитата или афоризм из его речи. Система фильтров позволит облегчить поиск по архиву и выделить интервью со схожей тематикой.

Собранные и архивированные интервью могут быть интерпретированы в рамках устной истории, современное состояние которой было проанализировано Е. А. Ростовцевым. Он приходит к выводу о её тесной связи с исторической памятью: «Oral History по отношению к Memory Studies выступает как бы в трех ипостасях – родственной дисциплины с частично совпадающим научным полем, метода и объекта исследования» [Ростовцев, 2018]. Оба этих направления традиционно используются для анализа относительно недавнего периода времени (в рамках XX века), нацелены на понимание человеческой ментальности, транслируют субъективный опыт. Кроме того, исследование базируется на практиках публичной истории, так как уже во время сбора материалов происходило конструирование прошлого совместными усилиями непрофессионального общества. Например, помимо традиционного для устной истории метода интервьюирования, применялись «сеансы коллективной памяти», необходимые для активизации и мотивации аудитории «Фабричного круга». Кроме того, формирование представлений о жизни простого человека в малых территориальных границах является целью микроистории, она не стремится к обобщениям и выявлению общих для социума тенденций, а рассматривает частные особенности каждой личности. Расстановка акцентов интервью на личном опыте в контексте эпохи усложняет работу исследователя, но показывает прошлое таким, каким его воспринимает «маленький человек», делает ближе и понятнее. В перспективе, работа над материалами, в рамках проектной деятельности, про-

демонстрирует школьникам постоянство общепринятых в обществе нравственных ценностей в разные периоды истории.

Библиографический список

1. British Library Sounds // The British Library Board : сайт. URL: <https://sounds.bl.uk/> (дата обращения: 09.10.2022).

2. Digital Collections // Library of Congress : сайт. URL: <https://www.loc.gov/collections/> (дата обращения: 09.10.2022).

3. Jewish Women's Archive : сайт. Brookline. 1998–2022. URL: <https://jwa.org/copyright> (дата обращения: 09.10.2022).

4. Relikva : сайт. URL: <https://relika.com/> (дата обращения: 09.10.2022).

5. Балуева Н. Н. Ярославская большая мануфактура : Страницы истории Комбината «Крас. Перекоп», 1722–2002. Ярославль : Ньюанс, 2002. 269 с.

6. Открытый исследовательский проект «Наследие С. М. Прокудина-Горского» // Электронное периодическое издание «Храмы России» : сайт. 2008–2022. URL: <http://www.prokudin-gorskiy.ru/> (дата обращения: 09.10.2022).

7. Память народа. 1941–1945 / Министерство обороны Российской Федерации : сайт. URL: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=94dc78b489c622a99c9687b01d2449fdv7 (дата обращения: 09.10.2022).

8. Последние свидетели 1917–1991 : сайт. URL: <http://www.1917-1991.org/m/?lang=ru> (дата обращения: 09.10.2022).

9. Принудительный труд 1939–1945: воспоминания и истории : сайт. URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru> (дата обращения: 09.10.2022).

10. Прожито : Европейский университет в Санкт-Петербурге : сайт. URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения: 09.10.2022).

11. Ретро-архив Аудио. Собрание оцифрованных записей Государственного дома радиовещания и звукозаписи : сайт. URL: <https://audio.retro-archive.ru/> (дата обращения: 09.10.2022).

12. Российский государственный архив фонодокументов : сайт. Москва, 2013–2022. URL: <http://ргафд.рф/> (дата обращения: 09.10.2022).

13. Ростовцев Е. А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-nauka-ob-ustnoy-istorii> (дата обращения: 30.03.2022)

14. Та Сторона: устная история военнопленных и остарбайтеров : сайт. URL: <http://tastorona.su/> (дата обращения: 09.10.2022).

15. Устная история : сайт. URL: <https://oralhistory.ru/> (дата обращения: 09.10.2022).

16. Фабричный круг. Память места: истории старожилов фабричного района «Красный Перекоп» в Ярославле / сост. Ю. В. Кривцова, ред. Н. Л. Ключарева. Ярославль : Региональное агентство творческих инициатив, 2021. 300 с.

17. Фабричный круг: опыт пересборки местного сообщества // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=C72522D9-A4F2-4A20-830A-1F62445E0A61> (дата обращения: 09.10.2022).

РАЗДЕЛ 4. «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ»

УДК 372.893

М. В. Александрова, Н. Ф. Бабурина

Повседневная жизнь различных слоев населения России в XIX в.: дидактический аспект (на примере истории Ярославского края)

Изучение повседневной жизни людей в различные исторические эпохи – важная составляющая школьного исторического образования. В истории Ярославля и Ярославского края как в зеркале отразилась история России, в том числе многие явления и процессы повседневной жизни общества. В статье сделан акцент на использовании источников локального характера для репрезентации культурного пространства России в XIX в.

Ключевые слова: преподавание истории; повседневность; Ярославский край; регионоведение; культура.

M. V. Aleksandrova, N. F. Baburina

Everyday life of various strata of the Russian population in the XIX century: didactic aspect (on the example of the history of the Yaroslavl region)

The study of everyday life of people in various historical epochs is an important component of school historical education. In the history of Yaroslavl and the Yaroslavl region, the history of Russia, including many phenomena and processes of everyday life of society, is reflected as in a mirror. The article focuses on the use of local sources to represent the cultural space of Russia.

Key words: teaching history; everyday life; Yaroslavl region; Regional studies; culture.

Современный этап школьного исторического образования ориентирует учителя на формирование представлений школьни-

ков о культурном пространстве России, в котором осуществляется вся деятельность людей и сохраняются ее результаты. Реализации этой задачи способствует изучение достижений в области литературы, художественной культуры, науки и образования, а также, обращение к различным аспектам повседневной жизни обычных людей.

В исторической науке повседневная жизнь рассматривается с точки зрения среды обитания людей – наружного и внутреннего пространства, описания внешнего вида, питания. Кроме того, характеризуются межличностные отношения, описываются значимые моменты в жизни человека, уделяется внимание досугу – играм, развлечениям, семейным и общественным праздникам и обрядам.

Б. В. Марков под «повседневностью» понимал следующее: «сама собой разумеющаяся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономия в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству» [Марков, 2008, с. 17].

Все эти характеристики в той или иной степени нашли отражение в текстовых и визуальных компонентах современных школьных учебников истории и под редакцией А. В. Торкунова [История России, 2022], и под редакцией В. Р. Мединского [История России..., 2021].

Акцентируя внимание на условиях жизни, труда и отдыха людей, авторы обращаются к факторам, которые оказали влияние на формирование сознания, ценностных ориентаций, складывание стереотипов и норм поведения представителей разных социальных слоев [История России..., 2021]. Это позволяет проследить связь повседневности с экономикой, политикой, уровнем развития техники, духовной сферой человека и сделать изучение быта и нравов неким соединительным звеном важнейших составляющих сторон жизни отдельного человека и общества в целом.

Приведем несколько примеров из учебника по истории России XIX – начала XX в. под редакцией В. Р. Мединского. Пара-

граф «Культурное пространство Российской империи в первой половине XIX в.» начинается с характеристики крестьянской культуры, особенностью которой были традиционность и преемственность в быту, в творчестве, в вере, а «главными событиями в жизни крестьянина были праздники (Рождество, Пасха, Троица) и семейные события – свадьбы, рождения детей, крестины и т. д.» [История России..., 2021, с. 137–139].

Далее в параграфе представлена культура самой малочисленной части русского общества I половины XIX в. – дворянства, представители которого «могли позволить достойный их состояния досуг. Роскошные балы сменялись веселыми маскарадами, а те – домашними праздниками и другими развлечениями. Театр являлся еще одной формой дворянского досуга, любимым местом встреч и свиданий» [История России..., 2021, с. 139–140].

В учебнике представлен ряд картин, изображающих колоритные сцены помещичьего быта, среди них «Отдых помещика» художника К. А. Трутовского [История России..., 2021, с. 86]. Картина написана в 1853 г. и отражает тот узаконенный беспредел, который устраивался в усадьбах некоторых помещиков.

Не остается без внимания авторов учебника макро и микросреда обитания людей. В параграфе приводится описание типичной избы крестьянской семьи, городского дома и загородного поместья дворян; нарисована картина русского города I половины XIX в., сделан акцент на постепенно меняющемся пейзаже городской жизни: «Жизнь в городах, особенно небольших, напоминала деревенскую... рядом с домами мещан были разбиты большие огороды, дворянские особняки утопали во фруктовых садах. Но с развитием промышленности, появлением фабрик этот идиллический пейзаж стал меняться, города постепенно приобретали индустриальные черты» [История России..., 2021, с. 141].

Авторы учебника предлагают темы проектов, связанных с локальной историей, позволяющие расширить и углубить представление школьников о культурном пространстве Российской империи в XIX в.: «Великое – в малом: мои родные места в эпоху Александра I (как жили, чему радовались, о чем печалились)» [История России... 2021, с. 69]. Подобные темы проектов пред-

лагаются ученикам по эпохе Николая I, Александра II и Александра III.

Несомненно, авторы стремились представить наиболее типичные проявления повседневной жизни русского общества, однако, не менее важно сформировать у школьников понимание, что история – это многочисленные миры обычных людей. В этих условиях возрастает роль дополнительных источников информации, помогающих школьникам увидеть широкую палитру интересов, нравов, обычаев представителей различных слоев населения.

Так, в рамках изучения темы «Культурное пространство Российской империи I половины XIX века» учителю уместно использовать на уроке материалы источников – документов, этнографических и статистических данных, источников личного происхождения (писем, дневников, мемуаров). В особенности, перспективным для стимулирования познавательного интереса учащихся является обращение к локальному материалу.

В частности, учителя Ярославского региона имеют возможность использовать на уроках истории широкий перечень опубликованных в краеведческой литературе документальных свидетельств прошлого.

Например, в «Историческом очерке Ярославля» дореволюционного исследователя И. Ф. Барщевского мы встречаем подробные описания костюма, жилища, досуга и повседневного уклада жизни ярославцев XVIII–XIX вв. Автор сообщает, что «в свободное время молодежь забавлялась играми...лапта, чехарда, буй, города и знаменитые...кулачные бои, проходившие преимущественно зимою на Которости, близ Спасского монастыря», «были известны также игры в шахматы и тавлеи или шашки», «в престольные праздники прихожанами устраивались гулянья около приходских церквей...гуляли, играли и лакомились в разбитых торговцами палатках разными сладостями и закусками. Эти гулянья существуют еще и до сих пор: при церквях Вознесения, Никиты Мученика, Иоанна Предтечи, Иоана Златоуста в Коровниках, Троицы в Тверицах...(автор имеет в виду рубеж XIX–XX вв.)» [История губернского города Ярославля, 2007, с. 234–236].

Кроме того, Барщевский упоминает и традиционный для Ярославля обычай, возрожденный в наши дни: «на Масленице в понедельник на Ростовской улице (ныне – ул. Андропова) бывает особое народное гулянье, так называемые „столбы“. На это гулянье сходятся со всего города, а также съезжаются из уезда молодые, то есть обвенчанные в прошлый мясоед. Наряженные в лучшие платья молодые парами ходят по улице...» [История губернского города Ярославля, 2007, с. 234–236].

Свидетельства этнографов XIX столетия помогают учащимся познакомиться с гастрономическими традициями предков, ориентированными на сельскохозяйственный цикл и церковные праздники. В материалах «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева приводится меню зажиточного крестьянина Даниловского уезда Ярославской губернии на Рождество: «Завтрака не было, так как в большие праздники крестьяне считают грехом есть до обедни. После обедни – чай и белый пирог с творогом. За обедом – студень с горчицей, щи с говядиной, лапша, картофель, жареный в сале, молоко. Вечером – чай. Ужин тот же, что и обед» [Шангина, 2008, с. 252].

Среди источников, свидетельствующих о повседневности ярославской провинции, богатый материал предоставляют путевые записки, в том числе иностранцев. О быте ярославских дворян середины XIX в. сообщается в книге маркиза Астольфа де Кюстина, гостившего в семье ярославского губернатора К. Полторацкого. Путешественник поражен их великолепным знанием французского языка («я мог вообразить, что нахожусь в Лондоне или в Петербурге»), начитанностью и вместе с тем истовой набожностью. Касаясь гастрономической темы, маркиз пишет о «завтраке, переходящем в обед, – как принято на Севере», специфическом слове «закуска», икре, стерляди и арбузах, удивляется любви русских к рубленому мясу и кислому супу [Кюстин, 2008, с. 513–533].

Говоря о торговле и международных контактах России в XIX в. уместно привести отрывок из книги Йоханна Хайнриха Блазиуса «Путешествие по европейской части России в 1840–1841 гг.», в котором автор отмечает, что город произвел на него «могучее впечатление. Тысячи людей передвигались взад и вперед

по заполненным улицам, кареты и повозки как будто пролетали во все направления сквозь толпы людей... Впервые мы входили в значимый, по-настоящему русский город... Только тот, кто видит широту базара в Ярославле, его толкотню и количество народа, способен сделать себе очень благоприятное представление об обширных коммерческих делах города» [Блазиуз, 1844].

Одним из ключевых феноменов в культуре повседневности является менталитет. Если в учебнике под редакцией В. Р. Мединского эта тема затрагивается лишь косвенно, то материалы источников помогают более глубоко охарактеризовать черты русского менталитета и его региональные особенности. Так, народные поговорки фиксируют черты «ярославского характера»: «ярославцы чистотельцы; пуд мыла извели, с сестры родимого пятнышка не смыли! [Даль, 2004, с. 104]. Известная русская художница XIX в. Е. М. Бем написала на созданной ею открытке с изображением румяного отрока в боярском костюме: «Ярославцы – все красавцы. Русы кудри сто рублей, буйная голова тысячная, а всему молодцу цены нет» [Ярославская тема в творчестве Елизаветы Бем].

Яркую характеристику ярославцев дает Н. В. Гоголь: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? Знать у бойкого народа ты могла родиться... И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя расторопный ярославский мужик» [Гоголь, 2014, с. 246].

К. Д. Ушинский отмечал, что «ярославцы известны по всей России своей ловкостью, сметливостью, необыкновенными способностями к промышленности и торговле. Трудно найти в России трактир, где бы из-за прилавка не выглядывала веселая физиономия ярославца» [Ярославец как культурный тип...].

Образную характеристику ярославцам дает В. В. Толбин. Он считает, что «ярославцы – народ нежный, деликатный, не марающий своих круглых лиц ни известкою, ни каменной пылью, ни сапожным варом: ярославцы народ промышленный, который вам и поросю обратит в карася, и на воде не утонет, и в огне не сгорит, на обухе рожь смолотит, шилом патоку заварит» [Толбин, 1848].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что изучение повседневности способствует репрезентации культурного пространства региона в курсе истории России. Изучая историю и повседневную культуру региона важно подчеркивать связь с современным культурным контекстом. Так, в частности, культура купечества, по мнению Н. В. Обнорской, является сегодня актуальным туристическим брендом Ярославля [Обнорская, 2016]. В современном туризме находят отражение гастрономические традиции края, элементы народных обрядов (Масленица), ремесел (финифть, изразец). Важно показать ученикам на уроках истории, что все эти явления имеют историко-культурную основу.

Все это создает предпосылки для комплексного изучения поликультурного пространства нашей страны и конкретных ее регионов, в результате чего создается целостная картина повседневной жизни русского общества. Изучение повседневной жизни позволяет решать, среди прочих, следующие задачи: воспитание уважения к культуре своего народа, традициям и духовно-нравственным ценностям этнической группы; способствует достижению таких личностных результатов, как осознание своей идентичности как гражданина страны, идентичности региональной, этнической, культурной.

Библиографический список

1. Александрова М. В. Вызов традиции: последнее поколение ярославского купечества на рубеже XIX–XX вв. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Том I (Культурология). С. 102–106.

2. Гоголь Н. В. Мертвые души : поэма. Санкт-Петербург : Лен-издат, 2014. 319 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. Т.4. С – У. Москва : ОЛМА-ПРЕСС; ОАО «Красный пролетарий», 2004. 576 с.

4. Историко-культурный стандарт. URL: www.gimnasiya-evrika.ru/file/56.doc (дата обращения 15.01.2023)

5. История губернского города Ярославля / сост. А. М. Рутман; вст. ст. А. Гудкова, А. Рутман. Ярославль : Александр Рутман, 2006. 520 с.

6. История России : 9 класс : Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч. 2. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, А. А. Левандовский, А. Я. Токарева; под общ. ред. А. В. Торкунова. Москва : Просвещение, 2022. 143 с.

7. История России. XIX – начало XX века. 9 класс : учебник / Я. В. Вишняков, Н. А. Могилевский, С. В. Аграфонов; под общ. ред. В. Р. Мединского. Москва : Просвещение, 2021. 352 с.

8. Йоханн Хайнрих Блазиуз. Путешествие по европейской части России в 1840-1841 гг. Издание 1844 года. («Reise im Europäischen Russland in den Jahren 1840 und 1841», von BLASIUS, Johann Heinrich). URL: <https://www.charmingrussia.ru/2015/06/xviii-xix.html> (дата обращения 10.03.2023)

9. Кюстин А. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Крига, 2008. 704 с.

10. Марков Б. В. Культура повседневности. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 352 с.

11. Обнорская Н. В. История купечества как составляющая туристического бренда исторического города (на примере Ярославля) // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т.10. № 2 (63). С. 54–66.

12. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения 15.01.2023)

13. Толбин В.В. Ярославцы (Физиологический очерк). URL: http://az.lib.ru/t/tolbin_w_w/text_0020.shtml (дата обращения 10.03.2023)

14. Шангина И. И. Русские традиционные праздники. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 336 с.

15. Ярославская тема в творчестве Елизаветы Бем. URL: <https://antiqueland.ru/articles/684/> (дата обращения 06.03.2023)

16. Ярославец как культурный тип. Опыт реконструкции культурного мифа. URL: <https://erm-kontinent.livejournal.com/198266.html> (дата обращения 13.03.2023)

Е. Г. Козюра, С. Ф. Макарцова

Методические рекомендации по использованию биографических материалов о Ф. М. Красавине в тематике внеурочных занятий «Разговоры о важном»

В статье представлены рекомендации по использованию биографических материалов о Ф. М. Красавине, генерал-майоре, участнике Второй мировой и Великой Отечественной войн, командующем 100-й Львовской дивизией, которая принимала участие в освобождении нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау. Они могут быть востребованы в ряде тем внеурочных занятий федерального проекта «Разговоры о важном» в качестве регионального компонента.

Ключевые слова: концентрационный лагерь; Аушвиц; Холокост; освободитель; воспитание.

E. G. Kozyura, S. F. Makarcova

Methodological recommendations on the use of biographical materials about F. M. Krasavin in the subject of extracurricular activities «Conversations about important things»

The article presents recommendations on the use of biographical materials about Krasavin F. M., Major General, participant of the Second World War and the Great Patriotic War, commander of the 100th Lviv Division, which took part in the liberation of the Nazi concentration camp Auschwitz-Birkenau. They may be in demand in a number of topics of extracurricular activities of the federal project «Conversations about important things» as a regional component.

Key words: concentration camp; Auschwitz; Holocaust; liberator; education.

Одним из приоритетов современной системы российского образования является воспитание личности школьника, которое

осуществляется в единстве урочной и внеурочной деятельности. На это ориентируют важнейшие стратегические, нормативные и методические документы: Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ...], федеральные государственные образовательные стандарты общего образования (2021 г.) [ФГОС...], Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций [Примерная рабочая...], письмо Министерства Просвещения России «О направлении методических рекомендаций» с приложением «Методические рекомендации по реализации цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном» [Письмо ... 15.08.2022] и ряд других.

В этих документах акцент ставится на личностном воспитании школьников, которое осуществляется на основе принципа ориентации на Идеал, образец нравственного поведения и направлено на *«формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества...»* [Федеральный закон ...].

Изучение детьми содержания различных по специфике школьных учебных предметов, в том числе, на основе регионального материала способствует решению образовательных и воспитательных задач. Например, «при изучении истории России предполагается многоуровневое рассмотрение истории государства и населяющих его народов, региона, города, села, семьи» [Концепция преподавания...], то есть локальной истории. Это важно для формирования у школьников патриотических чувств, любви к «малой» Родине, гордости за вклад земляков в историю страны и мира.

В рекомендациях по проведению внеурочных занятий «Разговоры о важном» есть требование, указывающее на необходимость реализации регионального компонента, специфике своего региона (праздники, традиции, обычаи, герои и пр.), что и позволяет ввести краеведческий материал в содержание занятий [Письмо ... 15.08.2022].

В примерный календарный план воспитательной работы на 2022–2023 учебного года входит дата 27 января [Письмо ... 17.06.2022]. В этот день вспоминают два важных памятных исторических события:

- День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.
- День освобождения Красной армией крупнейшего «лагеря смерти» Аушвиц-Биркенау (Освенцима) – День памяти жертв Холокоста.

Последнее событие является значимым для реализации на уровне муниципальной системы образования г. Ярославля проекта «Для памяти потомству своему... Возвращаем забытые имена земляков: Ф. М. Красавин», который был запущен МОУ «ГЦРО» в первом полугодии текущего учебного года.

Целью проекта является возрождение, сохранение и увековечение в исторической памяти жителей Ярославского края имени нашего земляка – Федора Михайловича Красавина, генерал-майора, участника Второй мировой и Великой Отечественной войн, командующего 100-й Львовской дивизией, которая 27 января 1945 г. вошла в г. Освенцим (Польша) и освободила узников нацистского концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау.

Среди задач, которые решают участники проектной группы – информационное сопровождение ученического, педагогического сообществ и представителей гражданского общества о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн, сохранение памяти о Холокосте как одной из трагических страниц военной истории, создание условий для формирования уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества.

В соответствии с ними мы предлагаем использовать биографические материалы о Ф. М. Красавине в цикле внеурочных занятий «Разговоры о важном», которые были введены в 2022–2023 уч. г. [Письмо Минпросвещения ... 05.07.2022]. Темы и содержание внеурочных занятий разрабатываются на федеральном уровне, а методические материалы для педагогов носят рекомендательный характер.

Из перечня тем внеурочных занятий «Разговоры о важном» можно выделить несколько, в содержание которых возможно добавить информацию о Красавине:

- День Героев Отечества,
- День снятия блокады Ленинграда (27 января – День памяти жертв Холокоста),
- День защитника Отечества,
- Память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками,
- День Победы. Бессмертный полк.

Взяв за основу сценарий занятия, разработанного специалистами ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», учитель может внести дополнительные сведения краеведческой направленности в логику изложения содержания той или иной темы. В рамках учебного времени, отведенного на проведение занятия, целесообразно выделить 5-10 минут на информацию о Красавине Ф.М. и адаптировать ее для разных возрастных категорий обучающихся.

«День Героев Отечества» отмечается с 2007 г. Авторы законопроекта о введении этой памятной даты выражали надежду, что она будет способствовать *«формированию в обществе идеалов самоотверженного и бескорыстного служения Отечеству»* [День героев...].

В качестве такого примера на занятии, посвященном Дню Героев Отечества, учитель может использовать биографию Ф. М. Красавина, уроженца Ярославской земли, участника Первой мировой, Гражданской, Второй мировой и Великой Отечественной войн. Он прошел путь от рядового до генерала, награжден орденами и медалями. Желательно сообщение о Ф. М. Красавине иллюстрировать фотодокументами («Проект Красавин Ф. М.»: <https://gcro.ru/orkse-kras>).

На занятиях по темам «День защитника Отечества», «День Победы. Бессмертный полк» можно отметить, что жизнь Федора Михайловича Красавина была тесно связана с Красной / Советской Армией. Он вступил в нее практически с момента основания – 15 июня 1918 г. В октябре 1919 г. воевал на Архангель-

ском фронте. Сначала командовал взводом и ротой, а позже — батальоном. В ходе боев был дважды контужен. По окончании в 1933 г. Военной академии имени Фрунзе командовал полком. Был награжден медалью «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Во время Второй мировой войны Красавин был боевым офицером, а после ее окончания назначен начальником Казанского гарнизона.

Несмотря на то, что в текущем году в тематике занятий «Разговоры о важном» отсутствует тема, связанная с Днем памяти жертв Холокоста (27 января) информация о нем, на наш взгляд, должна прозвучать в содержании занятия «День снятия блокады Ленинграда» в качестве примера нацистской политики военного террора и геноцида советского и еврейского народов.

Связующим звеном может быть и тема оказания медицинской помощи освобожденным узникам концентрационного лагеря Аушвиц. Медицинский персонал, находившийся в составе 100-й стрелковой дивизии, оказывал им необходимую помощь, поскольку имел опыт лечения блокадников Ленинграда, больных дистрофией.

В содержании этой темы, а также темы внеурочного занятия «Память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками» невозможно обойтись без упоминания роли Красной армии и дивизии, которой командовал Красавин, в освобождении крупнейшего нацистского лагеря смерти Аушвиц-Биркенау в г. Освенцим (Польша).

Специалисты ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО» рекомендуют организовать выполнение заданий творческого характера обучающимися. Например, «Напишите письмо человеку, который является для вас героем/письмо солдату», «Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Герои, о которых мало говорят», «Мой герой – какой он?». Список тем может быть расширен, благодаря включению тех, что связаны с биографией Красавина, например, «Роль Красной Армии в освобождении Европы». С целью сохранения памяти о нашем земляке школьникам можно предложить выполнить эскиз памятника или памятной доски Красавину, создать видеofilm о полководце, подготовить информационные презентации, буклеты.

Разработанные нами методические рекомендации содержат пояснительную записку, приложение № 1 – «Биографические данные Красавина Ф.М.», приложение № 2 – «Фотодокументы» [Козюра, Макарецова, 2023].

Предложенные рекомендации и документальные материалы могут быть полезны не только в рамках проведения внеурочных занятий «Разговоры о важном», но и при изучении соответствующих учебных тем на уроках истории и обществознания, основ религиозных культур и светской этики, основ духовно-нравственной культуры народов России, классных часах, вечерах памяти и других формах учебных и воспитательных мероприятий в общеобразовательных организациях общего образования.

Библиографический список

1. День Героев Отечества // История.РФ: главный исторический портал страны: официальный сайт. URL: <https://histrf.ru/read/articles/dien-gieroiev-otiechiestva-event?ysclid=lfgrn73ed0172769519> (дата обращения: 16.01.2023).

2. Козюра Е. Г., Макарецова С. Ф. Методические рекомендации по использованию биографических материалов о Красавине Ф.М. в тематике внеурочных занятий «Разговоры о важном» // МОУ «ГЦРО»: официальный сайт. URL: <https://gcro.ru/orkse-kras/kras-met-rek> (дата обращения: 16.01.2023).

3. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. Утверждена решением Коллегии Министерства Просвещения Российской Федерации протокол от 23 октября 2020 г. № ПК-1ВН // Гарант. Информационно-правовое обеспечение: официальный сайт. URL: <https://base.garant.ru/75023299/?ysclid=lfglpne21u326441870> (дата обращения: 16.01.2023).

4. Письмо Минпросвещения России от 05.07.2022 г. № ТВ-1290/03 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Информационно-методическим письмом об организации внеурочной деятельности в рамках реализации обновленных феде-

ральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования») // Консультант-Плюс: официальный сайт. Москва. URL: <https://www.consultant.ru>(дата обращения: 16.01.2023).

5. Письмо Министерства Просвещения РФ от 17.06.2022 № ТВ-1146/06 «О примерном календарном плане воспитательной работы» // КонсультантПлюс: официальный сайт. Москва. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419902/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/?ysclid=ld03хрny4m752991053 (дата обращения: 16.01.2023).

6. Письмо Министерства Просвещения России от 15.08.2022 г. № 03-1190 «О направлении методических рекомендаций» с приложением «Методические рекомендации по реализации цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном» // Консультант-Плюс: официальный сайт. Москва. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425660/?ysclid=ld03vob7ph295034342 (дата обращения: 16.01.2023).

7. Приказ Министерства Просвещения России от 31.05.2021 г. № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» //Гарант. Информационно-правовое обеспечение: официальный сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/?ysclid=lfgm23e0ls614684063> (дата обращения: 16.01.2023).

8. Приказ Министерства Просвещения России от 31.05.2021 г. № 287 (ред. от 18.07.2022) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // КонсультантПлюс: официальный сайт. Москва. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/?ysclid=ld03tc9j1x683369015 (дата обращения: 16.01.2023).

9. Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций. Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 23 июня 2022 г. N 3/22) //Институт изучения детства, семьи и воспитания: официальный сайт. URL: <https://институтвоспитания.рф/programmy->

vosпитaniya/primernaya-rabochaya-programma-vozpitanija-dlya-obshcheobrazovatelnykh-organizatsiy/ (дата обращения: 16.03.2023).

10. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 г. № 809 // КонсультантПлюс: официальный сайт. Москва. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 10.01.2023).

11. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ // КонсультантПлюс: официальный сайт. Москва. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 26.12.2022).

УДК 372.881.111.1

А. Э. Жук

Особенности реализации школьного дистанционного образования за рубежом: проблематика и вариативность их решения

Автором анализируется зарубежный опыт применения дистанционных технологий в школьном образовании. Дано определение дистанционному образованию, выявляются проблемы, с которыми сталкивались развитые страны при внедрении данной системы. Сформулированы особенности дистанционного образования в зарубежных странах. Актуализирована необходимость развития данной формы обучения, в том числе, и для современной российской образовательной системы.

Ключевые слова: дистанционное образование; дистанционное обучение; дистанционные технологии; зарубежный опыт; информационные технологии; образовательная среда; пандемия Covid-19; интернет; технические средства; школьное обучение.

A. E. Zhuk

*Features of the implementation of school distance education
abroad: problems and variability of their solution*

Within the framework of this article, the author considers and analyzes foreign experience in the use of distance technologies in school education. The definition of distance education is given, the problems faced by developed countries in the implementation of this system are determined. The features of distance education in foreign countries are formulated. The need for the development of this form of education, including for the modern russian educational system, has been updated.

Key words: distance education; distance learning; distance technologies; foreign experience; information technology; educational environment; Covid-19 pandemic; Internet; technical means; school education.

Актуальность данной темы обуславливается особенностями современного влияния интернета, цифровых и коммуникационных технологий на все сферы человеческой жизнедеятельности без исключения. Касается это и образования, в том числе, и школьного. Все чаще сегодня можно заметить внедрение в образовательный процесс новых педагогических технологий, связанных с работой в интернете, с компьютерами, мобильными телефонами, планшетами и пр.

В период пандемии Covid-19 возникла потребность в дистанционном обучении, так как подавляющее большинство школ вынуждено было перейти на дистанционный режим. Причем, коснулось это не только России, но также и большинства развитых стран. При этом, несмотря на тот факт, что после массового перехода в оффлайн-режим, дистанционные технологии по-прежнему продолжают развиваться. Соответственно, целью данной статьи является выявление специфики зарубежного опыта использования дистанционных технологий в рамках школьного обучения.

Очевидно также, что гуманитарные науки, в том числе, и история, гораздо более адаптивны для перехода на дистанционный формат. Это связано, в том числе, и с тем, что при помощи мультимедийных технологий

тимедийных технологий имеется возможность полного воспроизведения исторического исследования. Так, интернет позволяет педагогу использовать весь инструментарий – письменные источники, визуальные материалы, учебник, мультимедийные презентации и т. д.

В первую очередь, необходимо определить, что в рамках данного исследования понимается под термином «дистанционное образование». Н. А. Селиверстова понимает под ним «способ обучения на расстоянии с применением технических средств» [Селиверстова, 2021, с. 250]. Более широкое определение дал Е. Н. Поп, который подчеркнул, что дистанционное образование является специфической системой, обладающей рядом отличительных характеристик, таких как инновационность, технологичность, приспособляемость, модульность, параллельность и потенциальное неограниченное количество обучающихся [Поп, 2020, с. 39]. Т. Л. Каппушева отметила, что дистанционное образование напрямую связано с личностно-ориентированным обучением, а также равнозначно очной, вечерней и заочной формам [Каппушева, 2020, с. 70].

В рамках данного исследования под «дистанционным образованием» понимается особая система обучения, которая подразумевает личностно-ориентированный подход, использование информационных технологий и обладает рядом специфических отличий, таких как возможность на основе отдельных модулей сформировать учебный план, задействовать неограниченное количество учащихся и т. д.

Дистанционное образование начало развиваться еще на рубеже XIX–XX вв., когда во многих учебных заведениях, в том числе, и в Российской империи, стали появляться очно-заочные и заочные формы обучения. Однако необходимо подчеркнуть, что в рамках данной статьи будет обращено внимание исключительно на специфику дистанционного образования при помощи интернета, а также цифровых и коммуникационных технологий, которые стали активно развиваться и постепенно внедряться в жизнедеятельность человека с 1990-х гг.

И. В. Киян, предлагая общую характеристику мирового опыта использования дистанционных технологий, отметила, что еще в

2008 г. менее 1/4 от всех жителей Земли имел регулярный доступ к сети Интернет. При этом, данные очень разнятся по континентам: в США и Канаде эта цифра достигала 3/4 граждан, в то время как в Африке – 1/17 [Киян, 2010, с. 33–34]. Это говорит о том, что дистанционное образование развивалось в последние 30 лет очень неравномерно, и, помимо Соединенных Штатов и Канады, лидерами в данной сфере являлись страны Западной Европы.

Во многих европейских системах образования дистанционные технологии стали активно внедряться еще в середине 2000-х гг. Так, в Швеции уже к началу 2010-х гг. до 100% программ было доступно онлайн, в том числе, и в рамках школьного обучения. Особенно это затронуло частные школы, где учащиеся могли выбрать очно-заочную систему [Бурнашева, 2020, с. 408].

В ряде немецких школ также в 2000-е гг. началось активно применяться смешанное обучение, где задействовались дистанционные технологии. Нередко педагог в данном случае выступает в роли консультанта, к которому обучающиеся могут обратиться за помощью. При этом учащиеся самостоятельно определяют объем учебной нагрузки [Бурнашева, 2020, с. 408-109].

Группа авторов во главе с В. Н. Комличенко провела сравнительный анализ развития дистанционного образования в различных регионах. Так, на 2019 г., лидерами в данной сфере являлись Соединенные Штаты и Канада, которые ежегодно применяли новые технологии для повышения уровня школьного образования и конкурентоспособности. В Европе уровень развития дистанционного обучения распределен неравномерно – лидерами являются Франция и Германия, а также Западная Европа в целом, в то время как Восточная и Южная Европа несколько отстают в данном компоненте. Среди восточноевропейских стран активнее всего в данном секторе образования развивались Чехия, Хорватия и Словения. В то же время исследователи отметили, что азиатские страны постепенно догоняют Европу и Северную Америку в сфере дистанционного образования. Так, Китай, Индия, Пакистан и Индонезия быстрыми темпами внедряют новые технологии, однако, в связи с большой плотностью населения, подавляющее большинство школьников все еще не имеет постоянного доступа к дистанционному обучению. Больших успехов в данной сфере

добились Турция и Таиланд, где большой упор был сделан на развитие цифровой образовательной среды [Киян, 2010, с. 152].

Огромным толчком к развитию дистанционных технологий стала пандемия Covid-19 в 2020 г. О. В. Обухова и Н. Ф. Прошко выявили колоссальные проблемы в готовности как школьников и их родителей, так и педагогов и непосредственно сами школы к подобной организации образовательной деятельности. В частности, на основе данных опроса в Великобритании, менее 50 % обучающихся оказались готовыми к дистанционному обучению, несмотря на, в целом, позитивное к данным технологиям отношение, что говорит о том, что британское общество не было готово к кардинальным переменам в школьном образовании [Обухова, 2021, с. 3–4]. Также во многих английских и шотландских школах был сделан упор на совмещение механических и печатных средств с одной стороны, и электронных, с другой [Каппушева, 2020, с. 72].

Похожая система была разработана и во Франции, однако активный переход на дистанционное обучение в данной стране начался еще в середине 2000-х гг., когда французские власти приняли ряд законов, согласно которым образование имеют право получать все граждане без исключения. Это особенно затронуло инвалидов и маломобильных школьников и студентов Франции, которые дистанционно могли знакомиться с образовательной программой [Каппушева, 2020, с. 72]. В результате, в период пандемии Covid-19, французское общество безболезненно и быстро перешло на дистанционный формат.

В Соединенных Штатах была разработана отдельная модель дистанционного образования, и большое внимание было уделено подготовке специалистов, преподающих через сеть Интернет. Также была предложена особая система мониторинга функционирования образовательного процесса на основе дистанционных технологий, которая, однако, пока не внедрена на постоянной и единой основе [Каппушева, 2020, с. 72].

Канадская образовательная система продемонстрировала огромную устойчивость к резкому переходу к дистанционному обучению. Т. Л. Каппушева отметила, что большое значение в данной ситуации стало длительное совмещение цифрового и пе-

чатного материала в образовательном процессе. Так, еще с конца XIX столетия практиковалось «корреспондентское обучение», в рамках которого при помощи почтовой службы, доставлялись печатные материалы [Каппушева, 2020, с. 73]. В современных реалиях это позволяет канадским школьникам сдавать экзамены и различные тесты в онлайн-формате, а результаты получать по почте с официальным подтверждением.

Китайская образовательная система быстрее адаптировалась к ковидным ограничениям. В частности, уже в первые несколько недель было разработано множество дополнительных сервисов, заданий и упражнений, которые были успешно внедрены в образовательную среду. При этом, огромное внимание в КНР уделялось подготовке педагогов к использованию дистанционных технологий и процессу обучения школьников, в первую очередь, в целях их эмоционального, когнитивного и психического развития [Zhang, 2020, с. 2–3].

В Японии, согласно Т. Л. Каппушевой, «дистанционное обучение разрабатывалось как часть общей стратегии обучения» [Каппушева, 2020, с. 74] и активно началось еще в 1990-е гг. Сначала данная система была внедрена в высшее, позже – в школьное образование. Обучающиеся набирают необходимые зачетные единицы, выполняя задания удаленно, при этом, теоретические знания они могут получить как в рамках очной системы обучения, так и обратившись за консультацией к педагогу удаленно, в зависимости от образовательного учреждения.

Таким образом, дистанционное образование во многих странах началось еще в конце XIX – начале XX вв., однако широкое развитие на основе цифровых инструментов оно получило уже в 1990–2000-х гг. Подобная система позволяет обучающимся не тратить время на то, чтобы добраться до учебного заведения, и, соответственно, большее время уделить учебе. Особенно актуальны дистанционные технологии стали после 2020 г., когда, в связи с пандемией Covid-19, подавляющее большинство учебных заведений было вынуждено перейти на удаленный формат. Сегодня изучение зарубежного опыта применения дистанционных технологий особенно важно для отечественной системы образования, поскольку данная сфера все активнее развивается в современном

глобализированном мире, что открывает колоссальные возможности для обучающихся с одной стороны, а также и самих учебных заведений, с другой.

Библиографический список

1. Бурнашева Е. Ю. Зарубежный опыт реализации образовательных программ с использованием дистанционного обучения // StudNet. 2020. №3. С. 407–412.

2. Каппушева Т. Л. Анализ зарубежного опыта дистанционного обучения // статья в сборнике трудов конференции/ Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск. 2020. С. 70–74.

3. Киян И. В. Анализ зарубежного опыта дистанционного обучения // Энергобезопасность и энергосбережение. 2010. № 6. С. 32–36.

4. Комличенко В. Н. Зарубежный опыт развития дистанционного высшего образования / В. Н. Комличенко, М. Н. Салапура, Е. А. Богданова // XI Международная научно-методическая конференция «Дистанционное обучение – образовательная среда XXI века». Саратов. 2019. С. 152–153.

5. Обухова О. В., Прошко Н. Ф. Экстренный переход к дистанционному обучению: российский и зарубежный опыт // Мир науки. Педагогика и психология. Москва. 2021. №5. С. 1–10.

6. Поп Е. Н. Перспективы дистанционного образования // Информация и образование: границы коммуникаций INFO. Москва. 2020. №12 (20). С. 39–41.

7. Селиверстова Н. А. Дистанционное образование // Знание. Понимание. Умение. Москва. 2021. №2. С. 249–252.

8. Zhang W., Wang Y., Yang L., & Wang C. (2020). Suspending Classes Without Stopping Learning: China's Education Emergency Management Policy in the COVID-19 Outbreak // Journal of Risk and Financial Management. 13(55). P. 1–6. URL: <https://doi.org/10.3390/jrfm13030055> (Дата обращения: 06.03.2023).

Д. Н. Воробьева

Как обсуждать противоречивое и сложное наследие с разной аудиторией: образовательный аспект культурной медиации

В статье описана специфика культурной медиации, как образовательного метода взаимодействия между сотрудниками и посетителями музея, представлен опыт применения медиации в российских культурных институциях и творческих площадках для принятия и преодоления травм трудного прошлого (на примере выставок Музея современного искусства «Гараж», Государственного музея истории Санкт-Петербурга, и Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева).

Ключевые слова: культурное наследие; партиципаторный музей; музейная педагогика; культурная медиация; неудобное прошлое

D. N. Vorobieva

How to discuss controversial and complex heritage with different audiences: the educational aspect of cultural mediation

The article describes the specifics of cultural mediation as an educational method of interaction between employees and visitors of the museum and presents the experience of mediation in Russian cultural institutions and creative sites for accepting and overcoming traumas of difficult past (on the example of exhibitions of the «Garage» Museum of Contemporary Art, the State Museum of History of St. Petersburg, and the State Biology Museum named after K. A. Timiryazev).

Key words: cultural heritage; participatory museum; museum pedagogy; cultural and art mediation; inconvenient past

Понятие «культурное наследие» или «наследие» достаточно прочно вошло в обиход политического и академического дискурса, а также вокабуляр обывателей. Однако единое или четкое определение термина или однозначное понимание его социальной роли, отсутствуют. Наследием называют очень многое: от отдельных архитектурных построек и целых городских кварталов до редких ремесел и празднично-обрядовых традиций. С середины XX в. понятие наследия все более усложняется, постепенно вбирая все новые и новые объекты, признанные ценными и требующие защиты. В результате нематериальное, фольклорное, научное, индустриальное и (позже) цифровое наследие постепенно стали обозначаться единым термином наследие [Ключевые понятия..., 2012, с. 59].

Восприятие наследия формируется в настоящем, но всегда при этом отражает отношение к прошлому: трактовки изменяются в зависимости от социально-исторического контекста и не могут являться универсальными, то есть быть в равной степени значимыми и одинаково понимаемыми всеми. Ввиду особой ценности и уязвимости объектов наследия, активное взаимодействие с которыми выходит за рамки возможностей и знаний обыкновенных людей, контроль за его использованием и сохранением государство берет в свои руки. Еще одна важная причина связана с тем, что памятники, здания и символы культуры несут политическую функцию и играют значительную роль в развитии и укреплении чувств национальной идентичности. Государство приняло на себя задачи основного интерпретатора, определяющего, что именно относить к наследию и под каким углом его презентовать публике [Гайнутдинова, 2022]. В современном мире наследие сохраняется и трактуется якобы в интересах и на благо общества, но исключительно узким кругом допущенных экспертов в рамках официальной политической повестки, а «неудобное» прошлое отодвигается на второй план. Затрудняет проработку тяжелых моментов, насаждаемый государством нарратив о историческом пути, где победы и успехи доминируют над поражениями. Как видим, главной целью сейчас должно стать создание комфортного пространства для комплексного и компромиссного разговора о сложном характере

истории, способного привести к собиранию социальной ткани [Эппле, 2020].

При осмыслении сложившейся ситуации в центре современных дискуссий оказывается поиск новых методов работы с культурным наследием. В общественных науках и культуре постмодерна последних десятилетий мы имеем дело с концептуальными «поворотами»: пространственным, антропологическим, визуальным и т. д. Как подчеркивает культуролог Дорис Бахманн-Медик, на все сферы искусства значительно повлияла концепция перформативности, которая изменила его границы и способы интерпретации. Отныне первостепенное значение приобрел не сам процесс производства артефактов, а создание события и включение в него взаимодействия со зрителем [Бахманн-Медик, 2017].

Еще один поворот – образовательный, возник и длится уже на протяжении многих лет в деятельности музейных кураторов. Он проявляется в стремлении совместить и смешать между собой роль создателя выставок с ролью педагога, вместе с тем переосмыслить место образовательных и партиципаторных практик в культурных институциях. Многие проекты, ассоциируемые с образовательным поворотом, представляют собой публичные программы к выставкам: воркшопы, мастер-классы, семинары, серии лекций и т. п. Модели, в которой музей прежде выполнял обсуживающую функцию, а его сотрудники своего рода опекуны должны были заполнить или устранить «пробелы» в знаниях своей аудитории-учеников, противостоит теория перемещен, напротив, выделяющая посетителям центральное место как активным познающим субъектам [Образовательный разворот..., 2021].

В размышлениях о смене и влиянии новых культурных парадигм важной является мысль педагога и арт-куратора Норы Штернфелд, которая считает их поисками ответа на кризис музея в том виде, в каком мы его знаем. Сегодня музей больше не хранилище ценных экспонатов, а меняющееся пространство с будущим эмансипаторным потенциалом, который простирается от переоценки ценностей до публичных собраний и критического образования. Безусловно, эта позитивная тенденция в форми-

ровании коммуникационного поля и включение музеев в социокультурное пространство в реальности сталкивается с нормативными образами и требованиями к художественной репрезентации, диктуемыми государством [Штернфельд, 2021]. Эти факторы могут быть контекстуализированы в российской музейной действительности.

После Европейской биеннале современного искусства «Манифеста 10» в Государственном Эрмитаже в 2014 г., методический опыт которой оказался инновационным для российской музейной среды, внимание широкого круга российских специалистов привлекла необходимость интеграции с зарубежной системой музейного образования. Важнейшей дискуссионной точкой стали новые стратегии вовлечения зрителей и возможность внедрения экспериментальных форм подачи современного искусства. Прошедшая биеннале открыла для консервативного музея одну из таких форм коммуникации в выставочном пространстве: на «Манифеста 10» с посетителями работали не привычные экскурсоводы или гиды, а медиаторы. Сепаке Ангиама, руководитель департамента образования Международного Фонда «Манифеста», комментирует их роль следующим образом: «содействовать диалогу в плюралистической ситуации взаимодействия зрителя и искусства, находится между двумя этими сторонами, не присоединяясь ни к одной из них и не вынося о них никаких суждений» [Рабочая тетрадь арт-медиатора, 2014, с. 16]. То, что это оказалось непривычной практикой для российских музеев, отметил А. Г. Бойко, ведущий методист по музейно-образовательной деятельности Русского музея. Он же высказался о потенциале совмещения и использования для решения самых сложных задач знакомых и понятных музейно-педагогических занятий и традиционных экскурсий с занятиями с арт-медиатором [Бойко, 2015].

В данной статье мы будем использовать понятие «культурная медиация» в широком смысле, который включает в себя туры, дискуссии и практические занятия, направленные на обучение смотреть на наследие, интерпретировать его и критически осмысливать. Знакомство с достоянием культуры предполагает разные варианты: посетитель выбирает, пойти в музей самостоя-

тельно или в составе группы, делать это в формате экскурсии, или же – в формате медиации. Первая практика шире распространена и подходит тем, кто предпочитает слушать и кому важны логичный с изначально заданной продолжительностью маршрут и экспертная позиция музея, куратора или экскурсовода. В условиях же культурной медиации проводником становится медиатор: он помогает понять посетителям артефакты культуры с помощью диалога с произведением, друг с другом и самим собой.

Теоретик современного искусства и педагог Мария Линд считает одной из целей медиации – создание «интерфейсов взаимодействия» между людьми, произведениями искусства и кураторскими проектами. Разнообразные и экспериментальные практики медиации открывают возможность для более активного вовлечения участников в общую беседу и сотворчество, вместе с этим общение проходит в менее поучающей, ненавязчивой манере. Формат медиации получил широкое распространение в специфической сфере современного искусства, Линд предлагает обратить на него внимание и развивать другие типы медиации и в других контекстах [Линд, 2020].

Все больше музеев и культурных институций по всему миру делают медиацию одним из флагманских способов коммуникации с посетителями. Кроме того, данная практика начала выходить за пределы художественной среды, становиться привлекательной для специалистов в области социальных и педагогических исследований. В рамках данной статьи будут рассмотрены примеры, как практики вовлечения посетителей, выстраивания с ними активного диалога и обмена знаниями помогают современным творческим площадкам работать с трудным прошлым.

В 2017 г. в выставочном зале «Невская куртина» Государственного музея истории Санкт-Петербурга проходила первая российская выставка современного искусства о блокаде Ленинграда – «Тихие голоса». Дополнением к ней стала авторская арт-медиация Алексея Павловского, сотрудника Европейского университета. Его роль состояла в переводе языка актуального искусства и визуальных метафор для широкой публики. Непростой разговор был посвящен проблеме того, как, обращаясь и отчасти

полемизируя с современным искусством о блокаде, очистить коллективную память от пустых идеологем и научиться себе задавать правильные вопросы о событиях 1941–1944 гг. Какую память о блокаде хотим сохранить? Как должны помнить и, самое главное, какой в этом смысл? [Belova, 2017]

В период пандемии музеи вынужденно закрыли свои двери, но успешно перенесли большинство мероприятий в режим онлайн, пересмотрели материалы из собственных запасников и сформировали новые способы взаимодействия с аудиторией. Встречи с медиатором в небольшой компании или один на один, как оказалось, возможны и успешны в дистанционном формате. К такой практике обратился Музей современного искусства «Гараж» в Москве в рамках онлайн-медиаций по выставке «Секретники: копание в советском андеграунде. 1966–1985». Название отсылает сразу к нескольким темам. Советские дети играли в секретники: выкапывали небольшую ямку в земле, клали в нее очень ценный для себя предмет, прикрывали его кусочком стекла, а после закапывали. О том, где спрятаны сокровища, рассказывали только близким друзьям. Также и советские художники-нонконформисты тайно создавали свое «запретное» свободомыслящее искусство и устраивали в квартирах или мастерских секретные выставки, приглашая туда только избранный круг. Задачей каждой медиации «Гаража» было углубление в один из узких аспектов проекта, а не пересказ кураторского текста и показ фотографий экспозиции. В контексте заявленной темы медиаторы подробно обсуждали с участниками три-четыре объекта (дневниковые записи, архивные журналы, инсталляции и фотографии работ) и через актуализацию закрытой андеграундной культуры помогали соотнести опыт неофициальных художников с опытом современного человека, оказавшегося в условиях самоизоляции [Романова, 2021].

Музейные проекты на болезненные и сложные темы чаще всего создаются таким образом, чтобы все экспонаты вызывали эмпатию и «разговаривали» с посетителями, по сути, сами становились медиаторами в публичном пространстве. Однако в художественной интерпретации трудного наследия есть несколько подводных камней: риск разделения людей на жертв и палачей и

погружение в страдание, с которым зритель остается один на один и с которым сложно справиться. Показать советский государственный террор с разных точек зрения смогла Надежда Пантюлина через выставку «Засушенному – верить». Выставка построена изнутри ботаники, выходя в плоскость истории, социологии, психологии. Она становится точкой, где сходятся сразу множество дисциплин, все вместе они работают на сложную задачу реконструкции исторической памяти. О людях, попавших в условия репрессий и несправедливости, рассказано в неожиданном ракурсе – через гербарные листы, которые выступают и научным источником, и архивным документом, и метафорой хрупкости жизни. Сухие растения становятся способом вспоминания события и людей, помогают разговаривать на трудные темы, найти в себе следы прошлого и преодолеть их. «Засушенному – верить» не делит людей на правых и виноватых, она показывает, что можно сделать врага из любого человека, и предлагает поговорить об агрессии как природном свойстве каждого, задуматься о ее причинах и границах [Интерпретация наследия..., 2019; Проект «Засушенному – верить», 2023].

Подводя итоги, выделим образовательные эффекты культурной медиации. В отличие от экскурсовода, который изначально находится в позиции «учителя» и должен закрыть «пробелы» в знаниях посетителей, опираясь на исторические факты и свою компетентность, культурная медиация ближе к образовательному подходу «равный – равному». Медиатор не воспроизводит заранее подготовленный текст, а ведет свободный диалог, отталкиваясь от своих наблюдений и обращаясь к ресурсам воображения и памяти зрителей. Формат медиации допускает импровизацию, поскольку содержание беседы напрямую зависит от бэкграунда участников и степени их вовлеченности. Адаптивность этой практики позволяет использовать ее в инклюзивном образовании — смещается акцент с произведения искусства на зрителя, предлагая последнему самостоятельно подумать, почему та или иная работа кажется ему интересной. Тем самым медиация способна дать каждому ощущение принадлежности к процессу творчества в выставочном пространстве. Культурная медиация обладает большим потенциалом в работе не только со зачастую

странно-непонятным современным искусством, но и диссонантным наследием нашего общего прошлого. Медиатор добивается, чтобы посетитель получил возможность и право обсудить конфликтные вопросы, находил собственные подходы к восприятию и пониманию спорных тем и не боялся рассуждать.

Библиографический список

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с немецкого С. Ташкенова. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.

2. Бойко А. Г. Медиаторы? Экскурсоводы? Педагоги? // Музей и музейщики: проблемы профессионального образования : материалы международной конференции, 14–15 ноября 2014 г. / сост. С. В. Кудрявцева, Е. Д. Русакова. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 78–81.

3. Гайнутдинова А. О культурном наследии в подробностях // Проект Россия : сайт. 08.02.2022. URL: <https://prorus.ru/interviews/o-kulturnom-nasledii-v-podrobnostyah-vvedenie/> (дата обращения: 14.03.2023).

4. Интерпретация наследия: сила повествования в музее : сборник материалов международной конференции, 27–29 июня 2019, Санкт-Петербург, 2019. 47 с.

5. Ключевые понятия музеологии / пер. с фр. А. Урядниковой; (ed. by A. Desvallées, F. Mairesse. P. : Armand Colin, 2010) ИКОМ России, 2012. 101 с.

6. Линд М. Зачем искусству медиация? (Why mediate art?) / Пер. А. Силёвой // ART Узел : сайт. 19.06.2020. URL: <https://artuzel.com/content/zachem-iskusstvu-mediaciya> (дата обращения: 14.03.2023).

7. Образовательный разворот. Кто еще производит знания в культуре? Сборник статей / сост.: А. Белишкина, Я. Кличук, Ж. Монбарон. Санкт-Петербург : ГМИИ имени А.С. Пушкина, 2021. 182 с.

8. Проект «Засушенному – верить» : сайт. 2023. URL: <http://zasushennye.ru/> (дата обращения: 14.03.2023).

9. Рабочая тетрадь арт-медиатора / Manifesta 10. The European Biennial of Contemporary Art. 2014. URL:

http://m10.manifesta.org/media/uploads/files/workbook_mediation_rus.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

10. Романова М. Эксперименты во время пандемии: онлайн-медиация по выставке «Секретники: копание в советском андеграунде. 1966–1985» в Музее современного искусства «Гараж» // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. 2021. № 2. С. 59–88. URL: https://thegaragejournal.org/files/05/520_099521c5462a3bed47057d03bc112b352ec6834a.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

11. Штернфельд Н. «Радикальный демократический музей» – разговор о возможностях определения нового музея / Ф. Аше, Д. Дёринг, Н. Штернфельд / пер. С. Бабкина // Центр экспериментальной музеологии : сайт. 26.04.2021. URL: <https://redmuseum.church/radikalnyj-demokraticeskij-gmuzej> (дата обращения: 14.03.2023).

12. Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах, Москва : Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

13. Ludmila Belova (2017) Алексей Павловский/арт медиация в рамках проекта «Тихие голоса» // YouTube: видеохостинг. 9 октября (<https://www.youtube.com/watch?v=7tJMDr8zaPI>) Просмотрено: 14.03.2023.

С. Л. Таланов, Ф. Ю. Кушнарев

Роль педагога и наставника в формировании образовательной и профессиональной стратегии студенческой молодежи

В статье анализируется роль педагога и наставника в формировании образовательной и профессиональной стратегии подрастающего поколения. Установлено, что у большей части студентов из семей, которые относятся к высокоресурсным группам, есть наставники, которые определяют их ценности и оказывают им поддержку. Среди студентов из средне и слабонересурсных групп – это учителя, на мнение которых они ориентируются при принятии важных решений.

Ключевые слова: учителя; наставники; семья; вуз; референтная личность.

S. L. Talanov, F. Yu. Kushnarev

The role of a teacher and mentor in shaping the educational and professional strategy of students

The article analyzes the role of a teacher and mentor in the formation of the educational and professional strategy of the younger generation. It has been established that most of the students from families who belong to high-resource groups have mentors who determine their values and support them. Among students from medium and low-resource groups, these are teachers, whose opinion they are guided by when making important decisions.

Key words: teachers; mentors; family; university; reference personality.

Основные ценности формируются у человека в рамках первичной социализации. В каждой семье или семейной группе есть

бабушки, дедушки, ближайшие родственники, которые транслируют от поколения к поколению ценности семьи (семейной группы), рассказывают о предках, о том, кто из них кем был, чего достиг или не достиг в своей жизни. Во многих семьях стараются соблюдать традиции, дают имена в честь прадедушки, прабабушки или дедушки и бабушки. Родители рекомендуют поступать в тот или иной вуз, где учились сами. К примеру, если в нескольких поколениях в семейной группе были те, кто служил в армии, то обычно и сыну рекомендуют продолжить семейные традиции и пойти служить в армию или поступить в военное училище. Чаще всего даже нет необходимости рекомендовать сыну или дочери поступать в тот вуз, где сами учились. Так как пока дети растут в семье, они и так впитывают в себя основные ценности семьи. Социологические исследования показывают, что социальное поле (родственники), имеет большое влияние на формирование образовательной и профессиональной стратегии детей. С другой стороны, те же социологические исследования демонстрируют, что часть детей иногда меняют устоявшиеся семейные традиции. Например, несмотря на то, что в семье из поколения в поколение все работают врачами, дети идут поступают в военный, педагогический или в технический вуз.

Кроме того, в последние годы в стране наблюдается высокий уровень разводов, что также оказывает влияние на формирование брачных, семейных, образовательных установок среди молодых людей [Гурко, 2021].

Учитывая все вышеизложенное, мы предприняли попытку проанализировать, почему некоторые дети меняют установившиеся семейные традиции и выбирают образование, отличное от выбора их родителей. И какова в этом процессе роль наставников и педагогов?

Постановка проблемы

Ученые всех стран мира целенаправленно изучают роль агентов первичной социализации в формировании образовательной и профессиональной стратегии детей [Jamal, 2013; Tibbetts, 2018; Попова, 2018].

Российскими социологами установлено, что для большинства детей референтной личностью являются родители [Таланов, 2020]. При этом также выявлено, что если оба родителя работают врачами или учителями, то высокая вероятность того, что впоследствии их дети повторят их профессиональный выбор.

Исследования демонстрируют, что все реже дети из семей низкоресурсных групп советуются со своими родителями при выборе направления своего обучения в вузе или колледже [Петрунина, 2022; Гошин, 2021; Лактюхина, 2018]. В тоже время выявлено, что дети при принятии важного решения все чаще обращаются за советами не к своим родственникам, а к учителям (классному руководителю, наставнику и т. д.) [Кушнарев, 2021; Ядова, 2022; Березин, 2019].

Социологи, политологи, педагоги систематически анализируют, как престиж той или иной профессии влияет на желание подрастающего поколения работать по выбранной профессии [Шевченко, 2022].

Исследования последних пяти лет демонстрируют, что родственники принимают по возможности, посильное участие в формировании образовательной и профессиональной стратегии подрастающего в семье поколения [Гневашева, 2023; Бабуркин, 2022].

Данные выводы учитывались нами при разработке нашей программы социологического исследования.

Эмпирическая база исследования

Осуществлен опрос студентов в 2022 г.:

- Ярославского государственного педагогического университета (ЯГПУ);
- Ярославского государственного университета (ЯрГУ);
- Ярославского государственного медицинского университета (ЯГМУ);
- Ярославского государственного технического университета (ЯГТУ).

Выборка квотная. Выборочная совокупность $n=2400$. Переменные квотирования: пол, возраст, вуз, тип семьи.

Авторская гипотеза

Подрастающее поколение при выборе образовательной и профессиональной стратегии, учитывает ресурсы своей семьи и мнение родителей, а также учителей и наставников. При этом ориентируются в большей своей массе на мнение референтной личности, которой чаще всего выступают родители, учителя и наставники.

Рабочие гипотезы:

1. Дети из семей, которые относятся к высокоресурсным группам, в большей своей массе, при выборе вуза и при выборе работы, ориентируются в большей степени на мнение родителей, а не на мнение учителей и наставников.

Семьи, которые относятся к высокоресурсным группам, характеризуются следующими признаками:

– все в семье, а также в семейной группе, имеют высшее образование. Имеют постоянные доходы, в том числе пассивные доходы. Один или оба супруга, а также некоторые члены семейной группы, занимают высокие должности в социальной организации (в правительстве, в банковской сфере и т. п.) или имеют свой крупный бизнес и т. п.

2. При формировании образовательной и профессиональной стратегии дети из семей, которые относятся к средне- и слабонересурсным группам, ориентируются в большей степени не на мнение родителей и родственников, а на мнение педагогов (учителей) и/или наставников.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, есть ли в семье респондентов устоявшиеся традиции при выборе образовательной и профессиональной траекторий (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «В вашей семье стремятся соблюдать преемственность, связанную с получением образования и выбором профессии?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Из семей, которые относятся к высокоресурсным группам		Из семей, которые относятся к средне ресурсным группам		Из семей, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Юноши n=400	Девушки n=400	Юноши n=400	Девушки n=400	Юноши n=400	Девушки n=400
В нашей семье не стремятся соблюдать преемственность, связанную с получением образования и выбором профессии	58	75	67	87	88	94
Да, все члены семьи из поколения в поколение стремятся продолжить семейные традиции и получить аналогичное образование как у родителей, дедушек, бабушек и т.д., или хотя бы пойти работать по той же специальности.	42	25	33	13	12	6

Как мы видим из ответов опрошенных, девушки в меньшей степени, чем юноши, стремятся соблюдать традиции семьи при выборе образовательной и профессиональной стратегии. При этом девушки из семей, которые относятся к высокоресурсным группам, больше склонны придерживаться ценностей семьи, чем девушки из семей, которые относятся к среднересурсным и слабоборесурсным группам.

Далее мы изучали, были ли (или есть сейчас) у наших респондентов такие учителя или наставники, которые значительно повлияли на их ценности, интересы, потребности (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Были ли у Вас (или есть сейчас) такие учителя или наставники, которые сильно повлияли на ваши ценности, интересы, потребности?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Из семей, которые относятся к высокоресурсным группам		Из семей, которые относятся к средне ресурсным группам		Из семей, которые относятся к слабо ресурсным группам	
	Юноши n=400	Девушки n=400	Юноши n=400	Девушки n=400	Юноши n=400	Девушки n=400
Нет, не было такого учителя в моей жизни.	70	57	51	26	10	-
Да, был такой наставник. Благодаря ему я стал более успешным.	67	73	40	51	12	23
Нет, не было такого наставника в моей жизни.	33	27	60	49	88	77
Да, были такие учителя (учитель). Благодаря им я стал более успешным.	25	33	37	49	56	64
Да, были такие учителя (учитель). Благодаря им я стал менее успешным, сформировались масса комплексов, стал неуверенным в своих силах и возможностях.	5	10	12	25	34	36

*Количество процентов по вертикали больше 100 %, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов.

Как видно из ответов респондентов, у большей части студентов из семей, которые относятся к высокоресурсным, в отличие от студентов из средне- и слаборесурсных групп, есть наставники, определяющие их ценности, оказывающие им поддержку. У студентов из средне- и слаборесурсных групп, в основном, есть не наставники, а учителя, на мнение которых они ориентируются при принятии важных решений.

Далее мы изучали, какой вклад внёс учитель (учителя) или наставник при разработке и реализации образовательной и профессиональной стратегии студентов (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Кто-нибудь из педагогов или наставников участвовал в формировании вашей образовательной и профессиональной стратегии?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Из семей, которые относятся к высокоресурсным группам		Из семей, которые относятся к средне-ресурсным группам		Из семей, которые относятся к слаборесурсным группам	
	Юноши n=400	Девушки n=400	Юноши n=400	Девушки n=400	Юноши n=400	Девушки n=400
Дали ценный совет и оказали моральную поддержку	74	70	68	63	72	80
Подказали, в какой вуз поступать	50	52	58	64	65	75
Подказали, какую профессию выбрать	33	32	50	51	77	85
Поговорили с моими родителями, чтобы они не препятствовали мне поступать в тот вуз, которой я выбрал	12	19	24	39	58	73
Помогли деньгами	-	-	21	34	45	67

Помогли переехать в другой город	-	-	-	-	7	21
Другим образом	5	5	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100%, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов.*

Как видно из ответов, примерно, у одной трети студентов из высокоресурсных групп это учителя и наставники, которые подсказали, какую профессию им выбрать в жизни. При этом половине студентов, из высокоресурсных групп, учителя и наставники порекомендовали вуз для обучения. Мы видим, что в некоторых случаях учителя и наставники помогают не только советами и разговорами с родителями о будущей профессии, но и материально.

В ходе исследования изучали, как престиж профессии повлиял на выбор образовательной и профессиональной стратегии студентов. Установили, что большинство студентов из средне- и слабонересурсных групп ориентировались в большей степени на мнение педагогов, чем на престиж профессии.

Заключение

В рамках исследования была выявлена роль учителей и наставников при формировании образовательной и профессиональной стратегии подрастающего поколения. В ходе проведенного исследования, нашли подтверждение все гипотезы. Отдельно отметить, что для подрастающего поколения учителя и наставники, являются нравственным ориентиром и помогают при выборе жизненной траектории.

Библиографический список

1. Бабуркин С. А. Отношение к учебе и вторичной занятости студентов: гендерные особенности // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 11. С. 47–62.
2. Березин Д. Т. Отношение студентов вузов к профессии «учитель» и программе «Земский учитель» // *Социальные и гуманитарные знания*. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 224–243.

3. Гневашева В. А., Топилин А. В., Воробьева О. Д. Процесс воспроизводства трудовых ресурсов в современной России: монография. Москва: Проспект, 2023. 200 с.

4. Гошин М. Е., Пинская М. А., Григорьев Д. С. Формы участия родителей в образовании детей в школах разного типа // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 70–83.

5. Гурко Т. А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69.

6. Кушнарев Ф. Ю., Чистякова Д. В. О жизненных стратегиях молодых людей с ограниченными возможностями здоровья при трудоустройстве: проблемы и пути решения (на примере г. Ярославля) // Вестник социально-политических наук. 2021. № 20. С. 34–43.

7. Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. Влияние опыта развода на брачно-семейные установки // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1 (90). С. 88–96.

8. Петрунина Д. С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 57–64.

9. Попова И. П. Профессиональное образование и профессиональная мобильность: результаты анализа биографических интервью // Многомерная социальная мобильность в современной России. Монография. Электрон. текст. дан. (объем: 1,15 Мб). Москва : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 56–59.

10. Таланов С. Л. Влияние референтной личности, социального капитала семейной группы на формирование образовательной и профессиональной стратегии детей // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 28–37.

11. Шевченко П. В. Изменение статусных характеристик учителя московской школы // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 72–83.

12. Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83–93.

13. Jamal F., Fletcher A., Harden A., Wells H., Thomas J., Bonell C. The school environment and student health: a systematic review and meta-ethnography of qualitative research // BMC Public Health. 2013. Vol. 13. P. 798.

14. Tibbetts Y., Priniski S. J., Hecht C. A., Borman G. D., Harackiewicz J. M. Different Institutions and Different Values: Exploring First-Generation Student Fit at 2-Year Colleges // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 502.

УДК 316.4

О. В. Епархина

***Digital-образование в РФ: возможности и вызовы
для педагога***

Digital-образование как комплекс инструментов, отношений, технологий трансляции знаний на альтернативной технологической основе предоставляет современному педагогу множество возможностей работы с аудиторией и самореализации, в то же время создавая вызовы. В данной статье рассматриваются основные принципы и инструменты digital-образования с точки зрения развития профессиональных и личностных возможностей и вызовов для педагога.

Ключевые слова: digital-образование; педагог; возможности образования; технологии digital-образования; цифровизация.

О. V. Yeparkhina

***Digital education in the Russian Federation: opportunities
and challenges for the teacher***

Digital-education as a complex of instruments, relationships and technologies for knowledges translating with new technological base create a lot of possibilities for a class working and personal potential realization of modern teacher. At the same time it make a lot of new challenges for teacher. There are basic rules and instruments of digi-

tal-education for professional and personal development and challenges for a teacher in this article.

Key words: digital; digital-education; teacher; possibilities of education; technologies of digital-education.

В настоящее время и мир в целом, и Россия в частности переходит к цифровому образованию, которое можно определить как инновационное использование цифровых инструментов и технологий в процессе преподавания и обучения (электронное обучение) [Управление публичной политикой..., 2015]. Основными тенденциями такого образования считают использование цифровых учебников, интернет-классы, персонализацию преподавания и обучения, использование мультимедиа и т. п. [Киселева, 2019] Указанные тенденции и новые инструменты обучения могут как расширять возможности преподавательской работы, так и способствовать почти полному исключению преподавателя из процесса обучения, зачастую вытесняя его на периферию образовательного процесса или сводя его роль к роли методиста. Однако, практически любые инструменты digital-образования имеют определенный потенциал использования и дают преподавателю новые возможности для расширения диапазона образовательных и воспитательных практик [Информационные и коммуникационные технологии..., 2013].

Одним из вариантов цифрового образования выступает электронное обучение (e-learning), то есть обучение с использованием интернет-технологий [Киселева, 2019]. В литературе выделяют несколько типов электронного обучения: автономное обучение; управляемое обучение; обучение, направляемое инструктором; встроенное обучение; теленаставничество; дистанционное обучение [Цифровой мир..., 2022]. Также часто можно говорить об использовании такого направления digital-образования как STEM-образование, то есть обучения, включающего в себя изучение естественных наук вместе с инженерией, технологией и математикой [Киселева, 2019]. Этот вид образования имеет колоссальные возможности по популяризации технических дисциплин и развитию цифровых профессий в том направлении, которые максимально востребованы обществом и акцентируются

государством как необходимые [Политическая онтология цифровизации..., 2022; Сморгунов, 2018; Сотрудничество в публичной политике..., 2018]. Все вышеперечисленные варианты digital-образования, включая автономное обучение, предполагают участие преподавателя в процессе, меняя, однако его роль в диапазоне от консультанта и тьютора до систематизатора теории и автора алгоритмов выполнения практических заданий. Эти роли требуют от педагога освоения ряда новых умений и навыков: многозадачность, реактивность, умение перестраивать структуру занятия, умение активизировать аудиторию и стимулировать ее к самостоятельной работе при отсутствии личного контакта, повышение скорости ориентирования в большом объеме контента и т. п. Новые вызовы приводят к систематическому переобучению самого педагога и частым изменениям образовательного процесса в плане содержания и методик.

Рассмотрим эти вызовы через оптику принципов digital-образования.

Одним из основных принципов, используемых в digital-образовании сегодня, выступает кроссплатформенность как возможность открывать учебные материалы на разных типах электронных устройств [Терехова, 2017]. Так, например, курс можно открыть на стационарном компьютере или ноутбуке, практические задания выполнить на планшете, а видеоматериал смотреть с телефона. Применительно к этому принципу мы можем говорить о возможностях двух групп инструментов digital-education.

Первая группа – массовые открытые онлайн-курсы. Это дистанционные учебные курсы, созданные с ориентацией на большое количество отдаленных друг от друга студентов [Гаврилов, 2019]. Содержание курсов находится в открытом доступе и не имеет ограничений. Данный термин был введен еще в 2008 г. Д. Кормиером [Киселева, 2019]. Такие курсы имеют дату старта и окончания, предполагают лекции и задания, наличие преподавателя, который координирует обратную связь. Обратную связь может заменить сообщество участников, обучение которых строится по принципу передачи знаний от одного обучающемуся к другому. В курсе используются как синхронные, так и асинхронные средства обучения [Киселева, 2019]. К первым относят,

например, вебинары, хенд-ауты, ко вторым – традиционные учебные материалы и методы. Открытая структура и цели обучения, открытый лицензированный контент являются часто используемыми элементами такого курса [Гаврилов, 2019]. Иногда в курсе предусмотрена и дополнительная составляющая более коммерческого характера, например, платные сертификации или конкурс на трудоустройство наиболее успешных учеников [Киселева, 2019].

Л. Киселева выделяет три вида массовых онлайн курсов (МООС) [Киселева, 2019].

В-первых, это курсы сМООС. Такие курсы базируются на теории коннективизма, где обучение понимается как рост и развитие личности; основными принципами распространения контента являются массовость, открытость регистрации, доступность данных по завершении обучения, равноправие учащихся и преподавателей. К их минусам относят большое количество информации, слабый контроль со стороны преподавателя и разноплановость целей участников, не способствующая организации эффективного образовательного процесса.

Во-вторых, это task-based МООС. Это курсы, основанные на практических заданиях; приветствуется выполнение заданий многообразными способами и групповая творческая работа по решению задач.

И в-третьих, это курсы xМООС, представляющие собой открытые курсы больших, часто международных университетов, где предусмотрен четкий график, аттестация участников, жесткий контроль со стороны преподавателя, общая цель участников, высокая роль преподавателя в силу его высокой экспертности.

Второй инструмент – образовательные и просветительские платформы. Это многочисленные образовательные источники, которые могут использоваться для получения дистанционного формального и неформального образования [Терехова, 2017; Нечаев, 2016]. К ним можно отнести в том числе онлайн-игры, стимуляторы, тренажеры интерактивного характера, онлайн-СМИ, браузерные приложения и видеоканалы. Они должны соответствовать образовательным программам, ФГОС, профстандарту и могут помочь при освоении учебной программы или же

позволяют приобрести дополнительные практические навыки в рамках последних. Материалы таких образовательных ресурсов обязательно должны соответствовать стандартам и требованиям, просветительские же инструменты направлены на дополнительное образование, на расширение объема знаний, которым уделено мало времени в школьной или университетской программе. Грань между образовательными и просветительскими платформами не определяется точно, иногда они могут совмещаться, поэтому часто для их обозначения используют понятие «онлайн ресурс для самообразования» [Киселева, 2019].

Существует несколько типологий таких ресурсов. Первая типология выделяет восемь типов ресурсов: курсы без личного участия преподавателя, цифровые учебники, математические и языковые ресурсы для повторения, онлайн-занятия с участием и руководством преподавателя, специализированный контент, подготовка к тестированиям, онлайн-платформы для общения с тьютором [Терехова, 2017; Киселева, 2019].

Вторая типология предполагает выделение мобильных приложений для учебы, образовательные платформы (мобильное и социальное обучение, онлайн обучение, инструменты учебной кооперации), сервисы для обучения в рамках школьной программы (адаптивное или персонализированное обучение и т. п.), онлайн-занятия (тьюторство, подготовка к тестам, курсы), инструменты для учеников и учителей (LMS системы – MOODLe, Прометей, efRONT) [Терехова, 2017; Киселева, 2019].

И еще одна классификация, созданная в 2016 г., выделяет несколько типов ресурсов [Терехова, 2017; Киселева, 2019].

Во-первых, это ресурсы, предназначенные для широкой аудитории пользователей: онлайн-ресурсы широкой направленности, LMS, платформы для изучения языков, инструменты для обучения поколения Z с высокой степенью геймификации и использованием искусственного интеллекта, платформы по поиску тьютора и выходу из онлайн в оффлайн, , платформы для рейтингов и поиска учебных заведений.

Во-вторых, ресурсы для педагогов: инструменты для педагога (например, для организации работы, ведения конспектов и планов занятий, конструкторы), школы нового поколения, ресурсы

для создания учебных планов (платформы, предлагающие образовательный контент для учащихся по модели смешанного обучения, то есть обучение происходит и в школе/университете, и дома), платформы для подготовки к тестам.

В-третьих, ресурсы для самообразования детей: платформы для дошкольного образования и образовательно-развлекательные сервисы для детей.

В четвертых, ресурсы для самообразования взрослых: корпоративные ресурсы, ресурсы для обучения IT.

Как мы видим, многообразие инструментов с одной стороны создает принципиально новые возможности распространения образовательного контента и закрепления знаний на практике [Плешаков, 2012], но, с другой стороны, требует от преподавателя ухода от выполнения воспитательных и личностно-ориентированных функций к роли транслятора контента и создателя алгоритмов обучения. Выполнение же воспитательных функций становится возможным лишь в рамках роли методиста: отбирая материал для обучения, есть возможность заложить / не заложить соответствующий контент воспитательного характера.

Другим принципом digital-образования является многозадачность, то есть способность одновременного потребления информации из нескольких видов каналов или осуществление одновременно нескольких параллельных коммуникаций. [Киселева, 2019] Это создает дополнительные сложности для педагога, вынужденного вести одновременно множество процессов, в то же время формируя конкурентную среду, в которой обучающийся выберет не только более информативную и полезную коммуникацию, но и ценностно-близкую и культурно-ориентированную на его социальную среду. Возможности решения таких задач пока не рассматриваются в специализированной литературе, но это вопрос ближайшего будущего.

Еще одним принципом выступает глубинное обучение [Киселева, 2019]. Практически это принцип выражается в развитии технологий искусственного интеллекта, которые позволяют изучать новые концепции на основе больших данных (часто неструктурированных) и искусственных нейронных сетей, по своим свойствам схожих с нейронными сетями мозга. В крупные ИИС

передаются алгоритмы обучения и постоянно растущие массивы данных, повышающие эффективность обучения. Со временем такая сеть охватывает все большее количество уровней и это ведет к повышению эффективности образования. Очевидно, что этот принцип приводит к полному вытеснению педагога из процесса не только воспитания, но и трансляции контента.

И наконец, еще одним практическим принципом, о котором стоит говорить в контексте digital-образования, являются технологии High-Hume, то есть технологии, предназначенные для изменения сознания и развития личности [Жукова, 2007]. Они могут рассматриваться как механизм саморегуляции социума и человека, производя и внедряя новые способы деятельности и мышления [Жукова, 2007]. Именно мышление является их центральным звеном, но акцент делается не на закономерностях абстрактно-логического мышления, а на творческо-интуитивных способах постижения мира и его закономерностей [Киселева, 2019]. Этот принцип и технологии являются ценностно-нейтральными, но гуманистические ценности являются естественным ограничителем их негативного потенциала.

Таким образом, именно высокие технологии в рамках развивающегося digital-образования приводят педагога к осознанию необходимости формирования личности студента не только как специалиста, обладающего набором заданных знаний, умений, навыков, но и специалиста как личности, имеющей развитую нравственность.

Библиографический список

1. Гаврилов К. Разновидности массовых открытых онлайн курсов: возможности применения данных курсов в учебном процессе. URL: https://portal.tpu.ru:7777/f_dite/conf/2014/2/c2_Gavrilov.pdf (дата обращения: 16.08.2019).

2. Жукова Е. Профессионализм в сфере High Hume // Высшее образование в России. 2007. № 8. С. 117–120.

3. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: монография/ под ред Б.Дендева. Москва : ИИТО ЮНЕСКО, 2013. 320 с.

4. Киселева Л. Цифровое общество. Словарь-справочник. Москва: Проспект, 2021. 152с.
5. Нечаев В., Дурнева Е. Цифровое поколение: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45.
6. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. Москва : Аспект Пресс, 2022. 351 с.
7. Плешаков В. В. Киберсоциализация человека: монография. Москва : МПГУ «Прометей», 2012. 212 с.
8. Публичная политика. Институты. Цифровизация. Развитие (под ред. А. Сморгунова). Москва : Аспект-Пресс, 2018. 319 с.
9. Сотрудничество в публичной политике и управлении Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. 273 с.
10. Терехова А. Образовательные и просветительские онлайн платформы для детской аудитории: приемы, инструменты, формы (авторская концепция проекта для портала Arzamas): магистерская диссертация. Москва : НИУ ВШЭ, 2017. 103 с.
11. Управление публичной политикой. Москва : Аспект-Пресс, 2015. 319 с.
12. Цифровой мир: терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов. Москва : Проспект, 2022. 672 с.

УДК 347.1

С. А. Михайлов

***Особенности лоббирования интересов АПК в ходе
предвыборной кампании 1993 года
(по материалам областей Верхневолжья)***

В данной статье рассматривается вопрос о том, как в ходе предвыборной кампании в Федеральное Собрание в 1993 г. различные партии и кандидаты планировали отстаивать интересы агропромышленного комплекса и сельского хозяйства в Ярославской, Ивановской и Костромской областях. Изучив различ-

ные подходы к данной тематике, следует выделить три основных направления рассматриваемых кандидатов: левоцентристское, демократическое и националистическое.

Ключевые слова: выборы 1993 года; предвыборная кампания; программы кандидатов; агропромышленный комплекс; партии.

S. A. Mikhailov

Features of lobbying the interests of the agro-industrial complex during the 1993 election campaign (based on the materials of the Upper Volga regions)

This article examines the question of how, during the election campaign to the Federal Assembly in 1993, various parties and candidates planned to defend the interests of the agro-industrial complex and agriculture in the Yaroslavl, Ivanovo and Kostroma regions. Having studied various approaches to this topic, it is necessary to distinguish three main directions of the candidates under consideration: center-left, democratic and nationalist.

Key words: 1993 elections; election campaign; candidate programs; agro-industrial complex; parties

Конец 1993 г. вошел в историю России как время проведения первых выборов в новый законодательный орган – Федеральное Собрание, состоящее из Государственной Думы и Совета Федерации. Первые выборы 1993 г. были прямыми в обе палаты парламента. Решение о проведении парламентских выборов было принято одновременно с голосованием по проекту конституции, предложенному президентом Б. Н. Ельциным. Это стало следствием острого политического конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти, закончившегося силовым путем и насильственным роспуском Верховного Совета в сентябре – октябре 1993 г.

Новый законодательный орган обладал менее широкими полномочиями, чем Верховный Совет, и не мог формировать правительство самостоятельно, зато президент мог при определенных условиях распустить парламент, а также накладывать вето на

принимаемые палатами парламента решения. Тем не менее, представлять новый орган законодательной власти как полностью бесправный нельзя. Федеральное Собрание, по новой конституции, обладало широкими правами вплоть до проведения процедуры импичмента и вотума недоверия правительству. При наличии сильной оппозиции законодательный орган становился самостоятельным центром принятия решений, и первые три созыва Государственной Думы это хорошо показали.

При этом выборы в нижнюю палату впервые проводились не только по одномандатным округам, но и по партийным спискам. Это должно было стимулировать развитие многопартийной системы, формировать гражданское общество, позволило бы отдельным социальным группам населения лоббировать свои интересы через политические партии и отдельных кандидатов. Само понятие «лоббизм» означает отстаивание чьих-либо интересов посредством влияния на органы власти. Это очень широкое понятие, и в контексте предвыборной кампании его можно понимать, как отстаивание партиями и кандидатами интересов различных групп избирателей, а также отраслей промышленности, финансовых групп, чиновников, неформальных властных группировок.

Именно выборы 1993 г. способствовали развитию лоббизма на политической сцене России, так как впервые в выборах участвовали не только отдельные кандидаты, но и партии, заинтересованные в привлечении как можно большего числа избирателей, и соответственно, в необходимости отстаивать их интересы, как формально, так и не формально. Следовательно, можно будет проследить, что конкретно обещали кандидаты своим избирателям, какие интересы они собирались отстаивать применительно к областям Верхневолжья. Конечно, программы партий и кандидатов включали множество разнообразных пунктов, поэтому следует сосредоточиться на одном конкретном направлении, а именно, отстаивании интересов агропромышленного комплекса и сельского хозяйства.

Из 13 партий и блоков можно сгруппировать три основных направления: левоцентристское, демократическое и националистическое. Левоцентристское направление представляли Комму-

нистическая Партия Российской Федерации и Аграрная Партия России. Они выступали за приоритет государственной собственности на землю, сохранении коллективных форм хозяйствования, против купли-продажи земли и за дотационное сельское хозяйство.

Демократические партии («Выбор России», «ЯБЛОКО», Партия Российского Единства и Согласия, Российское Движение Демократических Реформ) отстаивали в своих программных требованиях переход к рыночной экономике и приватизацию земли, но имели несколько разные варианты этого процесса. Так, «Выбор России» был за безусловный переход к единоличному хозяйствованию и развитие фермерского движения. «ЯБЛОКО» намеревалось дополнить предыдущее положение протекционистскими пошлинами на импортное продовольствие для поддержки отечественного производителя, выступало за активное кредитование сельского хозяйства банками. То есть, «ЯБЛОКО» предлагало скорее не либеральный, а социал-либеральный подход.

Националисты, представленные Либерально-Демократической Партией России, выступали за компромиссный вариант: вместо приватизации разрешить долгосрочную аренду (до 50 лет) с правом наследования, но без права продажи. То есть, основные политические партии предлагали три варианта развития сельского хозяйства.

Перейдем теперь к программам конкретных кандидатов, баллотировавшихся по мажоритарной системе выборов в Государственную Думу и Совет Федерации.

Отстаивание политических, экономических и иных интересов агропромышленного комплекса во главу угла в своих избирательных кампаниях ставили в основном представители власти: А. И. Лисицын (глава администрации Ярославской области), В. П. Арбузов (глава администрации Костромской области), Б. К. Коробов (мэр г. Костромы), В. Н. Тихомиров (председатель Ивановского областного Совета народных депутатов). Все они баллотировались в Совет Федерации, каждый в своей области соответственно и обладали властными полномочиями, могли предложить использовать имеющиеся у них ресурсы для под-

держки сельского хозяйства. Так, Лисицын заверял своих избирателей, что администрация области будет «поддерживать крупные коллективные хозяйства как основных производителей сельхозпродукции, но дотироваться будут преимущественно те из них, которые занимаются ее воспроизводством, будут поддерживаться и фермеры на будущее» [Николаев, 1993, с. 3].

Похожие аспекты содержались и в программах Арбузова – поддержка «коллективного хозяйствования на селе при развитии мелкого сельскохозяйственного землепользования», «внедрение прогрессивных технологий в промышленности и сельском хозяйстве», что должно было помочь преодолению экономического кризиса [ГАНИКО. Ф. 3701. Оп. 1. Д. 39. Л. 2]. Коробов планировал расширение «строительства жилья, поддержку предпринимателей», развитие всех отраслей экономики и народного хозяйства [ГАНИКО. Ф. 3701. Оп. 1. Д. 39. Л. 5]. Тихомиров предлагал использование «различных форм товаропроизводителей – крупной, мелкой и средней, помощь и поддержку коллективных и индивидуальных сельскохозяйственных производителей, прием в муниципальную собственность ведомственного жилья» [ГАИО. Ф. Р-1558. Оп. 1. Д. 77. Л. 9]. К ним примыкал в некоторых пунктах своей программы депутат Рыбинского городского Совета народных депутатов, кандидат от ПРЕС С. А. Мошков, баллотировавшийся в Рыбинском избирательном округе в Государственную Думу и выдвигавший сходные идеи. В конечном итоге, все эти тезисы, так или иначе, сводились к формированию в России смешанной экономики, имеющей серьезное влияние государства на все сферы жизни.

Однако, при анализе этих и иных предвыборных обещаний бросается в глаза не только некоторая их однотипность, но и отсутствие четкого объяснения, каким образом будет организовано их выполнение, какой характер оно будет носить, какие силы при этом будут использованы.

Лоббирование интересов села и сельских товаропроизводителей наиболее четко было представлено в программах таких кандидатов, как директора племсовхоза им. Дзержинского Д. А. Стародубцева (баллотировался в Совет Федерации), заместителя председателя Костромского областного Совета народных депу-

татов, будущего губернатора Костромской области В. А. Шершунова, генерал-майора армии И. А. Яценко, представлявшего Кировский избирательный округ, а также частично – у А. Н. Грешневикова (баллотировался по Рыбинскому одномандатному округу). Так, Стародубцев считал необходимой поддержку в стране «всех форм собственности: государственной, коллективной, частной», но заострил особое внимание на развитии «сельскохозяйственного производства», обеспечении «условий для существования всех форм собственности – колхозов и совхозов, арендного землепользования» [Стародубцев, 1993, с. 3].

Шершунов выделял в своих тезисах поддержку «со стороны государства всех слоев трудового крестьянства – колхозных собственников и фермеров при обеспечении приоритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию» [ГАНИКО. Ф. 3701. Оп. 1. Д. 39. Л. 23]. Яценко, которого поддержали в предвыборной кампании АПР и КПРФ, выделял право «частной собственности на землю», однако выступал «против купли-продажи земли – главного достояния любого государства и народа» [ГАЯО. Ф. Р-3703. Оп. 1. Д. 4. Л. 21]. Данный кандидат считал, видимо, что такая собственность может появиться у селян после раздела колхозов или выделения из них.

На этом фоне позиция Грешневикова оказывалась более демократичной и однозначной – право частной собственности на землю с условием, что сам крестьянин должен решать, «где ему трудиться – в личном хозяйстве, колхозе или совхозе», причем он может и купить участок земли «через земельный банк» [ГАЯО. Ф. Р-3703. Оп. 1. Д. 39. Л. 21]. Этот кандидат также ставил во главу угла государственное регулирование цен, в том числе на продукцию сельского хозяйства. Аналогичных взглядов придерживались и иные кандидаты, выдвинутые по одномандатным округам в Ярославской и Костромской областях (Яценко, Пузановский, Марковин, Мальчиков, Леднев). Все они полагали, что в переходный период необходимо сохранять государственный контроль над товарами первой необходимости и оказывать в разной степени помощь агропромышленному комплексу. Таким образом, идеи государственного регулирования сельского хозяйства были весьма популярными.

Независимый кандидат в депутаты по Рыбинскому округу, президент АО «Росток» из Москвы Д. Г. Андриенко мечтал «пробить закон, по которому производители сельхозпродуктов были бы освобождены от налогов, по крайней мере, лет на пять. Тогда не нужно будет прощать им долги или всем миром искать денег, чтобы помочь» [Андриенко, 1993, с. 1]. Однако, и в этом случае пути решения данных проблем в программах кандидатов практически не раскрывались.

Таким образом, все представленные партии и кандидаты Верхневолжского региона выдвигали свои варианты продвижения интересов сельского хозяйства, лоббирования агропромышленного комплекса. При этом все сводилось к декларативным заявлениям и громким обещаниям, часто вне зависимости от политических направлений. Причем, если представители левоцентристского направления (например, КПРФ) сосредоточили свое внимание в основном, на поддержке коллективных форм хозяйствования, то представители демократического направления (Грешневиков, Мальчиков, Марковин и др.) считали, что во главу угла необходимо поставить введение частной собственности на землю и развитие индивидуального предпринимательства в данной области. А руководители областей и крупных городов (Лисицын, Коробов, Арбузов и др.) скорее тяготели и к поддержке коллективных форм собственности и фермерских хозяйств. Это можно объяснить в частности, стремлением привлечь на свою сторону потенциальных избирателей – представителей разнообразных направлений своего электората – и левых, и центристов, и правых. Это было вполне естественно, если вспомнить трудное социально-экономическое положение России в 1993 г., невозможность мгновенно перестроить экономику большого государства по какой-либо определенной программе. Тем не менее, дав конкретные обещания, прошедшие в парламент партии и кандидаты вынуждены были в условиях наступившей свободы слова стремиться реализовать свои программные установки, так как новые выборы должны были пройти уже в 1995 г., и избиратель теперь обладал реальным механизмом политического контроля – конкурентными выборами.

Библиографический список

1. Алексеев Р. А. Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование): монография. Москва : НИЦ-ИНФРА-М, 2022. 211 с.

2. Андриенко Д. Думе грозит поголовная партизация // Северный край. 1993. 10 дек. С. 1, 2.

3. Вискулова В. В. Гарантии избирательных прав граждан: вопросы теории и практики: монография. Москва : МГУ, 2019. 196 с.

4. Государственный Архив Ивановской области (ГАИО). Фонд № Р-1558. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в Ивановском избирательном округе № 37/79 и Кинешемском избирательном округе № 80 Ивановской области. 1993 год. Опись 1. Дело 77. Протоколы участковых избирательных комиссий о результатах голосования по Ивановскому избирательному округу № 37/79 Ивановской области.

5. Государственный Архив Новейшей Истории Костромской области (ГАНИКО). Фонд № 3701. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в Костромском избирательном округе № 44/95 Костромской области в 1993 году. Опись 1. Дело 39. Протоколы участковых избирательных комиссий о результатах голосования по Костромскому избирательному округу № 44/95 Костромской области.

6. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО). Фонд № Р-3703. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в Кировском избирательном округе № 76/189 и Рыбинском избирательном округе № 190 Ярославской области. 12.12.1993 года. Опись 1. Дело 4. Протоколы участковых избирательных комиссий о результатах голосования по Рыбинскому избирательному округу № 190 Ярославской области.

7. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО). Фонд № Р-3703. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в Кировском избирательном округе № 76/189 и Рыбинском избирательном округе № 190 Ярославской области. 12.12.1993 года. Опись 1. Дело 39. Протоколы участковых

избирательных комиссий о результатах голосования по Кировскому избирательному округу №76/189 Ярославской области.

8. Колюшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография. Москва : Юридическое издательство Норма, 2020. 384 с.

9. Марков Р. С. Выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в контексте федеративных отношений: монография. Москва : НИЦ-ИНФРА-М, 2022. 230 с.

10. Николаев К. Редкий депутат долетит до парламента // Золотое кольцо. 1993. 26 ноября. С. 3.

11. Слободчикова С. Н. Свободные выборы как избирательный стандарт: монография. Москва : Юстицинформ, 2022. 188 с.

12. Стародубцев Д. Труд-источник благосостояния // Городские новости. 1993. 2 дек. С. 3.

13. Чупилкина А. Ф. Избирательное право в контексте правового государства: законодательное регламентирование и практическая реализация: монография. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. 76 с.

РАЗДЕЛ 7. «ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

УДК 130.2

С. С. Поликарпов

Проект марксистской физиологии Арона Залкинда

Определяя физиологию как «боевую науку» о взаимодействии организма и среды, Арон Залкинд разоблачает концепт *constitutio*, когда постулируется биологическое равенство людей. Утверждая, что бытие проявляется в рефлексах, Залкинд формулирует мысль, что классовое сознание определяется классовой физиологией. Капитализм создал ситуацию, где условные рефлексy поглощают безусловные, но ученые смогут воссоздать естественный паритет, если примут методологию марксизма.

Ключевые слова: Залкинд; физиология; организм; рефлекс; класс.

S. S. Polikarpov

Aron Zalkind's Marxist Physiology Project

Defining physiology as a «combat science» about the interaction of the organism and the environment, Aron Zalkind exposes the concept of *constitutio*, when the biological equality of people is postulated. Arguing that being manifests itself in reflexes, Zalkind formulates the idea that class consciousness is determined by class physiology. Capitalism has created a situation where conditioned reflexes absorb unconditional ones, but scientists will be able to restore natural parity if they adopt the methodology of Marxism.

Key words: Zalkind; physiology; organism; reflex; stratum.

От репрезентационных схем, создающих разрыв между словами и вещами, до прикладных инструкций, нацеленных на преобразование индивида, – такова научная траектория Арона Зал-

кинда. Типичный путь, как пишет Эткинд в «Эросе невозможного...» [Эткинд, 2019, с. 277]. Тем не менее, раз индивидуальность, не может быть объективирована [Хайдеггер, 2020, с. 64], то идея научной заурядности Залкинда должна быть поставлена под сомнение.

Отмечено, что суть нормальной науки состоит в идентификации фактов [Порус, Бажанов, 2021, с. 22]. Поэтому отсутствие предметных исследований, посвященных мысли Залкинда, можно считать серьезной проблемой. Это связано не только с тем, что тезаурус Залкинда оказал воздействие на интеллектуальный и, в первую очередь, на педагогический климат СССР. Прежде всего, его работы предвосхитили концепты фрейдомарксизма [Вейгандт, 2021, с. 142]. «Телесные панцири» Райха, диалектика Грамши, критические планы реальности Франкфуртской школы, «Анти-Эдип» – мысль Залкинда, словно *ad uno tal* догонов, скрывает в себе дифференциации критической теории. Чтобы убедиться в этом, проанализируем «Физиологию и социологию» [Залкинд, 1924] – программный текст Залкинда, где схематизируется проект марксистской физиологии.

Уже на первых страницах статьи Залкинд заявляет, что физиология есть физиология политической реакции [Залкинд, 1924, с. 10]. Транспозиция, о которой писал Фрейд в «Толковании сновидений» в ракурсе верификации скольжения означаемого под означаемым, дает соответствующие результаты [Эткинд, 2006, с. 74]. Реакционная физиология пытается навязать субъекту такую картину мира, когда означаемые когерентности физиологических процессов прочно связаны с объектами означаемыми, органами тела. Как итог, утверждается инвариантная физиология индивида, заключенная в концепт *constitutio*.

«Мистическая брехня», – пишет Залкинд по этому поводу [Залкинд, 1924, с. 14]. Если принять за истину дискурсивные потоки о равенстве людей в *constitutio*, то необходимым образом следует говорить и том, что люди не поддаются различению в фокусе их физиологических характеристик. Однако это противоречит и методам реакционной физиологии (соматоскопия, антропометрия и пр.), и, заметим, учению о конституциональных типах [Шилкина, 2019, с. 125]. Отсюда закономерный вывод:

реакционная физиология, существующая в книгах, на страницах журналов и выдающая себя за чистую науку, есть не более чем идеологическая фиксация феноменального слоя реальности. Следовательно, медицина, педагогика и психология должны двигаться в ином направлении, в сторону качественной и количественной редукции, а точнее: «Физиологические законы должны быть привязаны к социально-биологической действительности во всех ее разделах и вне всякой связи с сознательным и бессознательным физиологическим мистицизмом» [Залкинд, 1924, с. 10].

Чтобы экспонировать подлинную реальность, следует думать так, говорит Залкинд, что живой организм лишь потому фиксируется означающим «живой», что его реакции есть реакции «сцепления» с внешней средой, в которой он находится [Залкинд, 1924, с. 11]. Тем самым бытие обуславливается рефлексами, «“приводами машин” перманентного приспособления» [Павлов, 2017, с. 33], если подчиняться метафоре рефлексологов. Констатация жизни не определяется метаболизмом, гомеостазом, репродуктивным потенциалом, как могли бы предположить «реакционеры» от физиологии, но фигурирует в способности живого отвечать на раздражители.

Из плана содержания «Физиологии и социологии» следует, что Залкинд объясняет рефлекс в виде союза *definiendum* и *definiens* на поле физиологии, поэтому «стереотипная реакция живого организма на какой-либо раздражитель» возглавляется абстракцией «рефлекс» [Залкинд, 1924, с. 12]. При этом рефлекс не есть то диффузное означающее, в каком сторонники реакционной физиологии могут обнаружить любое означаемое, взяв за пример спекуляции с означаемым здоровья [Кременцов, 2022]. Рефлекс, «обратное движение», есть эмпирическая данность, когда объект внешнего мира через воздействие на рецепторный механизм вызывает нервное возбуждение, и оно переходит в центральную нервную систему и отсюда оказывает влияние на рабочий орган [Шингарев, 2006, с. 148].

Реакционная физиология гипостазирует, отмечает Залкинд, но ученый, в тезаурусе которого доминирует означающее рефлекса, способен вскрыть имплицитный план бытия [Залкинд,

1924, с. 10]. Прежде всего, нужно понимать, если безусловный рефлекс — это «ответ организма, ставший привычным, в результате привычных взаимодействий, создавшихся между организмом и группой раздражений» [Залкинд, 1924, с. 12], то частотность раздражений закрепляет большинство рефлексов как безусловные. Однако, если скорость изменений действует так, что живой организм не успевает адаптироваться к среде, условные рефлексy «захватывают все органы, всю деятельность тела, соответственно уменьшая значение рефлексов безусловных» [Залкинд, 1924, с. 15].

В фокусе подлинной реальности все это проецируется следующим образом. Безусловные рефлексy превалируют в животном мире, где связь организма и среды фундаментальна. Рефлексy условные изоморфны организму человека. Глядя в историю, Залкинд полагает, что с течением времени человек стал «все меньше зависеть от естественной природы (солнца, леса, реки и проч.), и все глубже начал погружаться в усложняющуюся искусственную среду, созданную производством, в среду общественную» [Залкинд, 1924, с. 15].

Погружение в «искусственную среду» не проходит без физиологических последствий. Наступая, цивилизация деформирует опорно-двигательный аппарат, органы чувств, дыхательную систему индивида, т.к. дома, воздух, дороги модальны, привязаны к сенсорным системам. Поэтому утверждать, вслед за реакционной физиологией, что люди равны в *constitutio*, некорректно. Перманентная динамика материального мира показывает, что физиология пролетария вряд ли гомогенна физиологии египетского жреца, римского раба. Развитие носит хронический характер, и по этой причине объект распадается, неизбежно теряет свое *что*, а точнее, исчезает как стимул для формирования врожденных реакций. Как итог, исчезает бытие и того, что фиксируется термином «наследственность» применительно к человеку. «Некогда твердая, мощная система безусловных рефлексов человеческого организма, дававшая право говорить о почти прочных законах человеческой физиологии, зашаталась, раздробилась и начала расплзаться по швам» [Залкинд, 1924, с. 16], — такой вывод делает Залкинд, ознакомившись с фактурой истории.

По мнению Эткинда, в аналитике прогресса дискурс Залкинда напоминает суждения Руссо [Эткинд, 2019, с. 256], но на подступах к марксистской физиологии в его словах начинает выступать философский стиль Шпенглера.

Так, в XIX столетии, когда утвердился капитализм, организм человека оказался в глубоком кризисе. «Вид *homo*, некогда единый вид, раскололся под влиянием дезорганизующих производительных сил. Человечество резко разделилось на классы, физиология которых, в соответствии с условиями их производственно-общественного бытия, приняла совершенно своеобразный, специфический характер» [Залкинд, 1924, с. 15]. Таким образом, объем грудной клетки, мускульной силы, качество зрения, кровяное давление, процесс гомеостаза и другие физиологические компоненты стали определяться классом. Аналогичная ситуация начала происходить и в таких аспектах, как рождаемость, сроки полового созревания, распространение отдельных форм болезней. Иными словами, с утверждением капитализма появляется не только классовое сознание, но и классовая физиология. Пролетарий владеет «изношенным», «больным» телом, хотя глагол «владеет» здесь лишний: тело пролетария принадлежит эксплуататору. Эксплуататор, в свою очередь, владеет телом «здоровым», «хорошим».

Важно отметить, что Залкинд не отрицает правоту Павлова, когда тот постулирует наличие безусловных рефлексов [Колесниченко, 2018, с. 101]. Нужно лишь понимать, что это потенциальный научный факт, но не факт наглядный. Главная задача медицины, педагогики, психологии – сделать так, чтобы индивид оказался в ситуации паритета, подлинной *constitutio*, где безусловные рефлексы служат основой для рефлексов условных. Проще говоря, необходимо создать условия, в которых индивид смог бы установить постоянный контакт с определенными раздражителями. Причем Залкинд мыслит в духе своей эпохи. Под «человеком» он имеет в виду пролетария [Помелов, 2018, с. 91]. Кроме того, он полагает, что монтаж безусловных рефлексов обречен на провал без побед на политическом фронте, поскольку «единая физиология возможна лишь в стройно орга-

низованном обществе, при пропорционально распределяемых производственных функциях» [Залкинд, 1924, с. 16].

Тем не менее, чтобы создать «единую» физиологию, нужно учитывать классовое происхождение индивида. Пролетарий, в виду того, что он приобретает безусловные рефлексы в текущий момент и страдает от условных рефлексов «старого режима», нуждается в социальной терапии, то есть в медицине, инфраструктуре, образовании. Эти блага зафиксировывают некоторые реакции его организма как безусловные. На «бывших» проецируется иная методология. Раз капитализм наделил их «хорошим», «здоровым» телом, а точнее, привязал их сенсорные системы к определённым раздражителям, следует, прежде всего, искоренить данные раздражители, а затем сформировать новые рефлекторные связи в поле социализма, и так, чтобы они приняли наследственный характер.

Залкинд не сомневается в успехе своего дела: в его представлении тело пластичный материал. Оно получит новую сущность с утверждением в реальности особого типа физиологии, основанного на учении Маркса и Энгельса. Безусловно, даже в случае пролетария этос прошлого будет мешать преобразованиям, но по этой причине марксистская физиология и должна стать «боевой наукой о движениях человеческого организма в общественной среде и о способах нашего активного воздействия на эти движения организма» [Залкинд, 1924, с. 16].

Резюмируем. Проект марксистской физиологии, предложенный Залкиндом в «Физиологии и социологии», строится на следующих компонентах: а) критика реакционной физиологии; б) раскрытие подлинной реальности как реальности условно-рефлекторной; в) обоснование классовой физиологии; г) социальная терапия физиологической дифференциации индивидов. Можно согласиться с Шилкиной в том, что идеи Залкинда носят умозрительный характер, а его представление о методологии и тезаурусе физиологии карикатурно [Шилкина, 2019, с. 125]. Более того, нельзя не сказать, что Залкинд слишком формально, механистически мыслит рефлекс, упуская из внимания подлинные концептуальные идеи Бехтерева, Павлова, Сеченова. Однако нельзя сомневаться в продуктивности его идей, подобно то-

му, как миф, иррациональный в своей основе, может иметь познавательную ценность. Связь тела и общества, разрывы между означающими и означаемыми, репрессивный характер физиологии – все это позже, в середине XX столетия, актуализирует критическая теория.

Библиографический список

1. Вейгандт С. Пластические тела в научных работах Трофима Лысенко, Арона Залкинда и в искусстве Константина Станиславского в эпоху советского бихевиоризма // Новое литературное обозрение. 2021. № 1. С. 130–150.

2. Залкинд А. Б. Физиология и социология // Очерки культуры революционного времени. Москва : Работник Просвещения, 1924. С. 9–15.

3. Колесниченко Ю. В. Философские проблемы личности в советской педагогике 1920–1930-х гг. : П. П. Блонский, А. Б. Залкинд, А. С. Макаренко /// Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С. 97–106.

4. Кременцов Н. Что нового было в «новом человеке» первой трети XX века? Научное знание как культурный ресурс // Новое литературное обозрение. 2022. №4. С. 31–49.

5. Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Москва : Эксмо, 2017. 480 с.

6. Помелов В.Б. Недолгий век отечественной педологии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 89–96.

7. Порус В. Н. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания / В. Н. Порус, В. А. Бажанов // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 15–33.

8. Фрейд З. Толкование сновидений. Москва : Азбука, 2022. 448 с.

9. Хайдеггер М. Ницше и пустота. Москва : Алгоритм, 2020. 288 с.

10. Шилкина И. С. Психоанализ в послереволюционной России (1920–1930-е годы) // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 108–129.

11. Шингарев Г. Х. Павловский условный рефлекс – естественнонаучная модель изучения знаковых систем // Epistemology & Philosophy of Science. 2006. №4. С. 145–163.

12. Эткин А. М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 68–80.

13. Эткин А. М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. Москва : Класс, 2019. 592 с.

УДК 141.319.8

А. О. Артамонов

***Виртуальный опыт в процессе формирования
самоидентичности***

Статья посвящена проблеме формирования самоидентичности в условиях виртуализации человеческой жизни. Выделяется позитивное и негативное воздействие виртуальной реальности на самоидентичность. Формулируются отличительные черты формирования самоидентичности в реальном и виртуальном мире. Обосновывается роль видеоигр в формировании самоидентичности. По мнению автора, свобода действий и выбора в виртуальном мире в определенных условиях, являющаяся основанием возникновения самоценного стремления к восприятию информации в таком пространстве, придает формированию самоидентичности более осознанный, контролируемый характер.

Ключевые слова: идентичность; самоидентичность; виртуальная реальность; виртуальный мир; видеоигры.

А. О. Artamonov

Virtual experience in the process of self-identity formation

The article is devoted to the problem of the formation of self-identity in the conditions of virtualization of human life. The positive and negative impact of virtual reality on self-identity is highlighted. The distinctive features of the formation of self-identity in the real

and virtual world are formulated. The role of video games in the formation of self-identity is substantiated. According to the author, freedom of action and choice in the virtual world under certain conditions, which is the basis for the emergence of a self-valuable desire to perceive information in such a space, gives the formation of self-identity a more conscious, controlled character.

Key words: identity; self-identity; virtual reality; virtual world; video games.

В настоящее время скорость развития информационных технологий неуклонно растет, как и их влияние на все сферы жизни общества. Проблема самоопределения современного человека в изменяющихся условиях его существования становится одной из центральных проблем философской антропологии.

Так, компьютеры и другие устройства уже плотно вошли в нашу жизнь, стали заметной частью повседневности: работы, обучения, быта, досуга. На наших глазах происходит активная виртуализация жизни [Полюшкевич, 2020]. Этот процесс обусловлен структурным изменением основополагающего элемента формирования самоидентичности – межличностной коммуникации, значительным образом переместившейся в цифровое пространство. Например, отмечается, что в виртуальном (цифровом) пространстве «человек существует дискретно, что влечет изменение в понимании его целостности» [Ярославцева, 2021, с. 352].

Что мы представляем в качестве самоидентичности? В данной работе указанное понятие синонимично с понятием персональной идентичности, личной идентичности. Так, Л. Ф. Косенчук под персональной идентичностью понимает осознание личностью собственного единства и целостности в пространстве и во времени [Косенчук, 2014]. Самоидентичность неразрывно связана с такими словами, как самость, самотождественность, самобытность. Как пишет О. А. Полюшкевич: «Осознание своей индивидуальности – понимание себя самого, в чем ценность и уникальность себя и в чем схожесть с другими людьми» [Полюшкевич, 2020, с. 166].

С юношеского возраста (примерно с 16–17 лет) поиск себя, своего места в мире, самопознание выходят на первый план.

Речь идет о том самом конструировании, формировании человеком идентичности. Сегодня молодые люди вступают во взрослую жизнь уже в обстановке развитого виртуального пространства, что вызывает неподдельный исследовательский интерес у различных авторов [см., например: Полюшкевич, 2020; Влияние информационной среды на идентичность современных подростков, 2014].

Будучи сложным явлением, виртуальное пространство несет в себе как положительное, так и негативное воздействие на самоидентичность. Именно негативный опыт часто становится предметом различных исследований. Активное пребывание в виртуальном пространстве ведет к сужению социальных связей, сокращению внутрисемейного общения [Особенности влияния компьютерных игр на личность, 2014], обесцениванию реальной жизни, способствует формированию «клипового» мышления [Вавилова, 2019], «информационного кокона», в котором лицом отбирается только приемлемая информация [Человек как открытая целостность, 2022]. Однако, в данном случае фокус исследований смещается в сторону ситуации, когда человек становится заложником, инструментом виртуального пространства. Тогда как изначально виртуальное пространство является таким инструментом в руках человека.

Формирование самоидентичности связано с множеством взаимодействий человека с окружающим миром. Часто не конкретная личность, а именно социальная среда является инициатором такого взаимодействия. Следовательно, не всегда процесс приобретения опыта является контролируемым. В качестве примера можно привести знакомые всем ситуации, когда под впечатлением от личности преподавателя или методики преподавания формируется негативное отношение к какому-либо школьному предмету, когда родители выбирают за ребенка его будущую профессию и т. п. В последующем все это может привести и скорее всего приведет к кризисам идентичности. Человек находится в постоянном круговороте событий, часто даже не осознавая, как то или иное явление повседневной жизни отражается на его самости.

Виртуальный мир, как правило, напротив, ассоциируется со свободой действий, выбора. Как отмечает М. М. Главатских: «Субъект виртуального образовательного процесса более свободен, рассматривается как управляющий социальной ситуацией и поэтому отличается множественной моделью конструирования идентичности» [Главатских, 2013, с. 33]. Следует также согласиться с автором в том, что сформированная идентичность возникает только путем получения знаний и опыта как самоценного стремления [Главатских, 2013]. Перспективы самопознания, самореализации напрямую связаны с тем, насколько активно лицо примеряет те или иные социальные роли.

В качестве примера рассмотрим виртуальное пространство видеоигры. Игра как культурное явление сама по себе характеризуется тем, что является свободным действием [Хейзинга, 2011]. Благодаря игре человек выходит за пределы обыденной, настоящей жизни. От него зависит выбор самой игры, время игрового процесса, возможность повторного участия в игре.

Взаимодействие с игроком осуществляется посредством визуального нарратива [Бабинович, 2019], сеттинга, игровой механики, звукового сопровождения видеоигры, геймплея, атмосферы [Галанина, Акчелов, 2016] и т. д. Данные элементы создают привлекательный образ видеоигры как художественного произведения, а также более внушительный эффект погружения, чем тот, который могут предоставить кино, книги, музыка. Существуя в виртуальном пространстве видеоигры и взаимодействуя с ним, игрок принимает все правила и условности этого мира, при этом в остальном обладая свободой в принятии решений. Все вышеперечисленное в условиях атмосферы непринужденности является серьезным вовлекающим фактором.

Жанровое разнообразие видеоигр позволяет примерять самые различные роли. Принимая под свое управление армии Римского государства в стратегической игре с историческим сеттингом, игрок может в последующем приобрести интерес к изучению истории античности или, например, к военной истории с изучением войн в различных исторических периодах. Различные симуляторы могут побудить к стремлению развивать кулинарные навыки в реальной жизни, водить автомобиль и т. п. Можно иг-

рать в видеоигры и однажды понять, что их визуальный стиль вдохновляет тебя заняться изобразительным искусством. Именно в этом и проявляется самоценное стремление, необходимое для формирования самоидентичности. Примером положительного виртуального опыта может являться и перенос конкретных межличностных коммуникативных практик в реальную жизнь (допустим, приобретение первоначального опыта дискуссий).

В виртуальном пространстве в силу замкнутости и ограниченности коммуникационных связей намного легче самовыражаться [Лемешев, 2020]. Доступ к самой широкой информации позволяет расширить категории желаемого в рамках личного экзистенциального проекта, выполнение которого напрямую связано с самоидентичностью [Городищева, Городищев, 2020]. При этом обстановка, в которой личность представлена сама себе, располагает к саморефлексии. Отсюда вытекает тот факт, что, несмотря на непрерывность формирования самоидентичности, нахождение в виртуальном пространстве позволяет замедлить процесс приобретения опыта, сделать его более избирательным, увеличить степень контролируемости.

Таким образом, если абстрагироваться от случаев зависимости и рассматривать виртуальное пространство как инструмент, применяемый при формировании самоидентичности, то получаемый виртуальный опыт позволяет намного лучше познать себя, примерить различные роли. Этот в некотором смысле личный процесс становится возможным благодаря свободе действий и выбора в цифровом мире, инициатором взаимодействия с которым является сам человек. Самоценное стремление к восприятию информации в таком пространстве придает формированию самоидентичности более осозанный, контролируемый характер.

Библиографический список

1. Бабинович В. С. Идентичность геймера в виртуальном пространстве видеоигр // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 64–67.

2. Вавилова Ж. Е. Конструирование идентичности в условиях виртуализации общества : автореф. дис. ... кандидата философских наук / Вавилова Жанна Евгеньевна. Казань, 2019. 23 с.

3. Галанина Е. В., Акчелов Е. О. *A potentia ad actum: виртуальный мир видеоигры* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (74). С. 45–51.

4. Главатских М. М. Влияние виртуальной образовательной среды на развитие идентичности личности: обоснование исследования // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 32–34.

5. Городищева А. Н., Городищев А. В. Проблемы самоидентификации человека в кибернетическом обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 4 (30). С. 29–37.

6. Королева Н. Н., Богдановская И. М., Луговая В. Ф. Влияние информационной среды на идентичность современных подростков // Психология, социология и педагогика. 2014. № 11. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/11/3957> (дата обращения: 02.03.2023).

7. Косенчук Л. Ф. Персональная идентичность в условиях сетевой культуры : философско-антропологический анализ. Ростов-на-Дону, 2014. 28 с.

8. Лемешев П. С. Идентичность человека в виртуальном пространстве // Spirit Time. 2020. № 9-1 (33). С. 8–9.

9. Полюшкевич О. А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.

10. Сидорова С. Н., Ельчанинов В. С., Габдулхакова Н. К. Особенности влияния компьютерных игр на личность // Молодой ученый. 2014. № 7 (66). URL: <https://moluch.ru/archive/66/10972/> (дата обращения: 09.03.2023).

11. Хейзинга Й. *Homo ludens. Человек играющий* / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

12. *Человек как открытая целостность : монография* / отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. Новосибирск : Академиздат, 2022. 420 с.

13. Ярославцева Е. И. Феномен риска творческой деятельности: стимул или угроза. Человек в глобальном мире: риски и перспективы / отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. Москва : Канон+, 2021. С. 350–358.

УДК 111.5

Л. Д. Петряков

*Взаимосвязь философских и информационных онтологий
как проблема философии*

Многообразие онтологий, в том числе, продуцируемых наукой, и их возможная взаимосвязь рассматривается как одна из философских проблем. В статье предлагается систематизация существующих онтологий по их центральному элементу. Ставится проблема контекстного включения в повседневную практику людей онтологий информационной реальности, в частности поисковых систем и баз знаний. Установление взаимосвязи между онтологиями позволяет управлять этими знаниями.

Ключевые слова: онтология; метаонтология; концепт; понятийное мышление; управление знаниями.

L. D. Petryakov

*Interrelation of philosophical and informational ontologies
as a problem of philosophy*

The diversity of ontologies, including those produced by science, and their possible interrelation is considered as one of the philosophical problems. The article proposes the systematization of existing ontologies by their central element. The problem of contextual inclusion of ontologies of information reality, in particular search engines and knowledge bases, into people's daily practice is posed. Establishing the relationship between ontologies allows you to manage this knowledge

Key words: ontology; meta-ontology; concept; conceptual thinking; knowledge management.

Всякая онтология – основа философии, это словарь основных терминов, предполагающий отношение этих терминов между собой и к другим терминам не входящим в число основных (их деление, классификация). Основные термины – это концептуальное (грамматическое) описание предметной области (деятельности). А классификация – инструкция по применению описания с целью познания реальности. Отношения между основными терминами нормированы, тогда как в классификации они умозрительны, подвержены субъективной мысли философа. В рамках одной онтологии может быть создано потенциально бесконечное число классификаций, что предполагает «развитие», ветвление онтологий, происходящих от одного принципа, «корня». К примеру, разные варианты гегельянства, кантианства, марксизма [Адорно, 2011]. То есть онтология – это система упорядочения мира, включающая модель мира и возможность экстраполяции этой модели (познание).

К примеру, онтология Канта – это понятие о вещи «самой-по-себе» [Кант, 1964], противопоставленной разуму, познающему мир явлений. Классификация появляется только за пределами чистого разума. Разум вынужден становиться Волей, чтобы действовать в этическом и социальном мирах. Классификация Канта это выбор категорического или практического императивов в этике, закона или общественного договора в социологии. Онтология Гегеля – логоцентризм, диалектика как комбинаторика понятий разума. Классификации [Гегель, 1970] – это его трактовка субъективного, объективного и абсолютного духа, тройственная классификация наук о природе и т. д.

Онтологический парадокс в том, что всякая онтология вынуждена «урезать» реальность до системы (конечного числа терминов, описывающих свойства и отношения объектов), и, следовательно, всякая онтология является частной. Тем не менее, она утверждает свою всеобщность. Разрешение этого противоречия возможно в метаонтологии, то есть системе переходов от одной частной онтологии к другим, а также в обосновании возможности конструирования новых онтологий и философских систем с учётом имеющейся модели. Кроме того, любая

онтология является системой распознавания смыслов и их порождения, то есть интерпретирующей системой. Используя не одну, а несколько онтологий одновременно, мы оказываемся перед проблемой их смыслового «выравнивания»: формирования искусственных смыслов, исчезновения смысла, выбора актуальной онтологии для его «удержания».

Существует «проблема сведения воедино различных моделей (схем) онтологии. Мы сюда включаем и вопрос согласования философской и научной онтологии» [Кудряшев, 2009, с. 1194]. Утверждая полионтологизм философии, следует определять в этом ключе методологию описания мира как целого на основе принципа дополнительности (Н. Бора) разных онтологий. Параллельно с онтологическим плюрализмом следует рассматривать плюрализм классификаций реальности. Классификации, то есть интерпретации реальности, производимые разными онтологиями, могут также дополнять друг друга и рассматриваться системно в качестве дискурсивного концепта – метода познания, представляющего философскую прагматику.

Онтологии могут быть объектными (пространственными) и событийными, опирающимися на время. В событийной онтологии «любое стандартное по формату модельное событие, содержит логическое выражение, определяющее условия его выполнения. И это логическое выражение интерпретируется, как правило. Но только правило, задающее выполнение самого этого события» [Болдачѐв, 2022а] то есть команды, действия. В этой онтологии события «собираются» в процессы, процессы в систему-деятельность, приводя к событию-результату. Вся последовательность представляет собой граф на линии времени. «Событийный граф не только хранит всю историю изменений предметной области, но и фиксирует причины появления каждого нового события» [Болдачѐв, 2022б, с. 157]. Событийная онтология будет удобна для описания истории (политических и военных событий), производственных и экономических процессов, а пространственная – для стабильных иерархических систем: социальных, управленческих, гносеологических и других.

Философия «от субъекта» предполагает в качестве первоосновы, абсолютно достоверного начала мир человеческой субъек-

тивности «я». Примером могут служить философия Р. Декарта, феноменология Э. Гуссерля, «субъективный идеализм» И. Канта, Д. Беркли, Д. Юма. «От субъекта» в данном случае означает не только «отправную точку», направление движения мысли, но и ту дистанцию, которая отделяет конституирующее сознание от конституируемого им мира. Дистанцию не в физическом смысле, а в экзистенциально-онтологическом, когда мир, пройдя через субъективный опыт осознания и осмысления, перестает быть только «моим миром» и обретает объективность и очевидность. «В конечном счете, только раскрытие горизонтов опыта проясняет действительное существование мира и его трансцендентность и показывает затем, что он неотделим от трансцендентальной субъективности, конституирующей смысл и действительность бытия» [Гуссерль, 2000, с. 398] – таков путь построения онтологии «от субъекта» [Буденкова, 2007].

В онтологии «от объекта» источником конституирования реальности является опыт, но не эмпирический, а преобразованный с помощью интеллекта в метафизический, математический, освобожденный от всего чувственно-конкретного и случайного. В онтологии «от объекта» утверждение «мир есть» основывается на интересубъективности нашего опыта. Основанием интересубъективности являются язык (метафизический опыт) и повседневная практика (опыт «естественный») [Буденкова, 2007]. Онтологии, центрированные логикой: Г. Гегеля и К. Маркса [Маркс, 1955]. «Если логика противоречит фактам, то тем хуже для фактов» [Гегель, 1970, с. 52]. В принимаемой им формуле тождества мышления бытию, сделан акцент на мышление, которому должно подчиняться бытие, а если логика есть «наука о правильном мышлении», то логика есть основа бытия и даже само бытие, а не способ его описания. Следовательно, мы должны игнорировать факты, «не подчиняющиеся» логике.

Каждая их конкретных, частных онтологий имеет проблемы в объяснении реальности, неразрешимые в её рамках или разрешимые двойственно. Проблема построения онтологии – «от субъекта» – связана с переходом от внутреннего мира «Я» к внешней реальности, от субъекта к объективному миру. В результате последовательной феноменологической редукции и де-

картовского методического сомнения не остается ничего абсолютно достоверного и ясного, кроме осознания «ego cogito». Гуссерль стремится преодолеть возможный солипсизм своей концепции, утверждая интерсубъективное познание «сообществом монад» [Гуссерль, 2000]. Но потенциально мы имеем дело не с одним общим миром, а с множеством миров, в каждом из которых конституирующее «Я» занимает привилегированное положение. Отсюда, в субъектной онтологии «мира как целого не существует» [Леви, 2021]. Что ставит под вопрос как познание, так и идею философии.

Ветвящиеся деревья онтологий пересекаются в других онтологиях: то есть на стыке объектной и субъектной онтологий возникает проблема языка (фиксации идеи понятием субъекта) с одной стороны и передачи знания о мире соответствующего самому миру – с другой (объектной), «отражение». Вопрос о принятии объектов, как и их смыслов, становится вопросом о вербальном указании на эти объекты и смыслы, их именовании, способах этого именованья (ресурсах языка) [Куайн, 1998]. А вопрос о «реальности самой-по-себе» снимается. В свою очередь, онтология языка встречает проблему понимания и разрешает её в онтологии коммуникации и т.д. Каждая конкретная онтология имеет проблемы, неразрешимые в её рамках, но не существующие в рамках другой онтологии. Зная разные «точки отсчёта» онтологий, можно представить их единство в виде «круга Иттена» или аналогичного многоугольника, где место в системе любой возможной онтологии будет соответствовать её содержанию.

Возможно, решение конкретных задач частных онтологий можно найти путём перехода от одной онтологии к другой через «узлы», пересечения в континууме систем постулатов, имеющих синтаксический смысл, но оперирующих с одним и тем же миром. Проблемы, возникающие на стыках онтологий, сами подсказывают способ их решения, то есть переход к онтологии, где они перестают быть проблемами, а становятся терминами, понятиями другого языка. Так, проблема описания движения, существующая в объектной онтологии, «снимается» в онтологии событийной. Причём если в объектной онтологии сутью проблемы

является понятие «время», то в событийной время становится математической величиной, длительностью события и длительностью промежутка между двумя событиями. Таким образом, мы не ставим вопросы об объективном смысле субъективных понятий: что есть время? Что есть движение? Мы рассматриваем причинно-следственные связи между событиями и логическую структуру самих событий.

Следовательно, мы можем перейти от проблемы получения «готовых» знаний с помощью размышления и манипулирования ресурсами языка, к проблеме управления знаниями и генерации нового знания метаонтологией. В образовательном процессе актуальность использования онтологического подхода обусловлена «необходимостью превращения неявного знания в явное; совершенствованием образовательных процессов; ростом объёма информации и необходимостью её сжатия; повышением значимости качественного содержания учебных дисциплин...» [Плешакова, 2022, с. 507]. При этом проблема адекватного перевода (отсутствующих терминов) языка решается применением большего или меньшего числа имеющихся слов в языке, на который мы переводим. Либо применением другого языка, понятного для носителей первого и второго. Проблема парадоксов в языке решается переходом к логике, исключающей эти парадоксы (к примеру, Лукасевича), либо производством новых терминов, искусственных языков. Все проблемы возникают из непонимания реальности (частями которой являются субъекты, объекты и знаковые, виртуальные системы, продуцируемые субъектами). Понимание же можно определить как описание части реальности на адекватном для этой части языке.

Традиционный метод философии – это понятийное мышление, стремление сконструировать из множества частных случаев общее понятие, а затем, онтологизируя это понятие, найти правило, которое должно действовать во всех частных случаях. Иной метод предполагает управление знанием о каждом из частных случаев, выделение общего и особенного в них, и нахождение правила воспроизводства и модификации этого множества частных. Поскольку «Атрибуты и отношения, связывающие концепты, играют важную роль в процессе обобщения,

позволяя избежать потери информации. Фактически они не только дают идентификацию гиперному концепта, но также позволяют «привязать» некоторую характеристическую информацию к каждому концепту, показывая, таким образом, различие между концептом и его предком» [Батищев, 2002, с. 101]. Таким образом, мы оказываемся в ситуации, когда рабочая онтология, с помощью которой мы ищем нужную информацию, задана нам программно. Тогда как наше мировоззрение сформировано в русле какой-либо иной онтологии, полученной нами в процессе обучения и жизненного опыта. Следовательно, наши методы могут противоречить нашим целям. Эта ситуация требует осмысления. Метаонтология, предложенная здесь как метод прагматического и осознанного перехода от одной онтологии к другим, предполагает отказ от догматизма и идеологизации знания, которые также должны быть осознаны человеком.

Библиографический список

1. Адорно Т. Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. Москва : Академический проект, 2011. 538 с.
2. Баранов Г. В. Исследования проблемы бытия в онтологии // Бюллетень науки и практики. 2016. №12 (13). С. 370–375.
3. Батищев С. В. Искварина Т. В. Скобелев П. О. Методы и средства построения онтологий для интеллектуализации сети Интернет // Известия Самарского научного центра РАН 2002. Том 4. № 1. С. 91–103.
4. Буденкова В. Е. Два способа построения онтологии и перспективы неклассической эпистемологии // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 298. С. 66–71.
5. Болдачёв А. В. Событийная онтология vs объектная. 21 дек. 2022 г. URL.: <https://habr.com/ru/post/706916/> (дата обращения: 13.02.2023)
6. Болдачев А. В. Субъектно-событийный подход к моделированию сложных систем // Философия и цифровые технологии. Сборник статей. Москва : Ridero, 2022, 240 с.
7. Гегель Ф. Наука логики. В 3 тт. Москва : Мысль, 1970. Т. 2. С. 52–56.

8. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск; Москва; Харвест – АСТ, 2000. 752 с.

9. Кант И. Сочинения в шести томах [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана], Москва : изд-во «Мысль», 1964. Т. 3. 799 с.

10. Техники консультирования и психотерапии / Келли Дж. Психотерапия конструктивного альтернативизма: психология личностной модели в Сб.: Сост.: У. С. Сахакиан. Москва : «Апрель-пресс»; «Эксмо-пресс», 2000. URL.: <https://psychosearch.ru/teoriya/determin/425-teoriya-lichnostnykh-konstruktov-dzhordzha-kelli> (дата обращения: 20.02.2023).

11. Куайн У. О. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия. Становление и развитие. Москва : Дом интеллектуальной книги Прогресс-Традиция, 1998. 525 с.

12. Кудряшев А. Ф. Современная онтология: актуальные проблемы // Вестник башкирского университета 2009. Т. 14. № 3(1). С. 1194–1196.

13. Леви Р. Б. Демократия объектов. Москва : Изд-во Hyle Press, 2021. 120 с.

14. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва : Издательство политической литературы, 1955. Сочинения. Т. 42. С. 41–174.

15. Плешкова А. Ю. Онтологии в управлении образовательным процессом // Онтология проектирования. 2022. № 4. Т. 12. С. 506–514.

Сведения об авторах

Абакумов Аркадий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Аграфонов Петр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Александрова Мария Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Артамонов Александр Олегович – аспирант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Архипова Любовь Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Бабурина Наталья Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Воробьева Дарья Николаевна – магистр педагогического образования, менеджер проектов Культурного центра «Textil».

Грушина Татьяна Анатольевна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Егоров Павел Евгеньевич – аспирант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Емельянова Мария Сергеевна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Епархина Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Жук Анна Эдуардовна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Заварин Андрей Дмитриевич – магистрант программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Зимина Анастасия Александровна – аспирантка ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения».

Карандашев Глеб Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Кищенко Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Козюра Елена Геннадьевна – методист высшей категории МОУ «ГЦРО».

Кушнарв Филипп Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

Лихоманова Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры философии социально-культурных технологий и туризма ФГБОУ ВО РГАТУ имени П. А. Соловьева,

Ло Айлинь – доктор исторических наук, профессор Института истории и культуры Центрально-Китайского государственного педагогического университета, г. Ухань, КНР, pkuuide@163.com.

Макарова Светлана Федоровна – учитель высшей категории МОУ «Средняя школа № 13».

Михайлов Сергей Алексеевич – старший преподаватель Ярославской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук.

Мичу Юлия Михайловна – преподаватель истории Тутаевского политехнического техникума.

Молодцова Марина Анатольевна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Музыченко Олег Анатольевич – аспирант ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения».

Мурашова Дарья Анатольевна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Новичкова Дарья Андреевна – аспирантка ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения».

Нуруллина Анна Владимировна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Огороднова Арина Александровна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Пань Сюанье – аспирантка Института истории и культуры Центрально-китайского государственного педагогического университета.

Парфененко Анастасия Юрьевна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Петряков Леонид Джоржович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Ярославского высшего военного училища противоздушной обороны МО РФ.

Поликарпов Сергей Сергеевич – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Пчелкина Анастасия Константиновна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения».

Рябов Владислав Юрьевич – магистрант программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Сараева Елена Леонидовна – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Смирнова Любовь Владимировна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Таланов Сергей Львович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Талашов Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Ходнев Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Цой Игорь Александрович – учитель истории и обществознания Лицея МУБиНТ г. Ярославля.

Чижова Елизавета Романовна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Шамонин Игорь Владимирович – магистрант программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Шестопалова Дарья Борисовна – магистрантка программы «Публичная история» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Information about the authors

Abakumov Arkady Alekseevich – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Historical Sciences, PhD.

Agrafonov Pyotr Gennadyevich – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Historical Sciences, PhD.

Aleksandrova Maria Vyacheslavovna – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Historical Sciences, PhD.

Arkhipova Lyubov Mikhaylovna – Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Doctor of Historical Sciences.

Artamonov Aleksandr Olegovich – postgraduate student at Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Baburina Natalia Fedorovna – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Pedagogical Sciences, PhD.

Chizhova Elizaveta Romanovna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Egorov Pavel Evgenyevich – postgraduate student at Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Emelyanova Maria Sergeevna – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Cultural Sciences, PhD.

Grushina Tatiana Anatolievna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Karandashev Gleb Vladimirovich – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Historical Sciences, PhD.

Khodnev Alexander Sergeyeovich – Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Doctor of Historical Sciences.

Kishchenkov Mikhail Sergeyeovich – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Historical Sciences, PhD.

Kozura Elena Gennad'evna – Methodologist of the highest category of the «Educational Centre Yaroslavl».

Kushnarev Philip Yurievich – Associate Professor, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Candidate of Political Science.

Likhomanova Anna Alekseevna – Senior Lecturer, Department of Philosophy of Social and Cultural Technologies and Tourism, P.A. Solovyov RSREU.

Makartsova Svetlana Fedorovna – teacher of the highest category of the MOU «Secondary school No. 13».

Michu Yulia Mikhailovna – Teacher of History, Tutaev Polytechnic College.

Mikhailov Sergey Alekseevich – Senior Teacher, Yaroslavl State Agricultural Academy, Candidate of Historical Science.

Molodtsova Marina Anatolievna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Murashova Daria Anatolievna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Muzychenko Oleg Anatolievich – postgraduate student at the State University of Education.

Novichkova Darya Andreevna – postgraduate student at the State University of Education.

Nurullina Anna Vladimirovna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Pan Xuanye – postgraduate student at the Institute of History and Culture, Central China State University of Education.

Parfenenko Anastasia Yurievna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Pchelkina Anastasiya Konstantinovna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Petryakov Leonid Dgordgovich – Professor, Chair of Humanitarian and Socio-Economic Science, Yaroslavl Higher Military School of Air Defence of the RF Ministry of Defence, Doctor of Philosophy.

Polikarpov Sergey Sergeevich – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Culturology.

Rozina Olga Vladimirovna – Associate Professor, State University of Education, Candidate of Historical Sciences, PhD.

Ryabov Vladislav Yurievich – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Sarayeva Elena Leonidovna – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Doctor of Historical Sciences, PhD.

Shamonin Igor Vladimirovich – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Shestopalova Daria Borisovna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Smirnova Lubov Vladimirovna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Talanov Sergey Lvovich – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Social Sciences, PhD.

Talashov Mikhail Vladimirovich – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Historical Sciences, PhD.

Tsoy Igor Aleksandrovich – History and Social Studies Teacher, Lyceum MUBiNT, Yaroslavl.

Vorobyeva Daria Nikolaevna – Project Manager, Cultural Centre «Textil», Master of Pedagogical Education.

Yeparkhina Olga Valeryevna – Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Candidate of Political Sciences, PhD.

Zavarin Andrei Dmitrievich – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Zhuk Anna Eduardovna – Master student of Public History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

Zimina Anastasia Aleksandrovna – Postgraduate student of the «State University of Education» Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education.

Для заметок

Учебное издание

**ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ, ОБРАЗОВАНИЯ**

Материалы научно-практической конференции
«Чтения Ушинского»

Научный редактор
Оксана Сергеевна Нагорная

Редактор Т. В. Шаркова

Подписано в печать 19.07.2023. Формат 60х90/16.
Объем 20,5 п. л. 15,26 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ № 111.

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852) 32–98–69